
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Виктор ИЛЮХИН. Грозит ли распад России? 3

ПРОЗА

Сергей ЩЕРБАКОВ. Скворцы прилетели. Рассказ 44
Анна КОЗЫРЕВА. Аз есмь... (Главы из романа) 53
Александр ПОЛЯКОВ. Зяма. Рассказ 88
Равиль ДОМАЕВ. Волк. Рассказ 95
Сергей ШУМСКИЙ. Рассказы 101

ПОЭЗИЯ

Александр ИВУШКИН. Остывшие печи. Стихи 118
Виктор ХОРОЛЬСКИЙ. Гневные стихи. Стихи 121
Иван ТЕРТЫЧНЫЙ. Затуманился сад. Стихи 124
Анна ПАВЛОВСКАЯ. Сова. Стихи 126
Стихи поэтов России 130

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Ярослав БУТАКОВ. Есть ли будущее у русских? 12
Проект Россия. Продолжение 18

Михаил АНТОНОВ. Россия XXI века: путь к мировому лидерству. Продолжение	140
Олег ПЛАТОНОВ. Русское сопротивление грядущему антихристу. Продолжение	168
Валерий ПОЗДНЯКОВ. Русские «иностранцы» в Приамурье	180
Игорь РОДИОНОВ. Есть ли у России ядерный щит?	208
Михаил НАЗАРОВ. Борис Коверда	220
Геннадий ШИМАНОВ. Два условия возрождения христианства в России	230

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Сергей РОДИН. Творцы «новой нации». Окончание	249
---	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Татьяна МИРОНОВА. Квачков допросил Чубайса	270
---	-----

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Михаил ЛЕМЕШЕВ. Русская модель управления экономикой	277
---	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Дмитрий МЕЩАНИНОВ. Уик-энд	282
---	-----

Виктор ИЛЮХИН

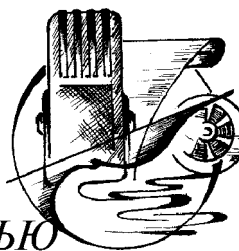
ГРОЗИТ ЛИ РАСПАД РОССИИ?

Ежедневно депутату Государственной думы В.И. Илюхину со всех концов страны приходят десятки писем. Обращаются к нему с вопросами и журналисты.

Предлагаем нашим читателям ознакомиться с наиболее характерными вопросами и ответами на них. (Ред.)

— Виктор Иванович, существует ли сегодня реальная угроза целостности России?

— Существует, и этому способствует вся политика нашей верховной власти, порождающая противоречия между социальными группами, которые, образно говоря, могут разнести Россию с ее и без того сложной национально-религиозной ситуацией. В России уровень жизни крайне низкий. По официальной статистике, примерно 70 миллионов россиян живут за чертой, у черты или на черте бедности. Одновременно небольшая кучка людей (по некоторым оценкам, 10—15 процентов населения России) владеет основной собственностью страны. Народ видит несправедливость. Она существует во всем. И все это может привести к большому социальному взрыву. А любой соци-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

альный взрыв на территории России, скорее всего, будет сопряжен с ее территориальным делением. Кроме того, за время правлений Ельцина и Путина прямые демографические потери составили около 10 миллионов человек. А это означает, что идет процесс выбивания той русской прослойки, которая консолидировала нацию вокруг себя и предохраняла ее от национальной вражды.

Наше государственное устройство тоже проблемно. Что такое сегодня семь федеральных округов? Это семь военных округов. В каждом из них — свой полномочный представитель президента, у которого фактически есть не только свое правительство, но еще и право собирать советы, наподобие Госсовета при президенте. Здесь уже фактически есть свои органы прокуратуры, свое управление МВД. К тому же полномочные представители пытаются замкнуть экономические связи областей на центры округов. Так что на территории России при определенных неблагоприятных условиях может сразу же возникнуть семь государств. Ну, давайте мы объединим Татарию и Башкирию и присовокупим сюда еще Удмуртию — вот вам и готовое мусульманское государство. Давайте объединим Астраханскую область и Дагестан — вот вам еще одно готовое самостоятельное государство. Это очень опасно, и поэтому я крайне осторожно отношусь к идее укрупнения территориальных единиц.

— Сейчас много разговоров о том, что распад СССР был обусловлен или предопределен тем государственным устройством, которое лежало в основе Союза в момент его образования, когда союзные республики СССР являлись скорее государствами; вот если бы, говорят, эти республики входили в РСФСР в качестве автономий, тогда, мол... Что Вы можете сказать по этому поводу?

— Я глубоко убежден в несостоятельности подобных высказываний, они в основном исходят из уст тех, кто осознанно и целенаправленно разрушал Советский Союз. К ним примкнул господин В. Жириновский, тот же апологет гапоновщины и деструктивных сил России. Образование Союза в начале 20-х годов ушедшего столетия явилось единственной формой и средством сохранения в основе своей территориальной целостности бывшей Российской империи. Любому историку известно, что после Февральской революции 1917 года и до заключения союзного договора о своей самостоятельности заявили Прибалтийские республики. Польша «получила» независи-

мость из рук Временного правительства и его председателя А. Керенского.

Отказалась «жить» дальше в единой семье Финляндия. Украина и Закавказские республики также объявили о своей самостоятельности. Появились квазигосударства в Средней Азии. В такой ситуации «гнать» всех в состав России на правах автономий было бы стратегически неверно. И даже если бы в начале 20-х годов подобное произошло, то в дальнейшем процесс государственной суверенизации этих огромных автономий состоялся бы так или иначе, что могло повлечь еще больший ущерб.

Образование союзного государства было единственно верным решением — сохранялась основная территория бывшей империи. Что касается развала Советского Союза, то это вопрос сложный, его нельзя осветить в одном небольшом ответе, а сами причины лежат в иной плоскости.

Однако считаю уместным отметить, что тезис «о праве наций на самоопределение» — это не изобретение большевиков. Он родился в умах либеральных демократов, которые широко его тиражировали и эксплуатировали в созданном ими Учредительном собрании.

А теперь давайте обратимся к российской действительности, к российской Конституции. Если В. Жириновский и разрушители СССР утверждают, что причина распада могучего государства была заложена уже в самом принципе построения Советского Союза, в основе которого лежал союз независимых государств, то почему же они согласились (и не только согласились, но и протаскивали!) с Конституцией 12 декабря 1993 года, в которой предпосылок для сепаратизма еще больше, чем в Союзном договоре?

Отмечу несколько моментов. В действующей российской Конституции уже бывшие автономные республики определяются как государства в составе многонациональной России. Но они занимали более низкий уровень по своему статусу, чем статус бывших союзных республик.

По советским Конституциям 1936-го, а потом и 1977 года правовая значимость, сила союзных законов всегда была выше, определяющей и приоритетной над республиканским законодательством. Теперь в соответствии с Конституцией России законы, касающиеся компетенции субъектов Федерации, имеют приоритет, преимущество над федеральным законодательством. Вот вам и ис-

токи сепаратизма. И тут не надо ссылаться на американский опыт. Мы живем в своей стране, со своей историей.

Но это не все. Сегодня законодательные органы субъектов Федерации (они разные по названиям) принимают уже не постановления, а законы. Если законы, то это атрибут, еще один признак государственности. Видимо, В. Жириновский и иже с ним не понимают или не осознают этого. Ругать историю проще. Чаще за этой демагогией угадываются разрушительные шаги недругов России, они просто обманывают народ.

— **Существуют ли внешние силы, заинтересованные в распаде России?**

— Наша страна ни Америке, ни Западу не нужна ни в каком виде — ни красной, ни белой, ни зеленой. А как единое мощное государство — тем более. Россию сегодня рассматривают лишь с одной позиции — как огромную мировую кладовую природных ресурсов.

Еще в 50-х годах США задались целью расчленения Советского Союза на несколько государств. К этому они шли настойчиво, находя себе союзников как в Советском Союзе, так и в России. Стратегия и тактика по развалу постоянно корректировались и совершенствовались. Вначале американцы ставили перед собой задачу посеять хаос и нестабильность в Среднеазиатских республиках, взорвать ситуацию с помощью националистических сил и оторвать часть Азии от СССР. Думаю, здесь уместно вспомнить и великого путаника Солженицына, который тоже говорил о необходимости России избавиться от азиатского подбрюшья. Удивительное совпадение, есть над чем задуматься.

Затем Запад сделал ставку на создание черноморско-балтийской дуги из Прибалтийских государств, Западной Украины, Молдавии, Закавказских республик и изоляцию оставшейся части СССР от остальной Европы. Идея, конечно, не нова. Ее выдвигал еще в начале 20-х годов прошлого столетия президент США Вудро Вильсон. Однако Западу удалось больше: СССР разорвали на куски президенты трех славянских республик.

В феврале 1991 года в Харькове состоялся съезд так называемых демократических сил Советского Союза. На этом съезде Россию представляли Мурашов, Афанасьев, Травкин, Старовойтова. Было решено, что Советскому Союзу не быть. И тогда же был поставлен вопрос о расчленении СССР на несколько государств. Галина Старо-

войтова вместе с Гавриилом Поповым провозгласили тезис, что на территории Советского Союза должно быть создано не менее 56 независимых государств. Но идея разделения Советского Союза, а потом России, подчеркиваю еще раз, — это не внутренний продукт. Эта идея родилась не в головах так называемых демократов. Она родилась на Западе.

— **Виктор Иванович, в ноябре 1991 года, будучи начальником Управления Генеральной прокуратуры Союза ССР по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, Вы возбудили уголовное дело против президента М. Горбачева за измену Родине и за развал СССР. Так ли это, и почему все-таки не удалось спасти страну?**

— Трудно было спасать, когда предательство шло от высшего политического руководства страны, а должностные лица, призванные обеспечивать надежную безопасность и целостность государства, проявили нерешительность, смалодушничали, не выполнили возложенных на них обязанностей. В первую очередь чекисты, военные и сотрудники органов внутренних дел.

Действительно, 4 ноября 1991 года я возбудил уголовное дело в отношении гаранта Конституции М. Горбачева, который обязан был сделать все для сохранения целостности страны. Вместо этого 6 сентября того же года он подписал три постановления о предоставлении независимости Латвии, Литве и Эстонии. Действия президента явно не вписывались в Конституцию, иные правовые акты. Союзное законодательство на тот момент определяло порядок выхода республики из состава СССР. Назову лишь некоторые его узловые моменты. Выходу должен был предшествовать референдум: две трети взрослого населения могли при этом решить исход референдума в ту или иную сторону. Затем устанавливался переходный период в пределах пяти лет, во время которого рассматривались бы вопросы о границе, территории, собственности, гражданстве, языке, вооруженных силах, пенсионерах, взаимных выплатах, долгах и т.д. Ничего этого в Прибалтийских республиках сделано не было. Даже референдум там подменили опросом. Это и стало одной из причин того, что в отношении некоренного населения сейчас фактически идет дискриминация, а националисты выдвигают материальные требования к России.

После переходного периода окончательное решение о выходе республики должен был принять высший законо-

дательный орган страны. М. Горбачев хорошо знал об этом и все-таки осознанно пошел на неконституционный шаг. Поэтому мной и было возбуждено уголовное дело, которое через два дня бывший генеральный прокурор Н. Трубин прекратил; меня же уволили из прокуратуры. Практически следствие и не начиналось. Но сам факт возбуждения мною дела в значительной мере перечеркнул дальнейшую политическую судьбу М. Горбачева, человека и руководителя ничтожно мелкого и одновременно падкого на похвалу. А далее Союз развалили «три богатыря»: Ельцин, Кравчук и Шушкевич — президенты России, Украины и Белоруссии, подписавшие преступные Беловежские соглашения. Они были уверены в полной безнаказанности: в их руках находилось все, в том числе судебная власть, следствие и прокуратура. К сожалению, ответственность не наступила ни тогда, ни сейчас. Более того, В. Путин наделил Б. Ельцина огромными привилегиями и льготами.

К этому добавлю, что никакой фатальной неизбежности в распаде СССР не было, что сегодня признают даже лютые его враги. В конце 80 — начале 90-х годов прошлого столетия в политическом руководстве царствовали безответственность и полная нравственная распушенность. О будущем государства и своих народов это руководство думало меньше всего, больше решало свои личные финансовые проблемы. Конечно, по сепаратизму можно было нанести мощный удар, посадив на скамью подсудимых беловежскую троицу и ее окружение за государственную измену. Но кто тогда смог бы это сделать? Никто. Вот и потеряли СССР, а взамен получили новую таможенную, новую границу, безжалостно разъединив людей, получили войну на Северном Кавказе, дробление Грузии и Молдавии, постоянные междоусобицы с Украиной, Прибалтикой.

— **Насколько опасна для России ситуация, сложившаяся на ее границах в результате «революций» в странах бывшего Советского Союза?**

— Опасна. Надо понимать, что Запад временно отказался от идеи силового военного давления на Россию. Он осознает, что в открытом столкновении с Россией еще очень сложно спорить. Поэтому у него две стратегические цели.

Первая — опутать Россию военными базами НАТО. И они успешно это делают. Американцы уже находятся в

Киргизии, собираются войти в Грузию и готовы торговаться с Узбекистаном и Таджикистаном. Прибалты уже пустили натовцев, а от них всего 10—15 минут подлетного времени ракеты с ядерным зарядом до Москвы. И вы попробуйте что-нибудь с ней за это время сделать! Молдавия тоже повернулась лицом к НАТО. Туда же пытаются втянуть Украину, для чего ее переориентируют с России на Запад. Все это позволит им если воевать, то бесконтактно, находясь на безопасном для себя расстоянии. И для этого у них есть большие возможности: с Северного Ледовитого океана мы не защищены; со стороны Казахстана и Каспия системы ПВО нет; демонтирована система со стороны Прибалтийских государств. Вообще самой системы ПВО в том виде, в каком она была при Советском Союзе, больше не существует — остались лишь разрозненные клочки.

С другой стороны, американцы понимают, что сегодня только тяжелые ракеты с территории России могут достичь США. Все остальное уже не долетает до Америки, поскольку наши подводные лодки и старые стратегические бомбардировщики почти исчерпали себя. Так что им надо лишь дожидаться, когда наши тяжелые ракеты будут сняты с боевого дежурства. Их и осталось несколько десятков. Они стоят уже по два-три технических срока. Их надо менять. А на что менять? Программа перевооружения нашей армии на «Тополь-М» фактически сорвана. Нам постоянно заявляют, что достаточных денежных средств для производства тяжелых ракет у нас нет. Отмечу, что нами в Государственной думе 2-го созыва был принят специальный закон о порядке финансирования заказа на производство нашего ракетного щита. С ним согласился даже президент Ельцин. Но господин Путин закон отменил, включив его в общий список законов, подлежащих отмене в рамках монетизации. Я думаю, американцы несколько лет еще подождут и дождутся, когда этот последний ядерный зуб у нас будет выдернут.

Но они не просто ждут. Они ставят вопрос о контроле над нашими ядерными объектами. Под этот контроль попадут не только добыча и переработка урана, не только ядерное производство, но и наши стратегические ракеты. Я располагаю информацией, которой склонен доверять, что в этом вопросе Путин нас уже сдал и что доступ к нашим ядерным объектам фактически открыт. И открыт он был на встрече Путина и Буша в Братиславе.

По последним оценкам, Запад и США на уровне официальной политики выделяют сотни миллионов долларов на тиражирование «революций», которые прошумели в Грузии, на Украине и т.д. Если им удастся задуманное, и к власти придут силы самой черной реакции, от России как от единого государства, конечно, ничего не останется.

— **Что может и должна противопоставить законодательная и исполнительная власть существующим угрозам целостности России?**

— На этот вопрос я задам свой вопрос: а сама президентская власть нам что-то предложила для того, чтобы сохранить эту территориальную целостность? У меня вообще складывается впечатление, что сегодня именно власть стоит во главе разрушительных процессов России. А чтобы как-то заретушировать свою политику, она частенько выступает с некими предложениями об объединении, о сохранении — вроде как заботится. И всегда апеллирует к народу, к партиям, к лидерам, и все это — отвлеченно. Вы посмотрите, как после бесланских событий Путин сформулировал угрозу для страны. Он сказал, что России объявлена война. Но если это так, тогда надо было назвать тех, кем она была объявлена, а не перебрасывать все на международный терроризм — для президента это был лишь отвлекающий маневр, таким образом он снимал с себя ответственность за происшедшее.

Поэтому я еще раз подчеркиваю: у меня складывается впечатление, что во главе разрушительных процессов стоит сама президентская власть, умело манипулирующая сознанием народа, играющая на патриотическом поле, делающая вовремя нужные заявления и таким образом снимающая напряжение, нарастающее в обществе.

— **А что власть должна была бы делать?**

— Если вы заявили о том, что нам объявили войну, то назовите нашего врага, покажите нам его лицо, мы же должны понять, с кем имеем дело, и мобилизоваться для противостояния этой силе.

— **Что этому могут противопоставить партии и общественные организации?**

— Фактически ничего. Сегодня главная опасность единству государства кроется в концентрации власти в руках одного человека. Нельзя судьбу огромной России с ее специфическими традициями доверять только президенту. Давайте вспомним, как М. Горбачев и Б. Ельцин единолично принимали решения, которые в конечном итоге

и привели к утрате нашего Отечества. До тех пор, пока мы не создадим разумного противовеса президентской власти, мы будем всегда балансировать на грани большой трагедии. До тех пор, пока большинство в Государственной думе будет пропрезидентским, мы будем балансировать на грани большой беды. При том объеме властных полномочий, которые сегодня есть у президента, никогда одно лицо с ними не справится. А коли не справится, значит, этими полномочиями будет злоупотреблять его окружение. И оно злоупотребляет.

— **Считаете ли Вы, что Общественная палата способствует установлению диалога между властью и обществом, так необходимого для сохранения целостности страны?**

— Пока одна говорильня и самопиар. Ну разве Государственная дума при нормальных выборах не могла бы стать тем же полномочным представительным органом, контролирующим исполнительную власть? Могла, но сделали все, чтобы в Думе не было широкого представительства. Сорок два человека в Общественную палату назначались самим президентом. Понятно, что он предложил своих людей, надежных. Эти надежные люди еще сорок два человека выбрали. А потом восемьдесят четыре выбрали еще сорока двух. Здесь президент, здесь президент, здесь президент! Куда ни кинь — везде президент. А где же общество? Где же народ, носитель власти?

Чтобы сегодня активно участвовать в великом деле по сохранению целостности и независимости России, в решении других важных для страны проблем, надо радикально ставить вопрос о власти. Пока этот вопрос не будет решен, ничего на благо России, на благо Отечества сделать не получится. Потому что тот курс, который избрали, на Россию не работает.

Ярослав БУТАКОВ

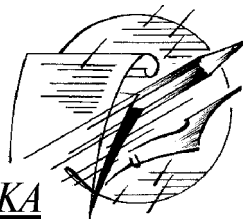
ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РУССКИХ?

Упадок жизненной силы

Здоровый национальный организм интуитивно определяет свои болевые точки, безошибочно ставит диагноз и быстро лечит возникающие болезни. Русский же народ ныне, как попавший в нокдаун боксер, находится в состоянии гроги и усиленно стремится вернуть себе адекватное ощущение происходящего.

В последнее время стало распространенным противопоставлять русскую нацию и Империю. Приобретают популярность концепции, согласно которым нынешнее состояние русского этноса вызвано тем, что он надорвал свои силы в многовековой имперской стройке, которая никогда не соответствовала полностью сути русского народа.

Что же, доля исторической правды в этом есть. В «своей» Империи русский народ по большей части всегда являлся донором для других народов. Русские как этнос никогда не занимали в Империи господствующего, привилегированного положения. Имперская элита рекрутировалась из представителей разных народов, масса же русского крестьянства была более угнетенной, чем лю-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

бые другие этносы Российской державы. Этническая русская идея никогда не играла решающей роли в государственной идеологии Империи, а эксплуатировалась она от случая к случаю, по мере необходимости, когда русификаторство в той или иной форме признавалось полезным для поддержания единства державы. Но русификаторство всегда было избирательным, не составляя сущности государственной политики.

Эксплуатация жизненной энергии русских правящими верхами позволила создать могучую Империю и сохранять ее на протяжении длительного времени. Однако эта же имперская стройка, питаясь соками русского народа, уменьшала его жизненную силу. Русские, особенно в советское время, устали от многовековой державной ноши и донорства. И потрясения конца 80-х — начала 90-х годов стали очередным бунтом против Империи. Но всякий раз после подобных смут восстанавливалась в новом обличье та же по природе имперская власть. Однако жизненные силы русского народа не беспредельны. Русские могут больше не возродиться в прежнем качестве.

Первый вывод, который отсюда следует, это то, что у русских никогда не было государственности, в полной мере отвечавшей интересам русского народа как солидарной этнической общности. Этот вывод жесток. Своим беспощадным рацио он разрушает свойственный каждой нации миф о своем «золотом веке». Отказавшись от этого мифа, внезапно чувствуешь себя как первобытный человек, оказавшийся без защиты своих добрых духов, перед лицом всемогущего Хаоса стихий...

Второй вывод: в настоящее время мы находимся на очень важном переломе. Или русский народ, отказавшись от своего донорства в пользу других народов Империи, возродится в каком-то новом качестве, или его не будет вовсе.

Этничность как неистребимый признак

Но если правилен взгляд на этничность как на главный движущий фактор исторических процессов, то это вселяет некоторый оптимизм. Дело в том, что **за последние лет 500 ни один этнос Европы не исчез с лица Земли**. В эпоху Великого переселения народов и вслед за ней (некоторые историки считают возможным включать в нее огромный промежуток времени с III по IX век) исчезали, ассимилируясь, такие крупные и некогда могучие этносы, как гунны,

готы, вандалы, авары... Но в Новое время этническая история приобрела явно другое качество, чем в раннее Средневековье. Почти все европейские народы, даже самые мелкие, сохраняют свою этничность (полностью ассимилированные исключения, вроде ижорцев, очень редки).

Более того. В последнее столетие наблюдается резкий и повсеместный всплеск этнического самосознания. Заявляют о себе и требуют самоопределения (в разной форме — от культурно-национальной до государственной) этносы, считавшиеся ранее полностью исчезнувшими, растворившимися. Изжить этничность почти невозможно. Не исчезли с этнической карты бывшего СССР, несмотря на длительное игнорирование, касимовские татары, мишари, крешены. На Северном Кавказе заявили о себе шапсуги, которых уже давно приписали к адыгейцам, и потребовали восстановления Шапсугской автономии, существовавшей в 1920-е годы. Сету, в советское время признаваемые только в фольклорном виде, оказались реально существующим национальным меньшинством Эстонии. Талыши в Азербайджане, исчезнувшие из советских переписных листов еще до войны, начинают борьбу за политическую автономию. И так далее.

Поэтому нет смысла рассматривать сценарии России без русских. Такая Россия невозможна по определению. **Россия может быть только государством русского народа, или ее не будет вовсе.** Однако, на мой взгляд, есть основания обсуждать **будущее русских на историческом пространстве России, но без самой России.**

Русские без России

Собственно, уже теперь такая модель осуществляется на отпавших окраинах некогда единого государства. Сможет ли сложиться такая ситуация, что русские полностью утратят государственность своего имени? При каких условиях это может произойти? Самое главное — это, конечно, потеря русскими количественного преобладания в населении России. При существующих тенденциях депопуляции и миграции это — вполне вероятный сценарий. Падения удельного веса русских в населении территории современной РФ ниже 50% реально ожидать уже в 30—40-х годах текущего столетия. Спецпредставитель по связям с организацией «Исламская конференция» Вениамин Попов без обиняков заявил, как о само собой разумею-

шемся факте, что к 2050 году последователи ислама будут доминировать в населении России.

Конечно, сложно сказать, насколько точно переход рокового 50-процентного рубежа будет коррелировать с разрушением российской государственности. Может быть, институты единой государственности сохранятся по инерции на более долгое время. Но возможно и то, что возрастание удельного веса иноэтничных элементов значительно раньше приведет к крупным политическим конфликтам, способным вызвать ускоренную дезинтеграцию существующего Российского государства. Так или иначе, но русским, если не произойдет, попросту говоря, чуда, придется найти формулу выживания в иноэтничной государственности. Или же переориентировать вектор государственного развития на этническое замыкание в ограниченных территориальных рамках, что само по себе связано с крупными затратами жизненных сил на обеспечение безопасности такой резервации-крепости. Или же, что явно не легче, **сотворить чудо**.

Для чуда необходима смена ценностных доминант, поскольку, очевидно, ценностные ориентиры русского народа ведут сейчас по большей части в противоположную сторону — от коллективного выживания и солидарной деятельности к культу индивидуального успеха, конкуренции друг с другом и погоне за местом в иерархии. Многочисленные этнические диаспоры действуют с точностью до наоборот и побеждают в борьбе за существование.

При сохранении существующих тенденций, на мой взгляд, просматриваются следующие сценарии будущего построссийского пространства.

Сценарий 1. «Федеральное агентство по управлению территорией России». Институты российской государственности функционируют, сохраняя видимость стабильности и единства на пространстве 1/7 земной суши. Благопристойный фасад обеспечивается поддержкой влиятельных сил извне, за которую приходится расплачиваться потерей ключевых элементов суверенитета: ОМП (оружие массового поражения) и энергоресурсы находятся под ограниченным международным контролем. Федеральная элита осуществляет свое господство внутри страны, обеспечивая баланс интересов иноэтничных диаспор и этнорегиональных групп, служа модератором в их конфликтах за передел федерального бюджетного пирога. Неотъемлемым механизмом властвования является непрерывное по-

давление этнического русского движения разными методами — от тонких политических технологий до силового.

Ослабление федеральных структур рано или поздно приведет к переходу означенного сценария в **сценарий 2: «Империя этнических диаспор»**. Аналог можно найти в поздней Римской империи, когда варварские короли по своей прихоти меняли императоров, одновременно борясь между собой за лучшую долю в имперском наследстве.

Развитие событий по данному сценарию или угроза такого развития может привести к **сценарию 3: «Выполнение условий капитуляции»**, означающему «упорядочение» построссийского пространства внешними силами. Это может быть предпринято: 1) по инициативе центральной власти, пытающейся подобным образом сохранить свою номинальную власть хотя бы над частью российской территории; 2) либо по инициативе формирующихся региональных правительств, стремящихся таким путем избавиться от тягостного господства иноплеменных элит, захвативших Москву; 3) либо просто прямым вмешательством извне в случае откровенной слабости центральной власти и возникновения угрозы распространения ОМП.

Оптимальный сценарий связан с потенциальной возможностью русских сорганизоваться как сильное этническое меньшинство, по относительной численности все же превосходящее любую из этнических диаспор. Может быть, русские смогут выдвинуть к власти элиту, способную сохранить относительное единство страны (возможно, с уступками отдельным национальным автономиям) и даже обеспечить лидирующее положение русского народа в ней. Это **сценарий 4: «Господствующее меньшинство»**. Собственно, это даже не построссийское пространство, а новая Россия, только с жесткой русской этнократией над нерусским большинством. Но очевидно, что такой режим не сможет быть долговременным.

Скорее же всего стремление русских к консолидации в условиях утраты численного превосходства приведет (с «помощью» внешних сил) к дезинтеграции России и замыканию русских в однородно этнических анклавах. То есть реализуется **сценарий 5: «Резервация Русь»**, причем таких резерваций, «неприкосновенность суверенитета» которых будет «гарантирована международным сообществом», может быть несколько.

Понятно, что возможно переплетение элементов различных сценариев, и зачастую их трудно четко разграничить между собой.

Естественно, мною не выдвигается сценарий успешного создания так называемой «русской политической» или «гражданской» нации — нации «россиян». Это чистой воды утопия. **В России общегражданское сознание может ложиться только поверх этнического, не подменяя и не отменяя его.**

Фашизм — путь к вырождению

Социологи в наше время отмечают, что **базовые характеристики русской ментальности в последнее время сильно меняются.** Исследования выявили, что движущими стимулами современной русской молодежи выступают индивидуализм, ценности успеха, благосостояния и **иерархии.** Отталкиваясь от этого, некоторые смогут утверждать, что русский народ готов к восприятию фашизма с его установкой на иерархию. Однако есть все основания констатировать, что **фашизм уже без лишнего шума угнездился на руинах Империи под личиной «демократии».**

Это по форме либеральный, по сути антинациональный, антирусский фашизм корпораций и мафий. И без бунта против этой системы ценностей бунт против власти будет направлен лишь на право участия в эксплуатации большинства. Удачливые предводители такого бунта окажутся в положении предводителей восстания рабов в Древнем Египте. Только вместо дворцов фараонов они займут, условно говоря, дачи на Рублевке. После чего усядутся на шее своих менее проворных рядовых приверженцев...

В настоящее время явно растет тяга русских, особенно молодежи, к созданию объединений по признаку «крови», национальной идентичности. Однако это бессознательное стремление может оказаться, по указанным только что причинам, политически бесплодным. Необходимы сознательные усилия всего мыслящего сообщества по формированию **ценностного пространства русской внутриэтнической солидарности и эгалитарности.** Только тогда можно предотвратить вырождение русского народа в конгломерат иерархичных групп, конкурирующих между собой за лучшее место в системе, создаваемой и контролируемой этническими диаспорами. Только тогда можно предотвратить превращение России в построссийское пространство. Время еще есть...

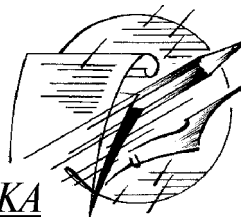

ПРОЕКТ РОССИЯ

РОССИЯ — ОСОБАЯ СТРАНА

Чтобы понять ситуацию, в которой мы оказались, нужно рассмотреть историю России в аспекте мировой Истории. Россия — особая страна. Отец наших реформаторов Джеффри Сакс недвусмысленно сказал, что у России иная анатомия, к ней нельзя подходить с той же меркой, что к западным странам. На нее нельзя механически спроецировать чуждую ей социальную модель. Современную Россию необходимо осмыслить как совершенно новое явление, отличное не только от всего мира, но и от вчерашней Руси. У сегодняшней России нет идеологического ориентира и, соответственно, нет осмысленного направления. Поэтому наша страна, богатая ресурсами, талантами, культурой и историей, вынуждена подстраиваться под чужую игру, цели которой нам неясны, а результаты полезны не нам. В таком положении Россия реагирует только на сиюминутные проблемы. И все же у нее есть предпочтения, обусловленные ее природой. Россия может не знать, чего хочет, но даже в оболваненном состоянии точно знает, чего не хочет. Она чувствует, что ее целью не может быть экономическое развитие ради развития. Поэтому *материальная* западная модель ею отторгается, как отторгается и правительство, позиционирующее себя исключительно «завхозным» и бравирующее своей бездейственностью.

На протяжении всей своей истории Россия непостижимым образом совмещала экономическое развитие с сохранением основ веры и культуры. Реформы Петра I

Продолжение. Начало в №3 за 2008 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

красноречиво показывают преодоление Россией этого периода. Трудно судить, понимал ли царь, что слом веры и традиции закладывает бомбу под трон. Слом произошел, но ровно настолько, насколько было необходимо для экономического развития. Атеистические энергии не произвели в России необратимых разрушений в метафизической области, как это случилось в Западной Европе. Народ России продолжал хранить тот минимум, которого было достаточно для восстановления утраченной веры. Петр отреагировал на ситуацию по наитию, не просчитывая и не анализируя детали. Перемены стали своего рода костылями, опираясь на которые, Россия выстояла в мире прогресса.

Петр реформировал Россию, ломая все, что мешало ее экономическому развитию, а Россия страстно защищала свои духовные основы, неся гигантские потери. Счет одних только случаев самосожжения целыми поселениями, отказывавшихся принять реформы Петра, шел на сотни. Палеостровский скит, населенный почти тремя тысячами человек, сжег себя в полном составе: старики, дети, женщины с грудными младенцами. Поведение людей такой силы духа нельзя просчитать даже самому гениальному уму. Таков был ответ России на смертельный выбор между Верой и Прогрессом.

Ставить вопрос, хорошо ли то, что Петр I круто повернул историю России, бессмысленно. Он ответил на вызов, который бросила ему История. Как еще в той ситуации можно было обеспечить защиту от хищников, окружавших страну подобно тому, как окружают сегодня? Петровская Россия нуждалась в пушках и ружьях, а для этого нужно было производство. Для производства требовалась экономика западного уровня. Для создания такой экономики нужны соответствующие условия. Создавая их, Петр убирал с пути развития экономики главные помехи — традицию и веру. Традицию он ломал, веру умалил. Такие сломы без крови и мучений невозможны. В России особенно. Как бы там ни было, но благодаря Петру Россия за относительно короткий срок сравнялась по силе с Европой. Петру ставят в вину, какой ценой это было достигнуто. Да. Цена страшная. До сих пор нашу землю сотрясают последствия тех событий. Практически все, что есть у нас мерзкого и недостойного, мы получаем из «окна», «прорубленного» Петром. Но давайте смотреть шире. Что было бы с Россией, если бы Петр не решился

на реформы? Экономики точно не было бы. Значит, не было бы производства и вооруженной пушками и ружьями армии. Где оказалась бы сегодня Россия? И была бы она на современной карте вообще?

Повторим: цена за сохранение страны заключалась в умалении веры и традиции. Но если бы Петр не пошел на это, Россию свели бы до уровня Монголии. Реформы Петра — это ответ России на вызов Истории. Благодаря Петру Россия сдала экзамен на право жить.

Сегодня история вновь бросает нам вызов. Снова Смутное время. Снова сдавать экзамен. Велика уверенность, что мы его сдадим. До сих пор, после всех разорений и хаоса, мы обладаем огромным потенциалом. Демократические реформы не сломали костяка страны. Наш остов (вера и традиции) цел. Храмы стоят, и вера жива. Это главное. А мясо, как говорится, нарастет. Беда будет, когда нам кости сломают. Сегодня основная задача состоит в том, чтобы кости уберечь — именно по ним целятся наши враги.

Значение деятельности Петра не в том, что он посеял в России зерна атеизма, а в том, что он действовал по ситуации, решая невиданную по объему задачу. Его реформы оказались неожиданным препятствием для воинствующей потребительской цивилизации, расплывшейся по всему миру. Еще немного, и она задушила бы Россию в рыночных объятиях.

Сегодня маммона опять стоит на пороге. И снова мы видим предпосылки, позволяющие утверждать, что в России скоро возникнет новая сила. Совместив в себе все лучшее от СССР и монархии, эта сила в очередной раз сможет дать отпор своему кровному врагу — маммоне.

Подробнее мы поговорим об этом далее, а пока вернемся к Петру. Только богопомазанный царь, с гигантским авторитетом, могучей энергией и возможностями мог культивировать в России чуждые для нее идеи. И хорошо, что не вполне успешно. Если бы все происходило, как в Европе, где монарх имел право менять веру своих подданных («вестфальское правило»: чья власть, того и вера), трудно представить, что было бы с Россией. Петр при всей своей власти ничего подобного даже вообразить не мог. И в распространении европейских нравов не очень-то преуспел. Царь-реформатор распространил свой успех только на высший свет, и только потому, что это была новая элита, сформированная из новых людей, абсолютно независимых от Петра.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАСКОЛ

Реформирование высшего общества раскололо единое народное тело России на две части. Верхняя уподобилась «нормальным странам», под которыми понимались протестантские. Нижняя часть, традиционная Россия, отчаянно боролась за право остаться сама собой. На пике раскола элита начинает воспринимать язык своей родины как язык варваров. «Нормальные» люди должны были разговаривать на чужом языке. То же самое можно сказать об одежде, внешнем виде, традициях и прочем. По выражению Достоевского, в России возник маленький народец, не являющийся ни западным, ни российским. Петербург напоминал колониальную столицу, окруженную туземным населением. Голова общества отделилась от туловища, и каждая часть стала жить своей жизнью. Народ считал высший свет чужим, иностранным. Знать смотрела на мужчин в грубых портах и на женщин в закрытых сарафанах без декольте, не умеющих говорить по-французски, как на папуасов.

Раньше, будучи единым целым, народ напоминал пирамиду, в верхние слои которой поднимались наиболее доблестные и способные. Между верхом и низом имела место гармония, которая возникала благодаря циркуляции идей и энергий. Образно этот процесс выглядел так: народные массы, составляющие основание пирамиды, как всякий живой объект, выделяли энергию. Она поднималась по пирамиде вверх, попутно одухотворяя слои, через которые проходила. Одновременно облагораживаясь сама. На самом верху самые талантливые люди придавали энергии законченные формы в виде произведений искусства, изобретений и мыслей. Обработанная энергия шла обратно, в народные массы, которые без труда ее усваивали, потому что она была своя, родная. Впитывая упорядоченную энергию, народ становился лучше, и выдавал новую порцию энергии, лучшего качества, которая снова шла вверх, и т.д. Живущее таким образом общество развивалось.

Циркуляция нарушилась, когда все родное в одночасье объявили дикостью и невежеством. Реформа Петра была подобна ножу, врезавшемуся в живое тело и прервавшему кровоток энергий. В результате прервавшейся циркуляции образовался застой. Некому было перерабатывать энергию, и народ, образно говоря, законсервировался.

«Голова» России пыталась жить чужой энергией (западной), но не могла ее усвоить так же полно, как раньше усваивала энергию своего народа. В итоге на долгие годы все свелось к подражанию. Возник застой умственной и творческой деятельности.

Чтобы не разворачивать доказательства, пускаясь в продолжительные споры, спросим: вы можете представить современный немецкий или японский дизайн? Можете. А современный африканский или египетский дизайн? Тоже сможете. А современный русский дизайн можете представить? Не можете. Потому что вместо него всегда получается лубок, а-ля рус. Никто не задумывался, почему современным может быть японское, европейское, африканское, азиатское и какое угодно, но только не русское? Почему мы подражаем чужим талантам вместо того, чтобы развивать свои? Почему слова «отсталый» и «недоразвитый» фактически значили «не западный»? Потому что эта тенденция была заложена еще Петром, а мы никак не можем от нее избавиться. Подсознательно мы понимаем, что попытка «косить» под Запад делает нас вторым сортом. Если вы начнете «косить» под Чарли Чаплина, вместо того чтобы развивать свои таланты, из вас ничего, кроме второсортной пародии, не получится. Если бы французы с американцами «косили» под нас, для нас они тоже были бы «вторым сортом». Но пока наоборот. Чужую культуру можно усваивать при условии сохранения своих корней. Без фундамента это не усвоение, а подражание.

С народом происходила аналогичная картина. Он тоже не мог усваивать чужих продуктов. Сколько бы нам ни восхваляли образ мужчин в колготках и женщин без юбок, танцующих странные танцы, зародившиеся при дворе Медичи, известном крайним развратом, народ не мог этого принять. Это нарушало моральные устои, нравственные традиции, противоречило православному мировоззрению. Признать балет своим искусством у нас столько же шансов, сколько признать жареных тараканов нормальной едой.

Россия оказалась распятой, но иначе, чем Запад. Запад был распят между верой и прогрессом, но в своих культурных рамках, а Россия — между своим естеством и чужими ориентирами. Поначалу в таком положении оказалась только элита, но постепенно круг расширялся. Сегодня он охватывает молодежь. С уходом старой гвардии, учившей, что такое честь, у нашего общества не останет-

ся даже теоретических шансов на исправление ситуации. На смену идет поколение, не помнящее родства и не знающее иных ориентиров, кроме потребительских.

АДАПТАЦИЯ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Коммунизм — это православие без Бога. Капитализм — это протестантизм без Бога. Рациональная логика не поколебала наших глубинных устоев в той мере, как это произошло на Западе, лишь потому, что мы православные. Мы не прошли долгий схоластический путь, выхолостивший веру первых христиан. Фундаментальные проблемы изначально рассматривались нами под другим углом. Все западные идеи, попавшие к нам, перерабатывались и получали самобытную, отличную от первоисточников, форму. У нас и атеизм получился православным, что особенно видно на примере декабристов и большевиков, взявших Нагорную проповедь за образец. Даже после петровских реформ элита продолжала оставаться носителем православного мировоззрения, хотя формально дистанцировалась от него. Наши лучшие люди заражались через образование, устроенное на западный манер, идеями гуманизма и просвещения. Но даже и после этого мы отрицали деление людей по сортам. И если русские моряки ловили работорговцев, они их попросту вешали. Лучшие из лучших испытывали дискомфорт от своего комфорта на фоне нищеты народа России. Здесь наше православие проявилось генетически, вылившись в борьбу против источника зла, коим через атеизм виделось самодержавие, понимаемое без религии не иначе как тирания. Борьба декабристов велась не с целью получения личных благ, как это делала западная буржуазия, а единственно потому, что давала согласие с совестью. К истине надлежит стремиться в любом случае, даже через страдания и ценой жизни. Даже зная, что результат недостижим. Потому что истина — это не то, что правильно. Никто не знает, что есть правильно. Истина — это когда честно. Бог будет нас судить не по достигнутым результатам, а по тому, насколько по совести мы жили. Противоборствующие воины, бьющиеся до смерти друг с другом, уважают друг друга, потому что они честно стоят за свои убеждения. Пусть политики, стоящие за ними, их стократно обманули. Главное, они стоят честно. В этом соль и смысл жизни.

Никакой логики в православном мироощущении нет. На высокие поступки способен только носитель духовных ценностей, даже если он сам для себя не оформил их в конкретную религиозную форму. Нерациональное поведение свидетельствует о наличии этих ценностей. Поэтому большевиков, формально отрицавших Бога, можно считать верующими. Идти на верную смерть ради идеи справедливости, даже если идея ограничена земными целями, могут только верующие люди, не руководствующиеся логикой. Логическое мышление рождает приспособление к ситуации. Логика без веры ориентируется на выгоду. Взвешивая все «за» и «против», она, принимая выгодное решение, перестает быть верой. Декабризм и большевизм — это не расчет ума и не взвешивание выгоды. Это веление сердца, и потому вера.

Восстание декабристов кажется бессмысленным лишь сквозь призму рационализма. В духовном плане их выступление имело гигантское значение. Реакция лучшей части России на выступление декабристов свидетельствует о возникновении феномена, формально аналогичного западному, но полярному по сути. Западный атеизм поклонялся сатане (маммоне), не называя его по имени. Православный атеизм поклонялся Богу, тоже не называя его по имени. Новая вера формально отрицала религию, но фактически, по делам, признавала Его заповеди. Ради христианских заповедей, переименованных в коммунистические, люди не только уничтожали тех, кто казался им врагами, но и сами шли на смерть. Эти факты красноречиво свидетельствуют о многом.

Русский атеизм дал своих мучеников, вставших насмерть на пути маммоны. Переработав и переосмыслив социальные идеи, рожденные западными умами, эта сила пошла не по пути капитализма, а стала строить принципиально новое, доселе невиданное общество. Фундаментальные идеи большевиков никогда не были западными, даже если и получили начало из западных источников. Они создали в России модель, глубоко чуждую потребительскому мировоззрению. Не зря Запад, породивший коммунистическое учение, впоследствии признал это учение, реализованное на практике, своим злейшим врагом.

Примечательно, что идея построения действительно демократического общества потерпела в России крах. Тот факт, что либеральные партии получили в 1905 году власть, но не смогли реализовать свои идеи целых 12 лет, под-

тверждает, что либеральных идей Россия не приняла еще тогда. Не логически их отринула, а эмпирически. Как тогда, так и сейчас мы своим опытом приходим к стойкому ощущению — не наше это, чужое, в горло не лезет.

Сегодня ситуация повторяется с поразительной точностью. Народ вновь не принимает либеральных ценностей, чувствуя за ними гигантский подвох. Все красиво и последовательно, но обольщается этой «красотой» с каждым годом все меньшее число людей. Потому что красота эта — чужая. Запад формально во всем прав, но это не наша правда. Мы уверены в этом, и наше чувство не нуждается в оправдании логикой. Я знаю, что это не моя вера, и этого достаточно, чтобы принять решение и совершить поступок. Именно так и поступил наш народ. Он отказался от идеи индивидуализма, отказался личное ставить выше общего, то есть в целом отказался от ключевой идеи либеральной демократии. Идея вечного состояния вялотекущей гражданской войны провалились на корню. Не надо нам такого счастья, ибо наше счастье — внутреннее состояние души, а не внешний блеск барахла, добытого разорением слабых.

Большевики победили. И не потому, что были сильнее, а потому, что их идеи оказались близки нашему естеству.

Большевики создали уникальную конструкцию, но она была обречена на разрушение. Невозможно построить христианское общество — а они строили именно такое общество — без Бога. Никакой «кодекс строителя коммунизма» не может заменить Библию, потому что под ним, под кодексом, нет основы, нет авторитета, соответствующего заявленным требованиям. Никакая человеческая логика не может обосновать требований подобного масштаба, потому что речь идет, ни много ни мало, о том, чему человек должен посвятить жизнь.

Коммунисты пытались стать богами, будучи людьми. Они сделали ставку на логику, но логика не может быть фундаментом совести. Для этого годится только религия. Призывы большевиков соблюдать заповеди Христа, изложенные в их кодексе, ни к чему, кроме двойной морали, не привели. И все же мы снимаем перед ними шляпу. То, что они сделали, предстоит еще осмыслить будущим поколениям, свободным от личных обид. Как говорил один советский человек, чтобы увидеть холмик, надо к нему

приблизиться, чтобы увидеть гору, надо от нее отойти. Большевики — очень большое явление, рассмотреть которое можно, отойдя от него на пару веков. Не надо забывать, что фактически они создали новый тип религии, ради выполнения заповедей Бога, но без Бога (как и их предшественники-декабристы: для народа, но без народа). Их подвиг предстает в необычном свете. Они отдавали жизнь, зачастую принимая мученическую смерть за идеалы, выведенные из христианства, не имея надежды на воздаяние в другом мире. Получается, они умирали за чистый принцип, не укрепленный надеждой. Здесь есть о чем поразмыслить.

Вы можете представить, что было бы, окажись Россия почти на 100 лет под властью демократов, если только за краткий, по меркам истории, миг «свобод и прав» от России остались кожа да кости.

БОМБЫ-СЛОВА

«Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Делят ризы мои и об одежде моей бросают жребий» (Пс. 21:17, 19).

США и Западу не нужна сильная Россия, о чем открыто заявляют с самых высоких трибун. Американский конгрессмен, замминистра обороны Пол Вольфовиц, еще в 1992 году открыто заявил, что главная задача США — не допустить восстановления России как крупного государства, свободного в принятии политических решений. Ему вторит известный политик, Збигнев Бжезинский, один из авторов проекта по развалу СССР: «России следует отказаться от планов возрождения великого государства...» И таких откровенных высказываний пруд пруди.

Западные стратеги утверждают, что Россия представляет собой случайное соединение отсталых народов. Они, как Гитлер, опять сравнивают Русь с колоссом на глиняных ногах. Но опять забывают, что о наши «глиняные» ноги разбились стальные головы лучших армий Европы — шведской, польской, французской и германской. Полагать, что другие головы ждет иная судьба, нет оснований. Поэтому судьбу они не испытывают, и прямой агрессии предпочитают змеиную тактику.

Россия — единственная империя за всю историю человечества, возникшая в северных широтах. Остальные возникли в теплом мягком климате. Мировой державой

она стала благодаря идеологической, а не экономической составляющей. Если в Америке природа делала все, чтобы способствовать экономическому развитию, наша природа словно стремилась делать все наоборот. И тем не менее мы никогда, за исключением времени правления демократов, ни в чем никому не уступали, в том числе США. Да, по уровню потребления отставали, но это была цена безопасности, цена нашего превосходства в вооружении.

Смена идеологического курса на экономический приведет Российскую империю к развалу на мелкие государства. В первую очередь эти процессы коснутся слабых, то есть тех, кто сегодня уверен, что все это политика, которая его не касается. Говоря словами Л. Тихомирова, государственные принципы всякого народа тесно связаны с его национальным самосознанием, с его представлениями о целях его существования. Из этого следует, что общество, подчиняясь одним законам, гибнет, подчиняясь другим — крепнет. В одном случае нравственность воспринимается как суеверие, блажь, оторванная от реальности. В другом случае становится краеугольным камнем общества. Существование России зависит от того, какое место у нас займет нравственность. Чем она будет — архаизмом, выросшим из суеверия, или краеугольным камнем всей социальной конструкции.

АТАКА НОВОГО ТИПА

Во второй половине XX века Ален Даллес, директор ЦРУ, обмолвился: *«Запад располагает оружием, позволяющим завоевывать чужие страны, физически не пересекая их границы»*. Больше на эту тему официальные представители Запада не распространялись.

Наступление информационной эпохи раньше всех осознала Америка. Ее ученые первыми поняли значение газет, радио, эстрады и телевидения, а политики осознали открывающиеся перспективы. На огромном практическом материале были разработаны технологии, открывающие невиданные возможности управления сознанием. Многие взяли из анализа нескончаемых выборов, часть позаимствовали у фашистов. После окончания войны США изучили колоссальный материал, что дал нацизм, и развили тему «управляемой свободы» — одного из самых парадоксальных западных творений.

Нацисты в своих экспериментах над военнопленными избрали два пути изменения сознания: психологический и нейрохирургический. Американцы пришли к выводу, что эффективнее первый вариант. Не надо менять мозг, достаточно изменить установки. Надо дать людям новую шкалу ценностей, и новые ориентиры побудят их творчески относиться к деятельности, полезной не им (то есть то, о чем мечтал Гитлер — создать творческого раба).

Эксперименты подтверждали: огромные массы людей можно на длительное время погружать в состояние гипноза, сохраняя при этом их способности к творчеству и дееспособность. Загипнотизированные люди никогда не задаются высокими вопросами. Они исходят из реальности, созданной СМИ, и если в этой виртуальной реальности говорится, что смысл жизни заключается в следовании модным тенденциям, человек поступит в точном соответствии с такими установками. Практика доказывает справедливость этого утверждения. Мы видим, например, что обыватели меняют прежнюю модель сотового телефона на новую не потому, что прежняя плоха, а потому что получена установка: «менять!». С одной стороны, массы вроде бы свободны, но с другой стороны, пользуются своей свободой только в направлении, указанном СМИ. При этом абсолютно уверены, что их действия есть результат свободного выбора, а не исполнение чужой воли.

От агрессии всегда защищались аналогичным оружием. Пушкам могли противостоять лишь пушки. Какие это пушки, стальные или информационные, неважно. Кто не мог ответить на вызов США аналогичным оружием, то есть на пушки пушками, оказывался на плантации. Сегодня враг использует последнее ноу-хау в области завоевания стран и народов — информационные пушки. Странам, до сих пор считающим информационные бомбардировки просветительской миссией и приемом «в общий европейский дом», обеспечена плантация.

Длительное время информационное оружие использовалось Западом в одностороннем порядке. Он безнаказанно бомбардировал весь мир, в том числе и советскую Россию. Методы обороны были настолько неэффективны, что оборачивались в пользу агрессора. Например, попытки СССР глушить «голоса» ничего, кроме увеличения интереса к ним, не давали. К сожалению, престарелые члены ЦК КПСС мыслили старыми категориями, и

потому не осознавали ситуации. В итоге целому народу внушили чужое мировоззрение. Подсознательно народ России стремился быть самим собой, но сознательно исходил из внушенных ориентиров. Власть тоже стремилась соответствовать этим ориентирам. Вместо Бога и традиции мы равнялись на протестантскую логику. Росло преклонение перед Западом, его экономикой и культурой.

Поскольку идти одновременно в разные стороны — на запад и на восток — невозможно, страна замерла, превратившись в мишень. Россия стала похожа на медведя, сменившего шкуру на перья. Над таким медведем смеются. Он понимает, что на самом деле смешон, и пытается исправить положение, но это в принципе невозможно, пока он одет в перья. Возникает странная ситуация: сохранить приличный вид в чужом наряде нельзя; остаться без одежды — еще хуже. В этот момент медведю вводят установку, что он косолапый, и это — позор. Косолапый застывает в признании своей ущербности. Его добивают тонкими насмешками, фильмами и анекдотами. СССР — совок, ветеран — «вовик» (ВОВ) и т.д.

Обществом всегда манипулировали. С изобретением книгопечатания манипуляция получила техническую поддержку и начала приобретать угрожающие размеры. Церковь не могла им противостоять, потому что пользовалась консервативными методами, тогда как атакующие — прогрессивными. Философы той эпохи говорили, что дьявол стал прятаться в типографской краске. Сегодня дьявол прячется в демократии. Область пребывания этого персонажа расширилась, но не изменилось главное: дьявол по-прежнему соблазняет человека мифом рациональности. Издревле он соблазнял рационализмом и логикой в быту. Теперь соблазняет возможностью рационального выбора в политике. Первой его жертвой стала прародительница человечества, отведавшая от древа познания добра и зла. Бог сказал: *«От древа познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»* (Быт. 2, 17). *«И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро*

и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3, 1—6). В итоге люди не стали «подобны Богу», но оказались изгнанными из рая.

Жертвами второго акта этой трагедии будут миллиарды, соблазнившиеся демократическими свободами. Никто из них не получит свободы, но все окажутся на пути в ад. Вместо абсолютной свободы массы получили управляемую свободу, одно из самых парадоксальных творений потребительской цивилизации. Людям кажется, что они свободны, а на деле они полностью подконтрольны. Сегодня у масс нет ничего своего, даже мнения. Человек стал приложением к своим животу и гениталиям.

Добиться такого результата можно только при абсолютной управляемости СМИ, которые всегда зависят от власти. Так как демократическая власть зависит от Рынка, в конечном итоге получается, что СМИ тоже зависят от Рынка. Зависимое не может быть беспристрастным. Впрочем, такого явления как беспристрастная информация в принципе не существует. Претензия информации на статус беспристрастной означает претензию на абсолютную Истину. Какой может быть в светском государстве абсолют, если у каждого своя истина, зависящая от угла зрения на события? В светском обществе, по словам Ф. Ницше, *фактов нет, есть интерпретации.*

Информация, которую преподносят СМИ, несет в себе печать выборочности и надуманности. Прессой, теле- и радиокомпаниями управляют два желания — достижение высокого рейтинга, чтобы заполучить рекламодателей, и лояльность к власти, чтоб не отобрали лицензию. Это приравнивает журналистику к обычной торговке на рынке. У нее нет принципов, она делает то, что выгодно. «Свободные» СМИ, стремясь к прибыли, через избирательное внимание к фактам интерпретируют любую информацию в выгодном заказчику свете. Сфабрикованные мифы выдаются за подлинную информацию, а подлинная искажается путем неполной, односторонней подачи, замалчиванием одних фактов и выпячиванием других. Рядом с ложными сообщениями публикуется правдивая информация, потерявшая актуальность. Домыслы после редактирования приобретают правдоподобность. Неточное цитирование или часть фразы, которая в отрыве от контекста приобретает другой, подчас противоположный смысл, вкупе с визуаль-

ными средствами и словесными образами направляет аудиторию по заранее намеченному маршруту. Скользкие темы, ради сохранения мифа об объективности, иногда выдаются никак не связанными в целое отрывками информации, которые для подавляющего большинства остаются пустым звуком. Всякая лишняя информация, грозящая нарушить созданный миф, жестко отсекается цензурой «свободных» СМИ. Как замечает американский профессор Г. Шиллер: *«Когда целостный характер социальной проблемы намеренно обходится стороной, а отрывочные сведения о ней предлагаются в качестве «достоверной информации», результаты такого подхода всегда одинаковы: непонимание, неосведомленность, апатия и безразличие»*. В результате сокрытия целостного характера проблем мы можем констатировать неприятие у населения высоких тем и глубокое безразличие к любым мыслительным процессам. СМИ делают людям лоботомию, ставя планку, выше которой массам физически не подняться.

Сейчас появился термин «социальный маугли». Науке известны случаи, когда ребенка воспитывали дикие звери, и если это длилось более четырех лет, ребенок навечно оставался животным в человеческом теле. Аналогичные процессы происходят сегодня с народом. Если человек примерно до 25—30 лет воспитывается «свободными» СМИ, он превращается в социальное животное, которому неведомы высокие темы и все те качества, что составляют суть человека, то есть понятия долга, чести и совести. Ему не кажется странным, что он не знает смысла жизни. Более того, ему кажется странным слышать вопрос: а в чем он, смысл жизни? Для нового человека не задаваться большими вопросами превратилось в норму.

Вырваться из этой психологической клетки могут единицы, обладающие очень сильной волей. Основная масса состоит из слабых людей, и потому проживет остаток жизни так, как ее запрограммировали. При этом статус человека совершенно не имеет значения. Прimitивным обывателем может быть как крестьянин, так и министр. Уровень их мечтаний одинаково будет лежать в материальной плоскости. И никогда они не выйдут «за флажки».

ИНФОРМАЦИОННАЯ АГРЕССИЯ

Сегодня идет самая настоящая война. Полчища информационных войск врага разрушают нашу страну сильнее,

чем некогда полчища чужих солдат. Информационная бомбардировка разрушает сознание населения. Никакой Гитлер не мог превратить сознание человека в муку, как сегодня это делает Запад. Конечная цель — устранить саму возможность появления коллективов, сплоченных вокруг чего-либо, кроме корыстных интересов. В перспективе Россия должна стать страной атомов-эгоистов, отрезанных от религиозных и культурных корней, ориентированных только на потребление. У человека должны исчезнуть понятия о чести, совести, Родине, долге, патриотизме. Из народа делают трубу, смысл существования которой один — пропускать через себя все возрастающий поток товаров. Манипулируя сознанием через осмеяние истории, культуры, веры и традиции, человека отрывают от корней, стимулируя потребительский эгоизм. Все это делается в развлекательной форме, скрывающей опасное содержимое. Итог один — западные захватчики становятся хозяевами положения. Во всех оккупированных городах на главных зданиях и центральных площадях реют флаги победителей — бренды корпораций и монополий. Христианские символы вытеснены языческими.

Сегодня атаке подвергаются все территории бывшего СССР. Традиционная власть, основанная на убеждении и принуждении, не обладает необходимыми для манипуляции знаниями, типом мышления и технологиями. Они не защищены от идеологических атак, и потому похожи на осажденный город с открытыми воротами. Население, воспитанное при советской власти, основанной на убеждении и принуждении, не обладает защитным механизмом. Враг имеет необходимые для манипуляции знания, тип мышления и технологии. В итоге население оказалось беззащитной жертвой агрессоров.

Манипуляция сознанием возможна, когда человек уверен, что он сам выбирает свою линию поведения, свободно и без давления. Цель манипуляции — внедрить желания, побуждающие действовать не в своих реальных интересах, а в интересах манипулятора. Подобная манипуляция всегда скрыта и ее обязательным прикрытием является миф политической свободы. История перестройки — это история манипуляций. Когда началась перестройка, массы не имели иммунитета против манипуляций. Сейчас иммунитет выражается в социальной апатии. Советский человек, не привыкший публично отстаивать свое мнение, оказался легкой добычей для всякого

рода мошенников. На людей, привыкших к дозированной информации, обрушились потоки сенсаций, разоблачений, признаний, покаяний и т.д. Страна, прилипнув к телевизору, как замороженная следила за разыгрываемым спектаклем. Вспомните, какие аудитории собирали трансляции съездов КПСС, но у кого в памяти сохранилось содержание тех громких заявлений и сенсационных разоблачений? Мы ничего не можем вспомнить, потому что нами манипулировали.

Положение усугублялось тем, что народ помнил преступления коммунистов. На этом фоне за годы холодной войны Западу был создан устойчивый мифический образ положительного героя. Родной стране создали образ монстра. Такие установки разрушили целостность мировоззрения, и человек уподобился кораблю, потерявшему всякие ориентиры. Реакцией была нарастающая апатия к событиям, имеющим политический оттенок. Иными словами, жильцам дома стала безразлична судьба дома, в котором они живут. Массы впали в глубокую социальную кому. С другой стороны, тотальное безразличие можно понимать как форму защиты против внешнего воздействия. Если сознание заснуло, врагу сложно подвигнуть массы защищать «свободу и равенство».

Первое направление удара — российский эфир насытили продукцией, зомбирующей человека и отрезающей его от родных корней. Отсутствие идеологии упрощало задачу. Населению прямо не говорили: будь беспринципным. Населению показывали сериалы, где главный герой вел себя беспринципно. Населению пели попсу и шансон, где беспринципность подавалась в привлекательном молодецком образе. Массы бессознательно подражали удали, показанной в привлекательном свете. Параллельно велась атака на язык. Особенно активно шла работа над не устоявшимся молодежным сознанием. Новояз заполнил информационное пространство.

Это была полноценная атака, разработанная суперпрофессионалами. Били по ключевым точкам, и защититься от этих ударов население не могло. Даже самые умные оказались бессильны против этих технологий. Советскую интеллигенцию без труда обвели вокруг пальца красивыми словами типа «свободомыслие», «свобода совести» и т.д. Просчитывалось, что на практике это выльется в беспринципное мышление, оперирующее в рамках выгодно—невыгодно. Некоторые понятия, изначально обозна-

---

чавшие разные вещи, стали объединяться в одно, причем всегда с акцентом на худшую сторону. Любовь стала синонимом секса, а «разврат» и «распутство» вовсе исчезли из молодежного словаря, заменившись словом «раскрепощенность» и «продвинутость». Сегодня никто не помнит, что такое любовь. Все разумеют под ней совокупление. Люди забыли, что само по себе совокупление без любви есть смертный грех — блуд. Любовь — это то высшее, что есть в человеке. Бог — это Любовь. *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»* (1 Кор. 13, 3—8).

Второе направление удара — приведение страны к экономическому банкротству. Стратегия основана на мифе, что рыночная экономика есть путь к изобилию для всех времен и народов. Миф о благодати рыночной экономики прочно засел в наших мозгах, потому что его долгое время целенаправленно культивировали. Никакие доводы разума здесь не работали. Рынок — хорошо, и все тут. Запад хорошо живет, потому что там рынок. Мы тоже так хотим, значит, нам тоже нужен рынок. Вот и вся логика. Заметим, люди не знали реальной жизни Запада. Они знали информацию из глянцевого журналов и голливудских фильмов. В большинстве случаев это была мечта. Кино отражало то, как западное общество хотело жить, а не то, как оно живет реально. Но советские люди воспринимали эту информацию как документальную.

Началась перестройка. Первые шаги в рыночном направлении являли собой тотальный грабеж. Массы стремительно нищали, но не роптали, потому что в дело пошли заранее припасенные мифы. С одной стороны, говорили, что надо потерпеть, как терпят прививку. Мол, если хотим хорошо жить, необходимо пройти ступень дикого капитализма. С другой стороны, уверяли, что это все же

лучше, чем возврат к проклятому прошлому (миф о проклятом прошлом и миф о «светлом» Западе создавались параллельно). Социал-дарвинизм научно оправдывал грабеж слабых. Нас учили, что сильные имеют законное право грабить слабых, и потому не должны испытывать угрызений совести. Робкие сомнения в справедливости такого права подавлялись утверждением, что так живут животные, и значит, все правильно. Сегодня это кажется, мягко говоря, странным, но тогда выглядело естественно. Суть умозаключений сводилось к тому, что люди должны подражать животным, поскольку это единственный путь к счастью. Чтобы уподобиться животному миру, нужна конкуренция, где выживет сильнейший. Когда сильные насытятся, у них пойдет отрыжка, и выжившие слабые получат возможность воспользоваться этим «благом». После начнется нормальный капитализм, и все мы проживем, как на Западе.

Люди вновь поверили и снова начали ждать. Обратите внимание — ждать отрыжки. Взрослые, нормальные полноценные люди ждали, когда же их окончательно ограбят, чтобы потом нормально жить на чужую отрыжку. И это никого не смущало. Людей настолько запутали, что они утратили всякую способность думать.

Разграбление страны набирало обороты. Составы, груженные металлами, сырьем, ресурсами и прочим стратегическим добром, тянулись до горизонта. Все вывозилось за рубеж и продавалось за бесценок. Делали это не специально обученные диверсанты, а наши обычные люди, оказавшиеся смекалистее и энергичнее остальных. Энергия сильных была перенаправлена на грабеж, тем более что грабители не чувствовали себя преступниками. Напротив, они ощущали себя строителями нормального общества и светлого будущего, сбросившими оковы «проклятых Советов».

Почему так случилось? Потому что, если вы хоть чуть-чуть знаете человеческую природу, вы помните, что нет проблем создать условия, при которых нормальные люди сами будут превращаться в кровожадных хищников. Достаточно поменять ориентиры и мировоззрение. Гитлер превратил мирных бюргеров в профессиональных и безжалостных убийц именно потому, что знал психологию человека. Дирижеры демократии тоже знали психологию, и не видели проблем по превращению наиболее способных обывателей в беззащитных грабителей своей стра-

ны, искренне полагающих, что человеческое общество может стать нормальным не иначе как путем подражания животным и забвения базовых человеческих принципов.

После стихийного оттока ресурсов начался отток организованный. Продавалось все. На корню. За бесценок. Все, что не могло быть продано, — разрушалось. Со стороны было похоже, что Россия — побежденная страна, выплачивающая какую-то невероятную и страшную контрибуцию, в условия которой входило разрушить то, что по каким-то причинам не удастся вывезти. И в итоге больше разрушалось, чем продавалось. Но мы до сих пор не понимаем, куда ветер дует. Все инвестиций ждем. Скоро уже 20 лет как ждем, а их все нет и нет. Вроде бы и границы открыли, чтоб инвестиции без задержек к нам шли, и льготы для приманки повесили, а процесс почему-то обратный — через открытые границы капитал идет не в Россию, а из России. В Россию ничего, кроме чужих товаров, не поступает. Казалось бы, давно пора заподозрить — что что-то тут неладно, и бить тревогу, но нам и здесь поставлены капканы. Снова нам объясняют, что инвестиций нет, потому что у нас неправовое государство и мало демократических свобод. Вот когда обеспечите права со свободами, тогда инвестиции и потекут. И никто не задумывается, почему в еще более неправовую Азию, где чихать хотели на западные права, инвестиции прут, как слоны на водопой, а в Россию их никак не заманить. Кажется, очевидно, что права здесь ни при чем, но чтобы додуматься до этой простой мысли, нужно думать.

Главная наша беда в том, что нас за последние годы думать отучили. Сегодняшнее большинство принимает чужие утверждения, даже не вдумываясь в них. Сказали, что причина современных проблем в России в недостатке прав и свобод — и все поверили. С таким уровнем интеллектуальной импотенции ничего не стоило узаконить любой тип хищений. В итоге возникла ситуация, простая до неприличия и ужасная в своей бесперспективности: мы продаем нефть и получаем за это доллары. Потом эти доллары отдаем за «сникерсы». В результате ни нефти, ни долларов, ни «сникерсов». В прямом смысле слова мы проедаем свою страну. Но удивляет не это. Удивляет безразличие к собственной судьбе. Допустим, большинству на Россию плевать. Массы в этом не виноваты, их так запрограммировали. Но ведь инстинкт самосохранения никто не блокировал. Каждый по-прежнему хочет жить,

и это стремление никак не связано с патриотизмом. Почему же никто не думает о том, что он будет делать, когда наши энергичные ребята продадут всю нефть. На что «сникерсы» будем покупать? Все, что мы едим или носим, сделано или за границей, или из заграничного сырья. Не обманывайтесь русскими названиями на продуктах.

Если в ближайшее время не предпринять действий, соответствующих ситуации, самые мрачные прогнозы померкнут перед действительностью. На горизонте призрак блокадного Ленинграда размером во всю Россию. Сельского хозяйства нет, промышленности нет, науки нет, образования нет. Есть только продажа ресурсов, кучка присосавшихся к этой кормушке паразитов и сопутствующая деятельность коммерсантов. Ужас не только в том, что никто не понимает конечного результата своей деятельности. Ужас современности — в отсутствии масштабных людей, способных предпринять соответствующие действия. Создается впечатление, что те, от кого зависит наше спасение, не понимают серьезности положения. Иначе как объяснить то, что они «осваивают» бюджет, выделенный на решение ситуации, точно так же, как некогда осваивали различные транши? *«Неужели не вразумятся делающие беззаконие, съедающие народ мой, как едят хлеб?»* (Пс. 13:4).

Конечно, можно сказать, что нам не привыкать восстанавливать разоренную страну. Много раз восстанавливали, восстановим и теперь. Да, согласны. Но для этого надо, во-первых, прекратить процесс разрушения. Во-вторых, создать костяк из честных людей, не просто понимающих ситуацию, но обладающих масштабным мышлением и организаторскими талантами. Воин, ученый и организатор в одном лице. Пока же есть только команда поднаторевших в казнокрадстве чиновников и коммерсантов. Никто из них реально не управляет. Единицы, демонстрирующие хоть какое-то понимание, одновременно демонстрируют полную импотенцию. Ходить с плакатами вокруг Думы и требовать социальных льгот — верх их активности и понимания.

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ

Каким бы государство ни было многонациональным и многоконфессиональным, оно имеет ориентир. Хотя бы потому, что не иметь ориентира смерти подобно. Иметь два ориентира в принципе невозможно. Для многокон-

фессионального и многонационального Израиля ориентиром служит иудаизм. Ирану ориентиром служит ислам. Ориентир многоконфессиональных и многонациональных США — маммона. Ориентир России — православие.

Смысл ориентира в том, чтобы определить генеральное направление. Тот факт, что мусульмане ориентируются на заповеди ислама, а европейцы с американцами на заповеди рынка, подтверждает, что каждому свое. Попытку переориентировать чужую страну на свой ориентир следует понимать как попытку подчинить эту страну.

Сегодня Запад пытается всех заставить отвернуться от своих исторических ориентиров и переориентироваться на Рынок. Это прямая попытка подчинения. Если Россия или Иран начнут ориентироваться на маммону (религию США), в перспективе это значит подчинение Соединенным Штатам. Без вариантов. Чтобы было все не так очевидно, подчинение носит научный оттенок и маскируется словами о свободе совести. Подход дьявольски изощренный. Извините, но другое словосочетание подобрать трудно. Смотрите, что делается. Сначала проводится мысль о свободе совести. Вроде все правильно, все честно. Из этого выводят, что каждый имеет право исповедовать любую религию. А раз так, значит, придание какой-то одной религии статуса государственной означает ущемление других религий. Но поскольку все люди равны и все такое прочее, получается, что *никакую* религию нельзя считать государственной. А раз так, значит, государственным ориентиром назначается атеизм. В переводе на русский язык это означает культ поклонения маммоне на государственном уровне.

Когда нам говорят, что в России живут несколько миллионов мусульман или буддистов, и потому православную веру нельзя принимать в качестве ориентира, но тут же предлагают принять в качестве государственной религии культ маммоны, такая наглость ни в какие ворота не лезет. Наша религия не может быть для России государственной, а американская религия может. Как прикажете это понимать?

Перед ответом на вопрос не следует забывать, что атеизм является религией, потому что отрицание Бога — тоже вера. Люди *верят*, что они произошли от обезьяны, а Солнечная система образовалась сама по себе. Не знают, а верят. Любая масса устроена так, что по фундаментальным вопросам имеет внушенное мнение. Чему людей учат

в школе, то они и усваивают на всю жизнь. Учат, что Бог есть, они верят, что есть. Учат, что его нет, — верят, что нет. Проникнуть в суть вопроса они не могут, потому что это выходит за рамки их возможностей. В то же время, нуждаясь в каких-то ориентирах, они обретают их через веру. Направление движения любого общества всегда зависит от ориентиров, а ориентиры от силы, культивирующей веру.

В сухом остатке получается, что атеизм есть религия Рынка. Как и в любой религии, там есть свои жесткие догматы, за нарушение которых немедленно следует наказание. По сравнению с любой другой религией рыночная религия самая жесткая. Она не предусматривает покаяния и прощения. Нарушители рыночных догматов караются тут же, незамедлительно и сурово.

Теперь главная мысль: зачем религии маммоны потребовалось заявить себя так, что она вроде и не религия? История знает древние культы, основанные на поклонении маммоне. Например, в Карфагене было такое поклонение. Но почему раньше это поклонение не скрывали, а теперь так тщательно маскируют? Сам по себе факт сокрытия настораживает. Весь наш опыт свидетельствует, что *так* скрывают нелицеприятные цели. В чем же нас хотят обмануть?

Это тактика «троянского коня». Люди думают, что это лошадь, и открывают ворота. Как только «конь» оказался в городе, оттуда выскакивают враги и покоряют город. Если открыто зафиксировать все неизбежные и *гарантированные* минусы рыночной религии, ни одно общество не примет ее в качестве государственного ориентира. Подчеркиваем, ни одно. Но стоит преподнести то же самое под другим «соусом», и люди охотно открывают ворота «троянскому коню». Далее начинается духовное избиение незащитного населения.

В свете такого понимания трудно объяснить редкое (и потому удивительное) единодушие властей, заявляющих, что «никакая религия не может признаваться государственной». Понятно, что ни ислам, ни буддизм, иудаизм, индуизм и даже русское язычество никогда и не претендовали на роль государственной религии России. Единственным кандидатом на эту роль было православие. Следовательно, под формулировкой «никакая религия» понимается православная вера. Говоря языком без политеса, выражение «никакая религия» в переводе на русский язык

означает, что православная вера не может быть государственной религией, а вот атеистическая вера может. Почему в современной России атеизм может быть государственной религией, а православие нет? Потому что из русского народа сделали иванов, не помнящих родства. Безродный Иван спивается, развращается, становится ленивым и равнодушным. Но стоит вернуть ему православную Веру, сразу пойдет восстановительный процесс. Атеистическая вера, возведенная на уровень государственной идеологии, — корень всех бед России.

В итоге то, что раньше тратилось на независимость, образование и другие государственные цели, сегодня пожирает горстка богачей. Самое интересное — счастливее от этого никто не становится, в том числе и сами богачи. Люди думали, что много денег — это потолок счастья, но когда их стало много, все оказалось как-то плоско, и что делать дальше, непонятно. Сегодня многие богатеют, превращая это занятие во что-то вроде спорта, но счастья это им не прибавляет.

Сказано: *«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне»* (Мф. 6:24). Люди в любом случае будут служить Богу или маммоне. Если выбирает Рынок, дальнейшее развитие событий понятно, в чем мы наглядно убедились. Очень быстро все сведется к плотским желаниям, потребительству и эгоизму. Когда ключевые узлы будут поражены, начнется саморазрушение.

На этом эффекте строится политика США в оккупированных странах. Первым делом американцы заполняют информационное пространство захваченной страны идейной продукцией, разрушающей основы морали и нравственности. Агрессия построена на активации человеческих пороков. Под видом свободы и прочих красивых слов души людей активно заполняются порнографией и насилием. Тактика ветхозаветного змея, в результате которой население превращается в потребителей. Используя новые технологии, страну пожирает чудовище мирового рынка. Для окружающих процесс абсолютно не заметен и даже приятен. Когда общество находится в дурмане наркотического сна, оно не может помышлять о грядущем похмелье.

Люди, как бы ни были крепки в своей вере, при постоянном искушении падут. Останутся единицы, но едини-

цы не делают погоды. В этом виноват не человек, а такая его природа.

Чтобы от этого защититься, нужны новые ориентиры. Но откуда они возьмутся, если общество не имеет веры? Как показывает практика, из благих намерений ориентиры не возникают. А если и возникают, то за мгновенные по историческим меркам сроки превращаются в двойную мораль.

Определяясь, что может быть источником нужных как воздух ориентиров, логика или Откровение, мы приходим к единственному выводу — Откровение. Отсюда следует главный вопрос: какая религия оптимальна для России? Это не шутка, это очень серьезно. От источника зависят ориентиры. От того, какие ориентиры будут у нашего государства, зависит судьба России.

Мы находим этот вопрос настолько важным, что еще раз повторяем: атеизм — это религия. Не просто религия, а разновидность сатанизма. Люди *верят*, что Бога нет и все можно. Эта религия давно пришла в политику. Просто сатана, как ему свойственно, облекся в овечью шкуру науки. Мол, это теперь не религия, культ или еще какое мракобесие, а цивилизованное научное мировоззрение, следуя которому, Бога нет, и степень удовлетворения человеческих похотей есть мерило добра.

Простые люди, естественно, не заметили, что религия маммоны *пришла в политику*. Этой религии очень выгодна ситуация, когда она воспринимается не религией, а некоей «логией» или «измом», то есть наукой. Чем больше проповедь в духе «религия не должна лезть в политику» находила сторонников, тем большую услугу она оказывала сатанизму, который в итоге еще больше внедряется в политику. Такой вот «троянский конь».

ПОДЛАЯ СИТУАЦИЯ

Процессы, упомянутые ранее, США запускают по всему миру, но акцент в первую очередь на Россию. Пока иммунная система России блокирована, пока вера, культура и традиции серьезно ослаблены, возникает идеальная ситуация для удара. Потом, когда Россия очнется, будет поздно. Чтобы не опоздать, все силы Запада брошены на переформирование сознания и создание условий для экономического банкротства.

Наш народ не умеет жить в атмосфере делячества и продажности. Он или спивается и становится бомжем,

или огрубляется сердцем и уходит в разбойники. Как медведь впадает в спячку, так наш народ впадает в социальную кому, в духовную лень, делаясь ко всему равнодушным. Несчастные бродяги, расплодившиеся на улицах и вокзалах, — немой укор обществу. Это «дети демократии», которые не смогли приспособиться к породившей их системе.

В недалеком будущем заканчивается срок годности российского ядерного оружия. С нынешним состоянием экономики и науки новым его не заменить. Кроме того, мешают договоры о сокращении этого типа оружия. Одновременно наши потенциальные противники наращивают обычные виды вооружения. Теоретически по ослабленной России они могут нанести такой массированный удар неядерными ракетами, что уровень поражения будет равен ядерному. Произойти это может не в любую минуту, а в любую секунду, ибо компьютерный век внес свои коррективы. Теперь не надо тратить время, стягивая войска к границам. Достаточно нажать кнопку.

И все же, по многим соображениям, приоритетным остается вариант холодной войны, где объектом бомбардировки будет наше сознание. Сегодня новая военная доктрина — война не за экономику и территории, а за сознание. Кто завоеует сознание, тот получит все остальное. Идет война. В прямом смысле. В этой войне стреляют из СМИ по духовным основам. В совокупности бомбардировка сознания приведет не только Россию, но и весь мир к моральной деградации и экономическому банкротству. Такой экзотический способ ведения войны позволяет совершать разрушительные действия под аккомпанемент заверений в дружбе. Под знаменем борьбы за высокие цели вроде свободы и братства США уничтожают целые народы. При открытой военной агрессии это было бы невозможно.

В этой ситуации призывы к народу опомниться, защититься и прочее, бессмысленны. С таким же успехом можно обращаться к детям, которые по природе своей не способны предугадать, чем в ближайшем будущем обернется то или иное действие. Сколько ни объясняйте детям, что электричество и отопление очень важные вещи, но если летом к ним придет добрый дядя, «разведет» на «слабо?», типа, вы свободные люди, а свободные имеют право вы-

бирать, — дети с радостью начнут играть в эту игру. Потом этот умник и предложит выбрать между электричеством и конфетами, заранее зная, что дети всегда выберут последнее. Если дядя еще и постарается устроить красочное шоу, склоняющее детей в пользу конфет, результат прогнозируется на 100 %.

Виноваты ли дети? Ни в коем случае. Потому что предложенная тема лежит за пределами их понимания. Они не понимают, что придет зима. Пока им тепло, конфеты предпочтительнее непонятных слов о грядущем похолодании.

Смотреть, как подлецы манипулируют детьми, даже если детям от 20 до 70 лет, и ничего не делать — тоже подлость. Но если дети однажды становятся взрослыми, то народ, к сожалению, никогда не становится мужем с государственным масштабом мышления. Он вечный ребенок, у которого меняются игрушки и игры, но не масштаб мышления. Сколько вы ему ни объясняйте, он поймет ровно столько, сколько сможет. Сколько ни лейте воды в стакан, в любом случае в него уместится лишь стакан. Все, что сверх того, выльется.

И для пятилетнего, и для пятидесятилетнего ребенка темы за пределами «песочницы» навсегда останутся недоступными. Когда люди под тем или иным предлогом отказываются от решения или даже осмысления задач в масштабе государства или планеты, они как бы иносказательно говорят: это не нашего ума дело, потому что мы — дети, которым смешно даже в мыслях братья за такие задачи. Мы всегда будем абсолютно беззащитны против «цивилизованного» ограбления посредством, например, колебания курса валют, геополитических или макроэкономических явлений, политических злоупотреблений. Нас должен кто-то защищать.

Объединение настоящей элиты, коей в России предостаточно, но которая находится в спящем состоянии, может произойти в силу каких-то исключительных обстоятельств. *«Ради страдания нищих и воздыхания бедных ныне восстану, говорит Господь, поставлю в безопасность того, кого уловить хотят»* (Пс. 11, 6).

Продолжение следует

Сергей ЩЕРБАКОВ

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ...

РАССКАЗ

Когда собираюсь в Старово-Смолино — душа на части разрывается — и в деревню так бы и полетел, и Маришу жалко одну в Москве оставлять. Когда был жив Малыш, наша зырянская лайка, все было ясно — ему в Старове благодать. Каждый день мы с ним в лугах возле Устья. Река небольшая, но какие берега прекрасные!.. Тихо, спокойно.

Теперь Малыша нет на этом свете, и сколько бы я ни убеждал себя: «Ты в деревню писать едешь!», тут же понимаю, рядом с любимой женой тоже неплохо работается. И все же тоска по Родине пересиливает...

Я очень люблю мое родное забайкальское село Мухоршибирь. Когда в детстве ездили с мамой в город — куда меня тянуло ради мороженого в вафельных стаканчиках, ради малиновой газировки, ради городской праздничности — то к вечеру я уже так тосковал по Мухоршибири, что на обратном пути на остановках боялся выходить из автобуса. Водители автобусов такие строгие: «Через пять минут чтобы все были на местах. Ждать никого не буду».

Однажды летом, когда мне было уже лет пятнадцать, стояли мы с друзьями у клуба. Подошел незнакомый мужчина и рассказал, что

ПРОЗА

не был на Родине, в Мухоршибири, целых двадцать лет. Я поразился и не мог поверить ему, что он теперь любит другое село ничуть не меньше родного. Почему он подошел к незнакомым мальчишкам? Почему рассказал об этом? Я понял только через тридцать лет.

Став взрослым, я каждый год непременно навещал родину. Мне даже снилось, что каким-то чудом Москва перенесена в Мухоршибирь. А потом грянула перестройка, капитализм на нас обрушился. В такую мы нужду попали. Жили тем, что выращивали на огороде в Старове-Смолине. Тут уж не до поездок в далекое Забайкалье. Лет пять я тосковал по родине — свет был не мил. Но годы шли. Мы ездили с Маришей в Старово-Смолино: выращивали картошку, огурцы, морковку; потихоньку ремонтировали наш покосившийся домик о трех окнах на восток; гуляли с Малышом в лугах-лесах; пешком ходили на службы в монастырь — пережили лихолетье вместе со старовскими соседями Алюшкой, тетей Лидой, Александром Ивановичем... И полюбил я свою ярославскую деревеньку. Когда после зимней разлуки подъезжаю к ней — сердце колотится и слезы наворачиваются. И вспомнил того мужчину у клуба Мухоршибирского. Иногда я думаю, что мои предки пришли в Сибирь из этих мест. Здесь монастырь, без которого мы теперь жить не можем. В Мухоршибири же храм только строится. Конечно, душа все равно тоскует! Вот храм достроят и поеду... И расскажу мальчишке у клуба, что не был на Родине целых пятнадцать лет; что Старово-Смолино стало мне второй родиной...

* * *

И на этот раз тоска по родине пересилила: четвертого апреля выехал в Старово-Смолино. Утром вышел на крылечко высокое и первым увидел на сугробе в огороде как всегда взъерошенного белоклювого грача. «Ура. Грачи прилетели!» Накануне вечером мой деревенский друг Саня попечалился, что почему-то грачи до сих пор не прилетели, пора уж... Конечно, повозмущались мы на очередную американскую «утку» — теперь о птичьей grippe. Наши старовские мужики, умудренные суровой жизнью, когда заходит речь о птичьей grippe, досадливо машут рукой — они-то прекрасно понимают, что и эту болезнь «раскрывают». Мол, шумели, шумели про атипичную пневмо-

нию — куда она вдруг подевалась? Да ее и не было! Зато есть мировые фармацевтические монополии!..

Теперь до беззащитных меньших братьев добрались. Уже отстреливают перелетных птиц, сыплют в кормушки вместе с зерном яд!

Охотник Елисей, герой прекрасного рассказа Мамина-Сибиряка «Зимовье на Студеной», называл перелетных птиц «трудницами перед Богом» и не трогал их...

У нас в России всегда весной ждали-встречали перелетных птиц. Поэты посвящали им стихи. У Николая Рубцова:

*Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят все, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...*

Семьями стояли на крыльце, радостно показывали детям: «Вон, гуси летят». Слыша вынимающий душу гусиный крик, в котором, казалось, звучит беззаветная любовь к Родине, дети, подняв глаза к небу, волнуясь, спрашивали: «Мама, где гуси?» Многие женщины плакали от радости встречи. И у мужчин тоже глаза блестели. И провожали-проводили долгожданных своих, пока они не растворялись в голубой дали...

Теперь перелетных птиц встречают в России ядом и ружейными залпами! Дожили мы! Более «гуманные» предлагают стрельбой отгонять перелетных птиц от озер и рек вблизи населенных пунктов. А где же «божьем трудницам» отдохнуть, подкормиться после своего героического пути на Родину?! Они, бедные, и так-то едва живы!

Убиваем летящих на Родину! Кто же мы есть тогда?! Имеем ли мы право жить на Божьей земле?! Может, пора нас, как самых вредоносных тварей, смести с лица земли?!

Если мы не очнемся, не начнем жить чисто, по Божьи, не восстанем против нечисти, против ее технологий, против примитивной окорочковой жизни, тогда точно Господь Справедливый сметет нас вскоре с лица земли. Вернее, он просто не будет больше вмешиваться в тот порядок жизни, который мы сами выбрали!.. Что тогда будет с нами?!

* * *

Хожу возле дома и вдруг слышу нежное: пиу-пиу. Поглядел на скворечник на нашем дубу. Уж очень мне хотелось увидеть скворца возле него. Но он пел где-то дальше. И все равно на душе радостно стало: скворцы прилетели. Захотелось запрыгать как в детстве. Потом услышал над головой знакомые сильные махи крыльев. Стайка серо-черных чибисов пролетела в сторону луга. Прибывает пернатый народ! Пока еще, слава Богу, прибывает. Соловей — тоже перелетная птица! И жаворонок! Слышали вы, как, поднимаясь в синее небо, он щедро рассыпает драгоценный бисер своего голоса?! А как грустно кукушка в мае кукует! Невольно молодость вспоминается. Сидели с любимой на берегу реки и считали, сколько лет счастья нам отпущено...

Посвистывают в моем дворе синички, чирикают воробы, и потихоньку душа успокаивается, словно после известия о том, что чудо опять произошло — благодатный огонь на Пасху сошел на гроб Господень. Значит, еще год живем на земле. Всегда с тревогой ждешь: сойдет в этом году или нет? Если не сойдет, то можно ожидать самого страшного — ведь останемся мы без благодати Божьей...

Возле дома дяди Гоши слышу голоса. Гляжу, дядя Гоша о чем-то просит Ванюшку. Ванюшка вырос на наших глазах. И в армию мы его провожали, и из армии встречали. Мы с Маришей за него переживаем. Пропадает парень, а у него милая жена Варюша и сынок трех лет. В предыдущий приезд колот он у нас дрова. Глядел я глядел на его угрюмую фигуру — вспомнил его мать Серафиму, которая много нам помогала; вспомнил, как Ванюшка после армии послушал меня: не поехал в чужие края за длинным рублем — остался в родном колхозе. А в колхозе теперь платят — только на хлеб с постным маслом хватает. Потом Серафима погибла трагически, за ней другая беда пришла. И нашел Ванюшка отдушину в вине. Я не раз говорил ему: «Водка еще ни одного человека к добру не приводила». Он криво улыбался и цитировал рекламу: «Пей не спеша — будет жизнь хороша». Я, конечно, не соглашался: «Кто пьет не спеша — рано или поздно все равно заспешит». Так оно и вышло.

Сердце не выдержало, подошел к нему: «Эх, Ванюшка, Ванюшка, если бы ты не пил, мы бы помогли тебе корову купить. А сейчас это бессмысленно — одну корову ты уже пропил. Мы же не миллионеры, сам понимаешь». Ванюш-

ка с надеждой поднял голову, виновато кивнул, мол, было дело. И такой у нас хороший разговор получился. Порешили: если он продержится месяца два нормально, без загулов, то я найду ему денег на корову. Потом, правда, почесал я затылок — не слишком ли расщедрился: деньги-то для нас немалые. Да и нужна ли им корова? Недавно приобрели в кредит музыкальный центр — корова стоит столько же! Бестолковые, но уж очень охота помочь им. Никому они нынче на белом свете не нужны.

Ванюшка залез на березу возле дома дяди Гоши. Я догадался: скворечник прибить. Стало на душе тепло. Значит, и у сердитого дяди Гоши сердце все же не каменное, не то, что у наших деятелей, додумавшихся до объявления войны птицам перелетным! Соседка тетя Лида спросила потом: «Сережа, куда птицы подевались? Раньше столько их было. Прибили всех, что ли?»

Это не просто печально! Это уже страшно! Это уже знаменья апокалиптические, последних времен... «...и помрачатся смотрящие в окно... и замолкнут дщери пения...». Соломон премудрый назвал птиц дочерьми пения! Да, это им Господь повелел оглашать воздух своим пением!

Ванюшка высоко прибил скворечник. Долго они стояли с дядей Гошей под березой, глядели вверх. По голосам было слышно: говорили о чем-то хорошем. Наверное, о том, что со скворцами жить веселее, что эта махонькая птичка тоже тварь Божья, что внуки в гости приедут, и будет им на кого полюбоваться...

Поеужинал и снова на улицу. Теперь уж на месяц со звездами глядеть. Их сегодня не так много, но такие кроткие, такие золотые, такие прекрасно далекие... Даже сквозь двойные рамы услышал телефон. Это Мариша. Пересказал ей мои птичьи переживания, а она вдруг пожаловалась, что плохо себя чувствует. В отличие от меня, жена моя всегда утверждает, что она здорова и просит в больницы ее не записывать. Болеет всегда на ногах. А тут сама о болезни сказала, значит, дело серьезное — надо мне в Москву к ней ехать. Но Мариша сразу возразила: «Нет, ты лучше в Старове останься, а то скворцы не поселятся в наш скворечник». Замечено, скворцы любят селиться возле дома, где люди живут. Нынче в России так много пустых домов! Мудрая у меня жена — знает, как меня убедить. Напоследок добавила: «Ну, и детей наших вдохновишь на деревенское житье. Они в субботу собираются приехать».

В общем, попросила меня Мариша остаться в Старове-Смолине чтобы одних скворцов поселить на дубу нашем, а других «скворцов» — в приобретенном для них доме. Невольно вспомнил тех журавлей-лебедей. Поздней осенью увидал на поле за березовой рощей журавлей. Обрадовался такому счастью — нечасто подобную красоту близко увидишь. Поехал тихонько, чтоб не спугнуть, но они все же взлетели. На земле осталось четыре журавля. Два больших, а два намного меньше. Понял: родители детей не бросили. Три дня они грустно ходили по полю: кормились, сил набирались. И три дня я молился, чтобы на другой день их не увидеть — чтобы они улетели на юг. У нас им зимой гибель. На четвертый день увидал на том месте много журавлей, и загорелась надежда, что «моя четверка» улетит вместе с ними. На обратном пути с реки глянул на поле — оно было пусто. Поднял глаза к небу: журавлиный клин осторожно тянул к югу. Господи, как же хочется, чтобы маленькие долетели! Перекрестил их: «Храни вас Бог».

Благодаря этим журавлям, я все же закончил ремонт дома, купленного для дочки. Добрую половину лета добывал материалы, воевал с шабашниками, возил с карьеров глину, песок. Устал смертельно. Решил: хватит здоровье гробить. А тут эти журавли, жертвующие жизнью ради детенышей. Так они мне душу разбередили, что я сказал: «С тремя-то детьми когда ремонтом заниматься?! Ладно, с Божьей помощью как-нибудь закончу. Лишь бы они прижились, к монастырю прилепились...»

* * *

Уже позднее сообразил, Мариша еще потому уговорила меня остаться в Старове-Смолине, что я сказал, мол, денек сегодня чудесный: грача видал, скворца слышал; что ради одного такого денька стоило приехать в деревню. Когда я хожу по воду, Мариша обычно спрашивает: кого видел? И, зная мой традиционный ответ, сама же отвечает: двух ворон, трех воробьев... Я всегда поправляю: не двух, а одну, не трех, а двух...

Ночью шестого апреля — в этот день мне исполнилось 55 лет — приснился наш любимый песика Малыш, двенадцать лет бывший со мной неразлучно. Гуляли мы с ним, и вдруг он выбежал на дорогу. Испугавшись, как бы машина не задавила, я крикнул: «Назад». Он послушно вернулся ко мне. Присел я на корточки, обнял его за шею.

Такое это было блаженство — давно я его не обнимал. Сделал мне Господь подарок ко дню рождения! Самый дорогой! Устроил встречу с Малышом и даже позволил обнять его...

Весь день я ждал скворцов, но они сидели целой стайкой на Алюшкином тополе, пели свое нежное: пиу-пиу, но на наш скворечник даже и не глядели. Не хотели сделать мне еще один подарок, хотя я неоднократно просил: «Священномучениче Власие, преподобне Герасиме, все святые любящие животных, помолитесь Господу, Хозяину всей твари, чтобы скворцы и у нас поселились».

Вечером поехал в монастырь на Всеношную — завтра Благовещение. Архангел Гавриил принес деве Марии благую весть, что она родит Сына Божьего! В Кринках, чуть ближе хутора, вышагивает по обочине высокая фигура знакомая, Мишка, внук соседки Алюшки. Обрадовался я: «Ага, вот кто мне поможет. Вовремя его Бог послал». Остановился: «Можешь поздравить меня с пятидесятилетием». Он спохватился: «Ой, совсем забыл. Поздравляю. Вот только подарка у меня нет». Я возразил: «Кто же без подарка поздравляет. Ты мне просто обязан сделать подарок». Мишка растерянно поглядел на меня. Я рассмеялся: «Сколоти скворечник и прибей на тополь во дворе, а то на дуб скворцы нынче почему-то не хотят селиться. Может, на тополе им понравится?» Мишка облегченно вздохнул: «Сегодня же сколочу».

Утром, на Благовещение, проснулся я вместе с солнышком. Вдруг близко-близко: пиу-пиу. Не веря своим ушам, отодвинул штору. Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Вот они, скворушки наши родненькие. Черно-изумрудные с крапинками, словно маслом смазанные. Головки в плечи вжали от утреннего холодка. Сидят на ветке нашего дуба рядом со скворечником. Сначала один нырнул в домик, следом — другой.

Сажу за столом, пишу «Скворцы прилетели». Поглядываю в окно на дуб. Кроме скворцов на нем еще много интересных персонажей. Мариша подвесила на ветку банку, и я насыпаю в нее семечки. Сегодня прямо очередь выстроилась. Обстоятельные зеленые синички, неунывающие воробьи, молодцеватые щеглы... И до чего же все хороши — не налюбуйешься на них. Мариша не раз напоминала мне перед отъездом, мол, сейчас самое голодное для птиц время: зимние припасы все закончились, а весенние еще не выросли — так что корми их, не забывай.

Вдруг — бабах в окно. Будто кто камень бросил. Чуть стекло не разбилось. Выглянул — никого. Думаю, наверное, семечки в банке кончились, и птички еще просят? Вышел, насыпал. Захожу обратно во двор и вижу на земле, подле окна, среди узорчатой листвы дубовой лежит бурогрудый щегол. Сердце заныло: неужели насмерть убили-ся? Поднял его, он даже не шелохнулся. Тут я догадался: он с лету хотел схватить красную рябину, лежащую у нас для красоты между рамами. Держу его на ладони, а у него уже лапки скрючило. Стал я его гладить по спинке, крестить. Поглажу, перекрещу. Поглажу, перекрещу. Щегол подал признаки жизни: начал раскрывать клюв, будто пить захотел. Тут в калитку вошла соседка Алюшка. Отдал ей щегла, принес воды в блюдечке. Окунул его клювик, он головой задергал. Думаю, что с ним делать? Здесь оставить — кошки съедят, а в доме, куда его посадить? Попросил: «Священномучениче Власие, преподобне Герасиме, все святые, любящие животных, помолитесь об этой Божьей твари...» Щегол встал на ножки, постоял и вдруг вспорхнул и улетел. Не веря своим глазам, мы с Алюшкой даже прошли за угол дома: не почудилось ли нам, что он улетел? Может, упал в трех шагах? Но щегла нигде не было. Говорю: «Ну, живи с Богом!»

Думаю, надо ягоду убрать, не то еще кто-нибудь расшибется о стекло. А как убрать? Рамы зимние выставлять еще рано. Алюшка подсказала: «Материю снизу прибей, чтобы ягоду не видно было». Прибил. Больше ягоду класть не будем — даже красота не везде к месту...

* * *

А другие «скворцы», Нина с Антоном, приехали в субботу. Натопили жарко печку, прибили к стене умывальник, собрали кровати, сделали ширму для детской комнаты, вымыли пол... И впервые ночевали в своем доме. Первая ночь в своем доме незабываемая. Ее помнишь всю жизнь. Мы с Маришей в конце первого дня в нашем Старовском доме настолько были счастливы, словно только что поженились. Я Нине посоветовал выйти перед сном поглядеть на небо в золотых звездах, послушать таинственные голоса ночи деревенской; как собаки переговариваются. Одна сообщит, мол, чужой прошел; другая откликается, дескать, не тревожься — ты не одна; третья подтверждает: нас много, плохого мы сделать никому не позволим... А заканчивает разговор какая-нибудь в далекой

деревне за горой. Может в Варусове, а то и в самих Селищах... А о чем уже она говорит — нам понять не дано...

Не знаю, выходили или нет Нина с Антоном во двор перед сном, но на другой день они как-то посветлели...

Десятого апреля пришел наконец-то Мишка со скворечником. Залез на тополь, приколотил его высоко-высоко. Пояснил: надо обязательно на восток, чтобы скворцы вместе с солнцем просыпались. Я снизу поддержал душевный разговор: «Вот и деток устроили. Они, наверное, тоже хотели в свой домик, но родители больше прав на него имеют. Теперь и у деток будет собственный дом рядом с родительским. И всем хорошо». Мишке наверху тоже стало хорошо, и он весело крикнул с высоты проходящей по улице Ленке Тростинке, похожей на знаменитую актрису Барбару Брыльску: «Ленка, я тебя вижу, а ты меня — нет». Она счастливо улыбнулась. Мишка — первый парень на деревне...

Утром с надеждой отодвинул штору. Слава Богу, сидят скворушки наши родные рядом со скворечником на тополе. Открывают свои желтые клювики и нежно-нежно поют: пиу-пиу... Теперь можно и мне в Москву к Марише возвращаться... И снег совсем почти растаял в деревне, остались белые заплатки... Весна!

д. Старово-Смолино.

Апрель—май 2006 г.

Анна КОЗЫРЕВА

АЗ ЕСМЬ...

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

I

Позднюю осень 74-го года, когда внезапно умерла мать, Теплов запомнил на всю жизнь. Вызванный к матери срочной телеграммой, он с твердой уверенностью полагал, что ничего страшного и трагического дома не происходит. Венька был даже наивно убежден, что мать, так и не дождавшаяся нынешним летом сына на пообещанную побывку, решила заполучить его таким вот бесхитростным способом.

Весь не ближний путь, вначале самолетом до Перми, затем пузатым рейсовым автобусом, он, преодолевая обычное дорожное, опьяняющее монотонностью рассудок, дремотное оцепенение, с детским простодушием лелеял в воображении безмятежные картинки приближающегося недельного отдыха. И чем ближе подъезжал к дому, узнавая в мелочах старые заметы, тем острее трогало, хватало за душу некое неуловимое, неизъяснимое на словах чувство — и это нечто сладкой щемью вздрагивало на самом доньшке встревоженной души, а следом вдруг и сожаление, глубоко скрываемое доселе от себя самого, вырвалось на-

ПРОЗА

ружу: может быть, ну ее к шутам Москву-столицу, да и остаться навсегда дома...

Последние километры от торной трассы шел напрямую пешком. Чувства, народившиеся в пути, не оставляли его: с легкой, граничащей с безудержным возбуждением радостью он летел как на крыльях, не замечая ни раскисшей хляби, ни нависавшей серой хмари.

Он поднялся на последний изволок: перед взором открылась родная деревня, упрятанная от северных ветров в отлогой покати взгорья. И только здесь отчетливо увиделось, что тяжелые плотные облака, нагоняемые юго-восточным ветром из гнилого угла, наползая ходко понад лесом, зависали низко, скукожив и затемнив унылую округу.

Вышагивая споро по широкой деревенской улице, он невольно укрепился в тревоге, слабой волной вдруг накатившей на него. Теплов кивал приветственно редким, высматривающим его прохожим, в чьих напряженных косых взглядах угадывалось нечто большее, чем простое любопытство; а тут еще и знакомый с детства дом-дощаник увиделся с расстояния обветшалой лачужкой, потемневшей по-стариковски от времени, с беспомощно завалившимся передним углом и вросший приземисто в суглинистую почву. Сердечной судорогой рванула наружу горькая досада, что мог бы ведь, дрянь-человек, давно объявиться и догадаться, что матери нужна его помощь.

Теплов поднялся на разбитое, застонавшее под тяжестью шагов крыльцо, по обеим сторонам которого, переплетая сухим стеблем, как замызанной бумажной бечевкой, посеревшие от времени жердины, винтом тянулся к укусу крыши хмель. Редкая сморщенная листва уральской лианы, обожженной до черноты ранними зазимками, топорщилась на стебле пепельно-ржавыми мотыльками и порывисто шуршала на ветру.

Секунду-другую задержался на крыльце, оглянулся назад, словно ища в ком-то поддержки, и робко вошел в сенцы, где тут же резко ударил в нос запах свежеструганной доски — белым узким пятном у стены вертикально стоял новый гроб... В висках застучало и ударила кровь в лицо: ощущение неотвратности происходящего оглушило, и, преодолевая навалившийся по-детски панический страх, Теплов дернул на себя ручку двери, которая, легко поддавшись, слезно скрипнула и пропустила в опрокинутое в сумерки жилище. Вязким сгустком ударила в лицо

глухая, настоявшаяся горечью, гнетущая тишина, разрываемая на мерные клоки громовым перестуком — будто то бьет по наковальне стопудовый молот — настенных древних ходиков, висевших всегда рядом со входом. Переступил узкий порожек; вошел в пустую переднюю, служившую одновременно кухонкой и прихожей; бросил на пол у печки легкую дорожную сумку; сделал несколько осторожных шагов и, откинув цветастую шторку из штапеля с дверного проема, заглянул в горницу, где и увидел мать, лежавшую на высокой железной кровати.

Она лежала, вытянувшись прямо, а в изножье у нее, привалившись к спинке кровати, дремала сгорбленная старуха, которая на скрип двери вздернула кудлатой сивой головкой:

— И кто там?

— Это я... — Рухнула в испуге, обомлела душа. Повторил: — Я... это...

Старуха пошарила сухой рукой вокруг себя, нашла свалившийся с головы платок, спешно укрыла редкие лохматушки и, подслеповато сощурившись, вгляделась в вошедшего:

— Никак ты — Веня? И, слава Богу!.. Наконец-то!.. Тася! Тась, слышь-ка: Венечка наш приехал... Иди-иди, сынок, сюды... иди ближей...

Отвалившись от дверного косяка, Теплов несмело подошел.

У матери были плотно закрыты глаза; в лице, жадно обглоданном болезнью, ни кровинки, лишь в острых уголках скул ягодой-калиной тлел сухой румянец, а через блеклые, чуть приоткрытые губы из тощей груди прорывался, пережимая дыхание, влажный птичий клекот. Он опустился на колени и прижался щекой к вытянутой вдоль тела тонкой, сохранявшей еще зыбкое тепло руке; другая рука медленно поднялась, потянулась к его голове, но, бессильно перебрав на весу прямыми пальцами, надломилась в локте и упала на место.

— Мама... мамочка!.. — со стоном исторглось из хрипато-ужатой горечью и отчаяньем груди.

Птицей-горлицей встрепенулась чуткая душа на тот надрывный зов — отцветшее лицо ожило: оттененные желтым веки дернулись и приоткрылись отяжелевшие глаза: с минуту-другую мать осмысленно и пристально смотрела на сына, пробиваясь до самой сердцевины. Сын по-датливо потянулся навстречу в робкой надежде разгово-

рить с нею — но плоские губы только безголосо что-то прошептали и вытянулись, усмирив натужный клекот, в кроткой улыбке...

Защемило сердце, и Венька невольно стиснул иссохшую руку: вялые голубые жилки вздрогнули — но вздрогнули безответно. Мать отвела отуманенные глаза в сторону, окинула жилище блуждающим, неровным взглядом и отсутствующе уставилась в видимую ей одной точку под потолком. Рукой она слабо, однако требовательно, успела указать на дверь.

— Просит, чтоб ушли... Уйдем давай, Веня... — Старуха поспешно и суетливо потянула его. — Не будем мешать... Видела она тебя... Все ждала голубица кроткая тебя... И, слава Богу, дождалась... Обрадовалась... Простилась она с тобой... А сичас, Венечка, ей уже не до нас...

Только на улице узнал Теплов в сморщенной сердобольной старухе свою бабушку Глафиру — мать его отца. Это было более чем странно и неожиданно, ибо та, как с детства помнил Венька, держала его мать далеко на расстоянии.

Они долго сидели на крыльце молча, привыкая к блеклому дневному свету. Старуха горестно и надсадно вздыхала под боком; задумчиво и с пришепотом, словно ведя с кем-то невидимым беседу, мотала удрученно седенькой головкой и часто моргала усталыми глазами, а он, преодолевая тугую душевную боль, пронзавшую изнывшее нутро, ровным счетом ничего не понимал из происходящего с ним в эту минуту. Реальная близость умирающей матери и осознание своей немоши вносили сумятицу в его разгоряченный мозг, отказывавшийся что-либо оценивать и соображать. Его внезапно оглушенное сознание, как и всю ближайшую округу, окутал густой клочкастый туман. Он явно ощущал его влагу: соленая испарина мелким бисером, как росой, покрыла онемевшее лицо.

— Ее же в больницу срочно надо! — Он вдруг вскочил на ноги, выкрикнул ослабевшим голосом, но Глафира тихо осадилa его порыв, прошептав:

— Третьево дни, Венечка, ее из больнички и привезли домой... помирать...

Он шлепнулся на скамью, ладонью отер влажное лицо.

— А мне-то, что ж, не сообщили?

— Так сама и не позволила... Зачем, говорила, человека

с работы по-пустому срывать? — А он про себя подумал: какая работа? И вспомнилось: ему в те дни удачливо выпало побарствовать, как белому человеку, весь блатной бархатный сезон на югах... — Пройдет, успокаивала, — не в первой... Весна-осень у астматиков завсегда обострения жди, а у ей и настоечка с девятисилом готова... Молочка с кореньями натопит... с медком... — тем и спасалась. Тут же к ей ишо одна зараза привязалась...

— Какая зараза?

— Зиму-то она все кака-то квелая была, а по весне энта гадость и привязалась. Лешай какой-то... Доктора говорят, мол, от вирусов то, а по мне, все болячки наши от нервов, от переживаньев... Живот, спина, бачины — все, как поясом широким оплело, было в красноте да волдырях... Поначалу думала: простуда, и чем только не мазалась, а он не проходил — мучил ее... Летось в одночасье и скрутило ее, бедную... И лешай энтот... и астма обострилась... И ишо кака-то лихота навалилась...

— А еще-то что? — снова перебил старуху.

— Че-то сурьезное по женской части... Одним словом, все до кучи... После Успенья она в больничку своим ходом ушла, а обратно, ишь, как барыня, на санитарной карете вернулась...

— Как же так? — подступило к горлу. — Ее, что, не лечили там совсем?

— Ты, Венечка, не горячись. Зачем не лечили? Лечили... Все, че могли, делали. Да токо, вишь, не помогло... — Она снова глубоко и непритворно вздохнула. — А домой Таисья сама попросилась... со слезьми... Христом Богом умоляла, чтоб отпустили ее... Как привезли, она тем же днем зазвала Котяна... и заказала ему гроб. Помнишь ли Котяна-то? Здеся он ноне — у Афониhi за примака... Тот отказывался: вот, мол, помрешь — тады и слажу... Уговорила-таки... Она и деньги, каки на книжке были, сняла. Вечор Верка-кассирка домой принесла. Оне у ей под подушкой лежат... — Умолкла.

Подбитым из шальной рогатки билось в ужатой стыдом груди ноющее сердце, а Глафира вдруг всхлипнула, схватила по-рыбьи полым ртом влажный воздух и зачастила запальчивой скороговоркой сквозь обильные слезы:

— Я ж, внучек, как есть, во всем перед твоей мамкой виноватая... Из-за моей-то дурости и досталось ей одной век вековать: не дала я им, баба глупая, житья с Феденькой... И че, спрашивается, ерепенилась? Вязалась к ей...

Все мне не так да не этак... Все че-то мне для единственного сыночка наособицу хотелось... А как же он ее, внучек, любил!.. Души в ей не чаял... С ума сходил... А все одно каменной стеной стояла — супротив была... Как в глухой омут своими руками подтолкнула... Кабы не моя дурость, — не уехал бы он тады скоропалительно и не сгинул бы с концами... Жили оне себе бы да жили, и ты б при родном тятке рос... И че возносилась? Одну только свою лихость на потеху людям казала... Поздно, Венечка, я поняла, что мы с твоей мамкой, как есть, одной глины горшочки...

Теплов опешил, растерявшись от столь откровенной тирады, а та, по-прежнему не таясь признательных слез, продолжала выволакивать из тайных глубин наболевшее:

— Помнишь ли, как мать сумочку потеряла? Там ишо у ей пачпорт был. Это о-го-го кака везуха была, коли кому удавалось его получить. Опосля войны долго ишо из деревни не выехать было запросто-то, если кто по найму куды завербуетеся или ишо че удумат... Мамка твоя сумела в городе нянькой подрядиться. Вот те хозяева ей и подмогнули. А как она пачпорт получила, то за тобой и приехала... Сумку ту, как на грех, нашел дед наш Егор Савыч. Отдал мне, а я, как раскрыла да увидала, чье это хозяйство, — так на меня как како затмение нашло: ажно в глазах все потемнело... Спалила я все, как есть спалила... Все до единой бумаженции в печь побросала... И сумку следом запихнула: копотит-то было!.. Копоти! А отчего все? Все от ревнования... от подозреньев... от дурости бабьей... Взбрендилось мне, что оне, мол, с Федькой там, в городе, опять снюхались... Ну нет, решила, не бывать тому!

Старуха утихла; подавленно сжалась, сморщилась боязливо, а затем слабым, удрученным шепотком извинительно добавила:

— Тама ишо деньги кое-каки были... так я их, внучек, не присвоила... Все опосля возвратила... до копеечки...

Многое неволью выплыло в напряженной памяти. Вспомнилось и то, как он, не понимая до конца происходящего, детским чутким сердечком уловив нечто несправедливое и обидное в отношении матери, горько и бесильно страдал. Краем припомнился и тот горестный для матери день, когда пропали документы. Утонув в воспоминаниях, он со стыдом вдруг обнаружил, что совсем равнодушен к бабкиным слезам, ибо ничего не запало в его, захлестнутое обидой за мать, сердце из ее покаяния.

И совсем не понимал он, как же ему вести себя и что ей сказать сейчас, ибо ясно чувствовал, что она ждет от него непременно неких утешительных, возможно успокоивших бы ее слов, но ни подобных, ни каких иных у него не было — и он искренне, выдохнув облегченно, обрадовался, когда на крыльцо поднялась Полина — соседка из дома напротив, которой Глафира, видимо, также выдохнувшая с облегчением, поспешила, вытерев насухо уголком головного платка заплаканные глаза, негромко сообщить:

— Успокаивается... Нас вот с Веней отправила от себя...

Полина, присев рядом и оценивающе вглядываясь прямо в лицо, спросила:

— А ты, Вень, успел ли попрощаться?

— Успел-таки... — бабка ответила за него.

— Слава Богу! — И, все так же не сводя с Веньки пытливых, пристальных глаз, соседка продолжила: — Ждала она тебя... как ждала! Я когда ей сказала, что тебе телеграмму отбила, так она все время то на двери смотрит-смотрит, то с окошка глаз не сводит...

Смахнув слезу, крупной одинокой горошиной прокатившуюся по щеке, Полина добавила:

— Вы ведь, детушки наши, как из родимого гнездышка выпорхнете, и ищи вас потом свищи ветра в поле... Как вам, бессердечным, растолковать, что матерям бывает большой утехой ваше редкое письмецо... — Потемнела, осунулась лицом, умолкла и, вздохнув горестно, углубилась в себя.

Какое-то время сидели в тягостном молчании, каждый погружившись в свою сокровенную думу, но вскоре, не выдержав, Полина откровенно приступила к допросу:

— Неплохо выглядишь... И одежда, смотрю, на тебе справная. Сразу видно, что столичный гость пожаловал. Хорошо, верно, получаешь? Жениться-то не собрался ищо? Пора бы... годками-то не юноша... А не пьешь? — И, не дождавшись ответа, сообщила: — Колян-то, вона, тож в Москве где-то счастья искал, да не больно с каким нажитком объявился... Може, где не тама искал? Спился он... Кожа да кости вернулся. Одно то хорошо, что мать-упокройница таким-то подарочком его не встренула. Тот бы ей радость была!.. — удрученно вздохнула. — Молодой мужик ищо: сорок годков только — а выглядит старик стариком... Высох, съезжился, как гнилое яблочко... Страх... Прогулял-прображничал все, а ведь дока какой

был — мастер на все руки... Вот и материн дом профукал: изба-то к колхозу отошла. В ей сичас люди чужие живут. Есть он теперя — бездомок, шатун. Пригрелся покуда возле Степки Афониhi...

— Так она ж — старая! — непроизвольно вырвалось у Теплова.

— Ну так и что из того? По Сеньке и шапка... Она баба суровая... Известно — бесиха: и не таких обламывала... Держится пока — не пьет... робит по-тихоньку... Степке деньгу волокет... — Умолкла, и тут же подхватила Графира — встала, позвала:

— Зайдем, ино, Веня, — посмотрим...

Втроем они осторожно вошли гуськом в дом.

Венька сразу отметил про себя, что ходики, оглушившие его в первый раз, сейчас подозрительно утикли. Он посмотрел на стенку — часы стояли: гирька, вытянув цепочку на всю длину: оборвался стремительный бег времени.

Мать лежала на смертном одре с остекленевшими, остывшими глазами, устремленными прямо в низкий потолок; заострившееся от зыбких теней мраморно-белое лицо ее было удивительно покойно и мирно, а на губах застыла та тихая, кроткая улыбка, которой она успела одарить сына...

— Это надо ж — ровно спит! — Полина первой нарушила нетронутую тягостную тишину.

— Вот и успокоилась... Отошла на вечный покой наша страдальца... — Глафира перекрестилась, пошабуршав рукой в кармане фартука, вытянула на ощупь два пятака и бережно прикрыла ими умершей глаза. Обернувшись к внуку, тихо сказала ровным голосом: — Надо бы, Веня, успеть засветло воды полну кадушку наносить. В избе печь растапливать не станем — в сенцах на плитке накипаем, а Полина обмочит ее и обрядит, покуда упокойница мягкая...

С утра следующего дня начались хлопоты.

За день Теплов дважды побывал в районе, благо оба раза удачно успевал перехватить рейсовый автобус на трассе. Глафира сунулась было с просьбой помочь машиной в правление, но там, пообещав вначале, так в итоге и не помогли. Венька проходил мимо, когда из окна правления его окликнули, председатель, зазвав в кабинет, сообщил Веньке с подчеркнутой торжественностью в голосе, что колхоз поможет в похоронах:

— Тризну организуем в столовке. Я уже распорядился. Таисия... — Он, запнувшись, замялся — уткнулся носом в какую-то писульку на столе и пробубнил монотонно механическим голосом: — Таисия Михайловна Теплова заслужила к себе внимание со стороны... Люди относились к ней с должным вниманием... Была предана доверенной ей работе... — И, подняв на Веньку лупастые цепкие глазки, выпалил внезапно с нескрываемым раздражением: — Слушай, а матушка твоя того... со странностями была! В церковь постоянно шастала. Мне даже в райкоме на вид ставили: поет, людей этим привлекает. И не старая ж еще была женщина, чтобы вот так откровенно свихнуться... — попытожил в конце, в упор разглядывая с интересом Веньку.

Теплов знал, что председатель — человек здесь новый, пришлый, и ему не без любопытства подумалось отстраненно: «А этот долго ли продержится?»

Протянув руку для прощания, председатель вкрадчиво добавил:

— Спиртное, сам понимаешь, правление оплатить не сможет — не положено... Выкупишь сам в сельмаге, сколько там отпускается по норме в подобном случае. Это, кажись, ящик... Конечно, я могу шепнуть Валентине, чтобы она тебе побольше продала. Сказать?..

Венька, неопределенно пожав плечами и сделав вид, что не заметил протянутой руки, молча вышел из кабинета. Все время, находясь в рассеянном состоянии, он, как автомат, в точности выполнял распоряжения Глафиры, которая была собранной и внимательной к каждой мелочи.

В районном городке он вначале зашел в больницу, где получил у главврача медицинское заключение, и быстро оформил в ЗАГСе свидетельство о смерти матери — последний ее официальный документ, в котором лично она уже меньше всего нуждалась. И лишь вернувшись, в подробности пересказал состоявшийся в правлении разговор Глафире, а та язвительно хмыкнула:

— Надо ж, каков благодей нашелся! Не им заведено — не ему и рушить. Всю жизнь всем положено было, а сейчас, выходит, не положено? Ниче: и без ихнего пойла обойдемся... Он здесь ишо без году неделя будет, а уж свои порядки заводит. Известно: кака така перелетна птица... — И уточнила: — Завсегда колхоз помогал. Без разбору. А тут, ишь, выпендрился наособицу: уваженья, мол, особого заслужила! Это уж точно! Оне другой такой дуре-

хи днем с огнем больше не сыщут. Где прореха — кого туды? Тасю! Скотника нет — ее пихнут. Не вышла телятница — станет вам и телятницей. Оне помогут! Как пить дать, помогут! Кому только как? Иному полным черпаком через край, а иному и пустой ложкой да все мимо рта. Им бы токо насопеться на шерамыжку да поболее... Ну-да ладно! Бог с има — и на том спасибочки: с паршивой овцы хошь шерсти клочок, а тута, вона, цельный отрез кумачу со склада с Полиной передали.

По улице, вздрагивая и дребезжа на колдобинах, мимо дома протащилась пустая телега, которую понуро тянула тощая лошадь. В возке, вяло понукая и вольно развалившись, сидел мужичонка, кивнувший приветственно им головой. Глафира, а следом и Венька машинально ответили на приветствие. Внимательным взглядом проводив возчика, Глафира сказала:

— Че-то и не признаю, кто проехал... — Помолчала и, глубоко выдохнув, продолжила: — Мать твоя, Веня, жизнь прожила многим людям на завидку... Безблудно, безгреховно прожила... Прожила ровно вдовушка... соломенна токо... И до последнего все Федю верой-правдой ждала, а я, как самделешная свекровка невестку-солдатку, зорко блюла-сторожила да, как цепная собачонка, все выглядывала, высматривала все за ей... Тоже ить, внучек, с надегой на лучшее жила... — всхлипнула, однако пересилила себя — продолжила: — Одно время кажинную осень наезжали командированные из городу. На уборку. То-то бабешкам нашим развеселое времячко наступало... Оно, конечно, одинокую женщину и понять можно... По вечерам часто пьянки-гулянки... Вот и Тасю не раз зазывали, но она завсегда сторонилась того. Увязался за ей один ухажер из шоферов. Все по пятам ходил... Однажды у их дело чуть до большову скандалу не дошло... — Старуха бросила на внука быстрый, испытующе-вопрошающий взгляд — добавила: — Он опосля приезжал со своим отцом, вроде как свататься... Ты в ремесленном учился, а я, признаюсь, побегала — икру-то пометала... — Выдохнула. — Он и про церкву опеть вспомнить не забыл? Немошной назвал? Дак туды, Веня, токо немощны и ходют... Безгрешным да святым тама-то че и делать?..

Теплов не удержался — спросил:

— Как же она пела? А астма?

— Энто, Венечка, самое настоящее чудо и было. Я сама порой удивлялась. Идем бывало с ей: всю дорогу

кашляет, перхает надсадно через шаг: вот-вот, кажись, задохнется, а придет — станет на клыросе, куды все денется: утихнет, успокоится... Одно лишь — громко очень не могла тянуть: силов уж не хватало. Пела завсегда не шибко громко, но умирительно, трогательно. Особливо, если как хирувимскую одна запоет, — тихо-тихо в храме станет: душа у всех обмирает... плачет... Хвалил батюшка ее... Я ить, головушка садовая, вовсе из виду упустила: кады ты в раен-от ездил, — надо было тебе наказать, чтоб ты в церкву зашел. Вспомнила: побегла за тобой — думаю: на поли может догоню, да где уж там...

Глафира продолжала еще говорить, слезно сокрушаясь и костеря себя, но Венька не слушал, наблюдая безучастно видимую с крыльца, унылую и малолюдную округу. Вскоре он поднялся и вошел в избу, где, обряженная в смертное, мать лежала в гробу, аккуратно обитом алым кумачом.

Посторонне окинув взглядом жилище, он заметил, что нарядке, под полатами, висит скудная материна одежда и что за эти годы его отсутствия здесь ничего ровным счетом не изменилось. И ему даже показалось вдруг, что вовсе это и не мать с изжелта-пластмассовым лицом лежит сейчас в гробу с тонкими, потрескивающими от огня свечами в изголовье, а то его бабушка Феня, похоронили которую всего несколько лет назад.

И ныло, постанывало в опустошенной душе.

Внезапно, будто сквозь вату, до него пробилось тихое напевное бормотанье — и тут только он увидел стоявшую в изножье гроба маленькую старушечку. Перед ней на тумбочке лежала толстая раскрытая книга, из которой та тонким, жидким голоском мерно и протяжно что-то вычитывала. Самый звук ее уверенного голоса и строго-отрешенное выражение невозмутимого лица отвлекли от недавних мыслей, и он, не без любопытства, попытался вслушаться в незнакомые, трудно улавливаемые слова, однако, сколь ни напрягался, понять ничего не мог, а тут вдруг ясно и отчетливо услышалось: «И человек в чести сый не разуме, приложися скотом неммысленным и уподобися им».

Услышанное резануло, понудило вздрогнуть: напряглась в изломе до боли душа, кровь ударила в лицо и молотом-кувалдой шибанула в виски — а испуганный разум вяло возмутился: как такое можно произносить сейчас, здесь?! Он, как ужаленный, выскочил вон и, выловив Глафиру во дворе, возмущенный набросился на нее:

— Там бабка чушь какую-то порет!
— Кто?
— Ну та, которая в доме все что-то бормочет, как колдунья.

— Серафима, че ль? Окстись! Кака она тебе гарма? Не-не... она и по молодости-то ничем таким не занималась: ни ворожила, ни колдовала. Чушь-от ты порешь, а не она.

— Объясни тогда, про какую скотину она только что там читала?

— Пошто про скотину?.. Може ты че не понял? Искарзил че? Она тама, Веня, Псалтырю читат.

— Все я так понял! Не глухой! И все своими собственными ушами слышал и слово в слово запомнил. Вот: приложился скотом и... упо-до-бился ему... — Он запальчиво перебил ее, а Глафира, раздумчиво помолчав, вкрадчиво сказала:

— В той книге, внучек, много чего про человека сказано... И доброго, и худого. Каков уж есть человек. Куды денешься-то? Никуды и не денешься...

— Не знаю... только мне все это непонятно!

— Дак сразу-то и не поймешь! Люди, вона, бывает годами до всего доходят... Ты лушше и не думай об том. Може и придет твой час, тады и поймешь... А седня это не для нас с тобой — это для упокойницы читается. Для ей это сейчас в помощь и радость будет, как пение клыросное в церкви...

Венька ушел в огород, где, упав на завалинку тыльной стороны дома и привалившись к стене спиной, затаился. Он слышал, как скрипит входная дверь — время от времени в избу входили: что-то там говорилось, что-то суетливо и хлопотно делалось, но ему до всего, происходящего за стеной, не было интереса. Не безразличным было лишь слабо прорывающееся сквозь ближайшее окно Серафимово чтение. Станным, непонятным образом оно, обладавшее словно магической силой, приковывало внимание. Он напряженно вслушивался, пытаясь выловить слова, однако до него доносился только стройный напевный ритм, а фраза, нарушившая недавно душевное равновесие, все не оставляла, вплетаясь вновь и вновь в улавливаемую мелодику — и вот уже накатывало волной неизъяснимо робкое чувство стыда и сожаления, что вспылil по-глупому, набросился на Глафиру, а на душе становилось впервые за последние дни непривычно тихо и покойно...

Он нашел Глафиру — спросил:

— Зачем в церковь-то надо было зайти?

От внезапно заданного вопроса старуха заметно растерялась — стала оправдываться:

— Да уж я сама погода все закажу... А венчик и подорожная, слава Богу, у ей оказались... И иконочка тоже нашлась... Все Таисья заране заготовила... При ей уже лежит... А отпеванье-то я опосля закажу... Не переживай!..

— Нет, ну зачем-то же ты хотела, чтоб я зашел? Следом, говоришь, бегала...

— Да че об том и баять...

— И все-таки если надо, давай съезжу! Время есть пока.

Глафира вскинула на него загоревшиеся глаза и, не скрывая радости, воскликнула:

— Може и взаправду, внучек, съездишь?! Быстро ить, думаю, обернешься! — И принялась наставлять скороговоркой: — Найдешь тама Марею Петровну. Пристрочка во дворе есть — в ей посмотри. Если тама нету, спроси у сторожа. Он завсегда на месте. Коли нет ее, он к ей сведет. Скажешь, что Таисья померла... котора, мол, певчая с клыроса... Деньги вот, — она протянула ему, явно давно заготовленную и лежавшую до срока в кармане душегрейки, десятку, — ей отдашь... Че надо, — она все сделает...

Он прошел по деревенской улице от дома уже изрядно, когда, запыхавшаяся от напряженной, быстрой ходьбы, Глафира сиплым, надсадным голосом окликнула его:

— Вень!.. внучек!.. постой-ка!..

Он отозвался на оклик, оглянулся и тут только впервые обнаружил, сколь же это усталый и заморенный человек, а та, доковыляв наконец до него и оперевшись ослабевшим тельцем на суковатый батожок, протянула ему с ходу тряпочный кошелек — выдохнула:

— Зайди-ка ты, Веня, в похоронну контору. Купи веннок... Полушше выбери... покрасивше. И деньгов-от не жалеи: сколь потребно, столь и бери... Ишо тама на ленте че-то пишут, — так пушшай от меня надпишут...

И вновь вздрогнула, занедужила душа, а с самого донышка ее поднялась горькая муть укоризны — ожгла: вот стоит он, человечешко, сейчас перед ней — стоит, как на позорище, посреди улицы, высвеченной белесым, выкатившим в прогал низких слоистых облаков солнцем, и, имея в кармане брюк лишь собственную мелочишку, а во

внутреннем кармане пиджака, взятые будто плутовски из-под подушки, собранные по крохам матерью, деньги, тщится-кичится показать себя миру таким столичным гоголем...

Марию Петровну он нашел сразу, встретив ее при входе в ограду церкви. Он сообщил ей о смерти матери, слово в слово повторяя Глафиру.

— А ты Таисье не сын ли будешь? — только и спросила.

— Сын...

— Иди в храм — двери отперты.

Он бочком, несмело втиснулся в пустой, сумеречно освещенный слабым светом, льющимся прямыми струями сквозь высокие узкие окна, храм. Замер на пороге, привыкая к полумраку и всматриваясь в просторную пустоту.

Следом за ним вошел худой высокий старик с окладистой седой бородой. Старик бросил на Теплова беглый зоркий взгляд и молча прошел мимо, всколыхнув туманные, блуждающие тени, и растворился в глубине. Пришла Мария Петровна, и скорому ее приходу нечаянно обрадовался. Она так же молча прошла мимо, так же исчезла на время с глаз, но вскоре, появившись, степенно и чинно начала непонятные ему приготовления.

Электрического света так и не зажгли, но во множестве вспыхнули на каноне высокие свечи. Терпкий, сладковато-медовый запах воска и легкое потрескивание вздрагивающих остроконечных фитильков, потревожив гулкую тишину, оживили храм.

Внезапно широко распахнулись Царские врата, и из алтаря, освещенного прозрачным тонким светом, вышел в священническом облачении недавний старик, которого по наивности Венька про себя обозначил как здешнего сторожа. Священник, слабо вызвенькивая цепочкой кадила, дымящегося сизыми клубами, и прервав напряженное ожидание, велегласно начал жидким баском заочное отпевание.

Скрипнула дверь, и на пороге появился настоящий, легко угаданный по одежке, сторож. Он снял с головы потрепанный картузик, прошел к канону, остановился — а Венька, обнаружив, что до сих пор стоит в кепке, порывисто рванул ее с головы. Стоять он остался отчужденно, в отдалении. Теплов мало что понимал из наблюдаемого им действия, однако сердце его растрогалось, радостно и

благодарно вздрогнуло от осознания того, что все то, что здесь и сейчас происходит — происходит ради его матери. Во всем им угадывалась искренняя и печальная торжественность. И хотя он, сколь ни пытался, не смог весь сосредоточиться во внимании — но затихла, затаилась его изнывавшая душа, и вдруг что-то шевельнулось в нем, выплыло чистое, давно напрочь позабытое, и робко прорывалось к нему из далекого далека, когда он с матерью ходил в церковь.

— «...земля и в землю отыдеси...» — вздрогнул от внезапно отчетливо услышанных слов. Напрягся всем телом, врезаясь внимательным слухом в суть поминальной службы — но, несмотря ни на старательное двуголосие из ровного женского и натреснутого мужского, ни на приглушенный распевный басок батюшки, ни на собственное усилие, его вновь, как в провал, втягивало в отчуждение.

Зыбкие тени от горевших ярко на каноне свечей жирными, вздрагивающими мазками ложились на размытые сизыми сумерками стены, и такими же размытыми, неоформившимися до конца были и его мысли, кои рассыпались, дробились тупыми осколками, вязли, как в болотине, в рыхлом месиве пустопорожья — а блуждающим, отстраненным взглядом вновь пялился в темные иконные лики да в изображенных на блеклых фресках. На одной из ближайших, сквозь колыхающееся остроконечье туманных всполохов, различил стоящего, как ему увиделось, в чашечке неведомого цветка сурового старца с нимбом вокруг головы: накрепко зацепился взглядом.

Святой внимательно и строго смотрел на него в упор, пронзая взглядом реально и ощутимо. Венька, внутренне сжавшись комочком, как пойманный за руку на месте преступления мелкий воришка, готов был провалиться сквозь землю, только лишь бы не видеть этих живых, пронизательных глаз. Отуманенный нахлынувшим, потаенным страхом, он, впрочем, сумел-таки спешно отвести свои глаза — и вернуться в настоящее, где тут же до него донеслось:

— Вечная память и Царство небесное новопреставленной рабе Божией Таисие, а вам всем доброго здравия во славу Божию... — Священник, закончив отпевание, низко поклонился в его сторону и неспешно ушел в алтарь.

Ароматный голубой дымок от кадила еще тонко клубился, когда, вскинув глаза на батюшку, задержавшегося на миг в Царских вратах, Теплов увидел — над Горним

местом, в полукружьи светлого простенка между окнами, парившего в прозрачном воздухе и благословляющего всех высоко поднятой рукой, Христа в широких белых одеждах... Потянулся по-детски трепетным взглядом, и пока-
янная осторожная мысль готова была вот-вот выплеснуться наружу... но плотно закрылись врата, шумно прошуршала закрываемая желтая завеса...

Венька выскочил на улицу.

В замешательстве и недоумении он замер на ступеньках паперти, не решаясь, что же делать ему дальше: сказать ли что благодарное, уйти ли незаметно, но следом вышла Мария Петровна и, протянув ему плотный сверток, сказала:

— Отец Анатолий благословил это передать для усопшей. Здесь покрывало, а в коробочке песочек. Серафима, наверно, уже у вас? Отдашь ей — она все, что полагается, сделает.

Он уже отходил от храма, когда в вышине сорвался с колокольни пробный тучный звук, вибрируя гулким эхом и будто бы проверяя на плотность воздух, и тут же упал свинцовой каплей вниз, а вскоре, выждав паузу, одиночными и дробными «бум... бум...» протяжно и заунывно загудел большой церковный колокол.

Давно утих, уgomонился смурной, безрадостный день. Закончилось и короткое вечернее затишье. Вовсю выхлестывал, завывая, остылую округу злобный слякотный ветер, и липла к окнам вязкая непогодная полночь. Венька, как и в прошлую ночь, устроился на ночлег в закутке, где издавна стоял деревянный лежак. Он долго не мог уснуть, маятно вглядываясь в заоконную темь и вылавливая редкие уличные звуки.

Вдруг, всколыхнув сонную, топкую муть, извне ворвался разрывающий душу крик заблудшей кошки. Крик, как всплеск, как натужный, истошный вопль насмерть перепуганного ребенка — и миг растворился... исчез... а в груди спеклось... Вздогнула следом и настороженная тишина: в доме что-то определенно произошло, сдвинулось. Он ясно почувствовал это, напрягшись невольно в ожидании, — и вот увидел, как, откинув ситцевый полог, отделявший закут от горницы, к нему неслышно, невесомой утицей проплыв по воздуху, подошла матушка... И не зыбким, пригрезившимся фантомом, а вполне реально склонилась над ним: он осязае-

мо почувствовал ее легкое, поглаживающее ласково прикосновение:

— Сынок... сыночек... как же ты теперь?

Оробел — но ни испуга, ни жути не испытал, а лишь, как в детстве, потянулся ответно доверчивым сердцем и прошептал:

— Мама... мамочка...

Проваливаясь окончательно в глухое, сонное забытие, он успел-таки заметить, что колыхнулся в темноте расплывчатый контур знакомой фигурки — и растаял...

С утра прояснилось. Высветился день. Настоялся терпкой свежестью и замер в ожидании.

Венька сидел у гроба, понуро ссутулившись. Время от времени он вскидывал голову и бросал быстрый взгляд на мать. Его не покидало, появившееся с ночи чувство детской беспомощности и растерянности.

В небольшой горнице толпились. Люди входили и выходили. Шептались вполголоса скорбно, сокрушались, что-то ободряюще говорили Теплову, а он от чрезмерно обостренного внимания к нему, от искреннего людского тепла и сострадания стушевался, верно понимая, что все это получает не по своим заслугам, а лишь благодаря матери.

Вдруг кто-то, выглянув в окно, неестественно громко сказал:

— Вот и дроги подкатали!..

Он вздрогнул от услышанного и тоже сунулся любопытно в окно, в которое увидел разворачивающуюся у крыльца колхозную машину с траурной, похожей на транспарант, черно-кумачовой меткой по широкому борту.

В доме засуетились...

Подняли для выноса открытый гроб, а Глафира, с утра затихшая и внезапно ужавшаяся, ровно ссохшийся плод, выскочила через порог вперед: на нее разом в несколько испуганных голосов суеверно зашикали, вернули назад. Их обоих усадили на табуреты, на которых только что стоял гроб. Глафира, вся в черном, сгорбившись, нахохлилась вспугнутой галкой, и поглядывая исподлобья сторожко на внука. Посидели еще с минуту. Разом подхватились. Вышли на крыльцо.

И первое, что бросилось в глаза, изумило. Гроб, который готовились поднять в кузов машины, пронесли высоко над столпившимися — и ярким царственным золо-

том пылало в унылой серости осеннего дня глазетовое покрывало, лежавшее поверх усопшей.

Перед посадкой в машину Полина, неожиданно выловив Теплова за рукав, прошептала ему:

— Ты, Вень, бабку-то свою Глашку пожалей!.. Вижу, что навроде как сторонисься ее. Не надо бы!.. Она с зимы неотлучно при Таисье... Если б не она, — туго бы твоей мамке совсем пришлось... Одна она, как перст, осталась, а мать твоя ей все давно простила... И тебя, Веня, просила, чтоб ты тоже не держал на нее зла.

Последнее прощание было у открытой могилы. Венька, испугавшись своих близких слез, быстро-быстро припал сухими губами к холодной твердой щеке матери и отскочил в сторону. Следом подошла к гробу Глафира. Она тонкой жилистой рукой перекрестилась и вдруг прилюдно взвыла в голос, раздирая пространство причитаниями:

— Ты прости... прости меня... прости злыдню старую!.. И не оставь меня, Таичка!.. не оставь!.. Забери, голубушка моя... забери с собой!..

Надломившись в низком поклоне до земли и не сумев выпрямиться, она сунулась ничком в осеннюю стылую хлябь. Вмиг подскочив, Венька подхватил на руки маленькую и обессиленную старуху, вздрагивающую от безысходных слез щуплым тельцем.

Краем глаза успел заметить, как люди нестройной цепочкой потянулись ко гробу: некоторые неловко крестились, кто-то склонялся до покойницы для прощального поцелуя. Впрочем, цепочка наконец оборвалась, и вот уже подняли кумачовую крышку, чтобы накрыть гроб — а сердце ойкнуло, как бы предчувствуя некую незавершенность. И тут из-за спин вынырнула Серафима. Она старательно и осторожно, что-то шепча молитвенно, рассыпала крестом поверх усопшей сухой песочек, доставленный накануне им из храма.

Слышать стук вбиваемых в крышку гроба гвоздей ему было невыносимо. Он внутренне весь напрягся, прижимая к себе Глафиру, словно пытаясь укрыться ею, как щитом, да и она сама испуганно жалась к внуку.

В низком, набрякшем тяжелыми облаками небе парил белый голубь.

Теплов давно заметил его, но птица, низко кружа над окрестностью, близко не подлетала. Когда же окончательно оформился могильный холмик и поставили деревянный высокий крест, приладив к нему большой венок из

крупных искусственных цветов с широкой траурной лентой, — голубь подлетел ближе и, описав малый круг, уселся на вершинке креста.

— Ой, смотрите: голубка! А белая-то какая! И откуда только? — с удивлением воскликнул кто-то рядом.

Люди молчаливой вереницей уходили от могилы. Теплоу, замыкая нестройную цепь, часто оглядывался и всякий раз видел белоснежный комочек на кресте.

Когда скорбным гуртом покидали кладбищенскую ограду, — сыпанул мелким бусом дождь...

II

Десятины отметили тихо.

С утра, только-только успели раствориться поздние сумерки в серости нового дня, они вдвоем с Глафирой отправились на кладбище, где, неожиданно для Теплоу, у свежей могилки их поджидала Серафима. Рядом с ней — чему удивился еще больше — стояла Мария Петровна. После коротких приветственных кивков, приладив у креста иконку и затеплив золотистые свечи, Мария Петровна сразу начала уверенным голосом:

— Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!

— Ами-и-инь... — Серафима стройно подтянула; слабеньким голоском попыталась вклинить в согласованный лад и Глафира. Под боком, ударяясь слабо раздражающим звуком в хрупкое стекло застывшей округи, слезно всхлипывала Глафира и шепотком все что-то приговаривала, а у него реально и осязаемо — ни чувств, ни мыслей...

Вскоре, распрощавшись, Серафима и Мария Петровна быстро ушли. Внук с бабушкой еще какое-то время потоптались у вздыбившегося влажным суглинком холмика.

— Прости, Таисьюшка, нас, грешных... И помолись там, голубушка, за нас... А мы пойдем потихохоньку... — Глафира, широко перекрестившись, низко поклонилась до земли.

Покидая кладбище, Веня вдруг вспомнил про бабушку Феню и, ничего не говоря спутнице, неожиданно свернул в глубь погоста. Могилку с потемневшим крестом и кустисто разросшейся сиренью он нашел легко. Осевший плоский бугорок густо щетинился сухим почерневшим травостоем, и Глафира, не отстававшая от внука, ровно оправдываясь сама, проговорила:

— Очень уж Тая переживала, что за весну-лето ни разу не сумела у матери побывать... Рядом, а, вишь, дойти сил-ов-от не хватало... И у меня руки все че-то никак не доходили прибрать... почистить...

На исходе короткого дня они пришли в Троицкое.

В большом доме было гулко и стыло.

Глафира сунулась протопить печь, но ни сухой лучины на растопку, ни самих полешек у нее не оказалось, лишь усеченным, распластанным терриконом лежали на поляне перед домом давно, видимо, распиленные, успевшие густо посереть чурбаки. Растерявшаяся старуха суетливо собралась было помахать топором, но Венька, увидев через окно ее хилую попытку, выскочил, как был в одной рубахе, во двор.

Свечерело. Длинные тени, вяло отзмеившись, исчезли в плотном, вязком черноземе ночи, укрывшей остывшую землю, а он все продолжал, играючи, махать тяжелым колуном.

Глафира, давно раскочегарив русскую печь и жарко протопив ее, не раз выбегала к внуку и пыталась окоротить его пыл. Разгоревшийся от азартной ритмичной работы и истомно-усталый, наконец он вошел в избу, где сразу же, как только переступил порог ярко освещенной горницы, глаза в глаза столкнулся взглядом с отцом, смотревшим на него с давнишнего портрета: невольно вздрогнул. Ошеломленно и пристально смотрел Венька на старое фото: в нем вновь вспыхнуло прежнее, пережитое в детстве, и, как оказалось, совсем не забытое, горькое чувство оставленности и острой ревнивой обиды.

Глафира, испытующе перехватив его напряженный взгляд, глубоко вздохнула и поспешила пригласить внука за старательно накрытый стол:

— Садись, Венечка!.. Побудь, ино, и у меня гостем желанным.

Она приглашала его, и он радостно отозвался на настойчивый зов, однако снова замешкался, зацепившись взглядом: на высоком комод, одиноко прислоненной к цветочной, темно-красного стекла, пузатенькой вазочке, маячила фотокарточка, с которой на него в упор смотрел удивительно красивый человек в белом морском кителе. Четкостью и рельефностью изображения черно-белое плотное фото было похоже на вырезанную из журнала глянцево-матовую иллюстрацию.

— У меня вот и настоечка припасена — на рябинке,

позапрошлого году ишо. Оно, конечно, не положено вином-то упокойников поминать, да, думаю, Господь Бог простит нас, грешных... Мы ить по чуть-чуть... — И, подняв граненный, на ребристой ножке, узкий лафетничек с искристой оранжевой каплей на донышке, она дребезжащим сухим голоском протянула: — Во блаженном успении вечный покой подаждь новопреставленной Таисие, Господи!..

Не чокаясь, они выпили. Глафира, щеки которой то-чечно зарделись кукольным румянцем, глазами, ярко пылавшими нежной лаской, влюбленно смотрела на него.

— Давай-ка, внучек, мы с тобой ишо и за всю нашу-скую с тобой родню пригубим... Помянем всех, Царство им Небесное! — предложила она неожиданно, а когда они, вновь не чокаясь, выпили во второй раз, тихо добавила: — Тебе, Веня, дедов да бабок стыдиться нечего... Все оне прожили с честью... без позору перед людьми... достойно... со страхом Божиим в душе... На чужое добро не зарились... Все работники были... Прадед твой Савелий Спиридоныч, а за им и тятя мой, Иван Савелич, старостами в церкви все были... В тутошней церкви, в Троицкой... Завсегда пожертвований много делали... Помню: на икону Казанской Божией Матери оклад оне привезли... Ох и красив же был! Из чистого ить серебра! И колокол, который самый большой был, тоже дед заказывал... Это я ишо совсем девчонкой была, а вот и сичас перед глазами стоит, как его привезли... Лошадей хорошо помню: огромные такие, мощные, на толстых, как сваи, ножищах... — Она вздохнула тяжело: — И кто подумать мог, что так-то вдруг все в жизни перевернется?.. — Вновь тяжкий вздох-выдох: — Ноне-то все загажено... все порушено... Кирпичи, вона, и те из стен выламывают...

Она подняла печальные глаза на Веньку, а тот, раскашлявшись вдруг от смущения, чуть было не поперхнулся. Привстав, старуха дотянулась до него и ударила по вздрагивающей холке легонько:

— Полегчало? — полюбопытствовала участливо, и, выждав немного, спросила: — Може, че ишо на стол добавить?

В ответ он категорично замахал рукой, быстро успокоился, а Глафира, опять выдержав паузу, строгим голосом неожиданно доложила:

— Ты, Вениамин, дому энтому единственный хозяин будешь... — Теплов вскинулся удивленным взглядом на

нее, и та пояснила: — Я давно его на тебя отписала... Оно, конечно, не энтот дом нам с тобой родовым будет... Да че уж об том?.. — Глаза ее влажно помутнели. — Матвей Григорич, Царство ему Небесное, — спаситель мой: кабы не он, сгинула б я незнамо где, как и вся моя родня сгинула... Дед-то он тебе неродной будет...

Глафира встала из-за стола. Подошла к комоду, посто-
яла около в молчании и вскоре вернулась, бережно неся в
мелко дрожащей руке фотографию, которую Венька оп-
ределил для себя как журнальную иллюстрацию.

— Вот он — кровный твой дед будет... — Комом в горле
встал кусок: есть больше не хотелось.

Расстерянным блуждающим взором, как бы выискивая
в ком-то или чем-то скорой поддержки, он устоялся в
угол, где, затаившись, кучковалась до срока серая мглис-
тая сутемь. Неожиданно, плавно качнувшись, навстречу
выдвинулась длинная зыбкая тень, и, оформившись пло-
тью, тут же обрела знакомые очертания. Увиделся дед
Матвей четко и реально. Сутуло ужавшись, привычно
пристроился он на приступочке у печи, где тихо сидел,
потягивая душную и дымную цыгарку из самосада, — и
был такой близкий, такой родной в своих стареньких,
обвислых на задку и коленях, брючатках и клетчатой ру-
башке из темной фланельки: вот-вот протянет ему руку и
погладит по вихрастой детской головке... Его появлению
Венька искренне обрадовался, и, облегченно выдохнув,
готов был и сам броситься к тому, но старик, напустив
дыму, как из печной трубы, отгородился густым сизым
облаком и, успев лишь согласно кивнуть головой, одно-
значно поддакивая жене, быстро исчез в рыхлом мареве.

Пристально и строго продолжал смотреть на Теплова в
упор тот — невозможно красивый человек в белом ките-
ле. Невольно Венька стушевался — поспешил отвернуть-
ся, но, подхлестываемое простым любопытством, колкое
желание пристальнее разглядеть незнакомца пересилило,
и он вновь стал осторожно поглядывать на него.

Между тем Глафира подошла к сундуку, обитому туск-
лыми железными лентами:

— В энтот вот ящике и пролежала, упрятанная с глаз
долой, вся моя прежняя жизнь... — Подняв массивную
крышку и порывшись в сундучном чреве, она вытянула
сверток, глухо обмотанный пожелтевшей серо от време-
ни ситцевой тряпицей. Вернувшись к столу, который ус-
пела чисто прибрать, старуха суетливо развернула извле-

— ченное: здесь, плотно спрессованные, небольшой стопкой лежали фотографии: — Я их и сама, признаюсь, ой как давнехонько не смотрела... А че душу-то лишний раз бередить?.. — Голос ее остыл, затаился. Как бы пересчитывая для проверки и не разглядывая даже бегло, она нервно перебрала прямыми пальцами старые снимки. Глафира, глубоко выдохнув, тихо начала:

— Только энто и осталось на память от нашей большой родни... Вот тятя мой — Иван Савелич... — Глафира протянула ему плотное, потемневшее до цвета глухой охры фото, на котором в прямых папах и длинных шинелях стояли двое солдат. Невольно заинтересовавшись формой, Теплов, взяв в руки, внимательно стал разглядывать снимок, а старуха поспешила пояснить, указав пальцем на человека пониже ростом: — Вот он, а рядом Спиридон — тоже наш деревенский. Энто оне перед самой отправкой на войну — на Перву Империлистическу... Тятя по осени призвался, одну-две весточки токо от него дождались и — пропал. Думали: сгинул, а он два года в плену пробыл у австрияков...

Одну за другой протягивала Глафира ему старые фотокарточки, и он с неподдельным интересом стал рассматривать их, отстраненно удивляясь тому, что эти люди могут быть близки ему. Теплову казалось, что он просто перебирает разрозненные листы рассыпавшегося учебника истории, ибо столь далеки и непривычны были те люди, причем та странность и отчужденность воспринимались не только из-за одежды, а скорее поразительны были сами их лица: строгие, внимательные, серьезные и — красивые.

Это были лица людей до того, как... — осекся, не сумев до конца продолжить свою неожиданную догадку, упершуюся в это «как», пульсирующее ровно кровавая черта пограничья, обозначившего гигантский излом. Ему вдруг так нестерпимо, так осязаемо остро захотелось заглянуть за тот временной окаем, словно нечто сдвинулось в нем самом, всколыхнулось доселе нетронутое и непотревоженное: ясно увиделось, как незримо раздвинулось дальнейшее пространство, вытянулось обратной перспективой, — и он, вперившись напряженным взглядом, обнаружил четкую, протянутую до него торную, связующую дорогу.

— Сколько ж тебе было? — Теплов искренне удивился, что старуха упоминает в своем рассказе как бы запредельные, разве что существующие лишь в учебниках по истории, факты, и, чтобы как-то связать миг прошлый и

миг нынешний, невольно попытался угадать в исчезающих из виду фантомных фигурах силуэт той, которая могла бы быть прежней Глафирой — незнакомой и молодой.

— Мне-то?! Счет простой. Я перед самым Крещеньем родилась, так вот с веком вровень и иду, не отстаю: шаг в шаг... Я и *ту* жизнь успела ишо захватить... — Она подняла выцветшие, короткой искрой блеснувшие глаза и пылливо взглянула на внука. — Многое пришлось пережить... и многих... Вот и к своему краешку подбираюсь, а, все одно, ровно вчера то было: перед глазами, как есть, прошлая жизнь стоит... — Вздохнула глубоко. — Дед Савелий, Царство ему Небесное, своим отрубом жил. Как указ столыпинский объявили, мало по округе смельчаков нашлось, — а он рыскнул и всей семьей вышел из обчины. Место тако-то — Савина Релка — помнишь ли? Так вот вся та сторона с лугами и лесом нашинская... Я совсем девчушкой была, а помню хорошо, как просеку рубили да чистили, как пустошь поднимали, как на речке мельницу ставили. И все своими руками! Помочь редко созывали. Семья была вся работающая. Жили дружно, справно... — умолкла, но, переждав обморочную паузу, живо продолжила: — А медведей-то, медведей в лесу было — страх! Скоко раз мы, робятишки, с има сталкивались! Раз, помню, ягоду беру, а на солнышке по вершинкам кустов че-то свырк да свырк, свырк да свырк — так искорками и блестит, лучиками и играют. Мне любопытно стало — смотрю, глаз оторвать не могу: красиво! Я на бревнышко-то и привстала, тянусь повыше, чтоб получше разглядеть, а оно возьми подо мной и хрясни: сухое было. Я только ойкнула, а Петька, братишка мой старшой, как оглашенный, тут-то и заори: «Медведяка вона!» Косолапый и сам испужался — а оне, известно, резкого крику очень боятся. Медведко на четвереньки и — деру! Он в одну сторону чешет: токо шум-треск по лесу стоит, а мы в обратну, с воем, наперегонки летим. До своих прибегли: запыхались, трясемся, дрожим... Мужики сразу следом бросились, да где уж там: разве догонишь? Одно токо высмотрели, что вся дальняя сторона малинника шибко повытоптана. Он, сластена, рядышком с нами порядочно столовался. Мы друг дружке не мешали: он — тихо и мы — тихо. А на солнышке, верно, коготки посвыркивали — это медведь ягоду лапой стриг...

Усталый бесцветный голос ее согрелся, мягко задрожал, а его взволнованное сердце гулко и непривычно тре-

петало: сквозь непроглядные тени времен и событий пробивалась до него чужая жизнь, да и сама Глафира увиделась им вдруг внове. Он снова и снова бережно перебирал старые фотографии, оробело всматриваясь в далекие лица, все острее и острее ощущая свою связанность с ними.

— Потом все разом и обрушилось... — Голос ее и сам обрушился в серую сутемь, одеревенел: — Тятя, кады из плену вернулся, поднял было опеть хозяйство. При нэпе вроде как поуспокоилась жизнь... Дом новый сумел поставить — токо вот пожить в ем никому не довелось...

Пасьянсом разложил на столе старые фотографии. Пробежал в который раз быстрым взглядом. Вытянул одно:

— А это кто будет?

— Энтот? — Глафира перехватила фото. Вгляделась подслеповато: — Так Петро и есть. Здеся вот, — старуха взяла со стола еще один снимок, — оне всей семьей снялись: он, жена Вера, робятишки ихние. Вот девочки Шурочка и Катюшка — погодочки были. Ванятка — самый старшой, а энто Колюнька — младшенький, крестник мой... Петро в восемнадцатом годе женился: как раз тятя домой из плену вернулся. Зимой он в Воткинск подался — и пропал: ни слуху ни духу. И объявился аж по весне двадцать второго, да не один — с чужим человеком... Веньямином звали... — Она негнушима пальцем смахнула с дряблой щеки крупную одиночную слезу: — Веньямином Александровичем... До сих пор стоит перед глазами, как оне под вечер к избе подходили. Тепло уж стояло. Я у крыльца возилась — и вижу: идут двое. Сердечко мое так и обмерло, кады я его впервые увидала... Встрепенулось бедное, как пташечка подстреленная, и забилося...

Она мутными, влажными глазами уставилась в заоконную, пробивающую с улицы темь, ровно высматривая в жирном черноземе осенней ночи нечто только ей одной ведомое и видимое; и сквозь старческую тоскливую муть прорывался взгляд иной — острый, напряженно сияющий. Теплому почудилось, что и он, перехватив тот выскользнувший из глубин, затяжной взгляд, ясно и отчетливо видит, как по дороге, залитой сиреневым светом низкого, предзакатного солнца, идут двое мужчин — рослых, красивых... усталых...

— Не слышал ли кады про капелевцев? — вскинувшись сторожко, Глафира неожиданно спросила у внука.

— Не припомню что-то... — И он, застигнутый врасплох,

недоуменно пожал плечами, но память, всколыхнувшись преданно, успела подсказать: — Чапай не с ними ли воевал? В кино, кажись, когда он через Урал плывет, эти самые каппелевцы и стреляют ему вдогон.

— Про кино не знаю, а про Чапая у нас, вона, Гришатка Ерохин много че знат: до сих пор по школам разъезжат со своей брехней, как он при ем чуть ли не главным посыльным служил... Може он кады и видал Чапая где со стороны, да и то сумлеваюсь... Кады ж людей в колхозы гнать стали, тады-то он и вылез на свет... И до сих пор все в активистах ходит... жополиз... — Высказавшись раздраженно, она вновь притихла на миг-другой и вдруг заносчиво произнесла: — А оне с Петром там служили!

— Где?

— При том енерале Капеле.

— Так они, что же, с беляками заодно были?!

— А тебе, никак, не ндравится? — Старуха даже пристала, нахохлилась: — Уж не стыдно ли тебе? Или страшно стало?

— Да нет... Зачем же страшно? — Венька откровенно опешил. — И совсем не стыдно... Просто спросил вот... Странно как-то все...

— А мне — не стыдно! Мне, може, завсегда стыдно было жить! Я вот живу — а оне? Скоко народу полегло... скоко сгинуло... Кто считал? Ты токо по энтим вот фоткам людей посчитай: где оне? Баешь: странно все как-то... Друго странно: как ишо Господь нас, зверей, терпит?.. — Она жалобно всхлипнула.

Опешивший и растерявшийся окончательно, Теплов не знал ни что сказать, ни что сделать. Затаившись в своем неведении, он робко замер, а старуха, сглатывая тяжелые слезы, подавленно вымолвила:

— Оно, конечно, откудова вам че знать... Мне Веньямин, Царство ему Небесное, — она перекрестилась поспешно, — много че рассказывал: и про Капеля, и про других, кто с им рядом воевал... У их душа шибко болела... Да и как ей было не болеть: видели, чай, че надвигатся... не слепые... Все больше охфицеры были... царские... И у его в роду все военные были: и дед, и отец, и дядья с братьями. Все на флоте служили. Он и сам из флотских... — Вновь зацепившись долгим взглядом за нечто, ей одной открывшееся в заоконной черноте, она утихла, но через паузу продолжила: — Ну, пришли оне

тады... стали жить... Петро ишо и с раненьем был. Долго его та рана мучила... Таиться, конечно, — не таились, но и на люди шибко не совались. Хорошо, что на отшибе мы жили, наособицу...

Венька давно заметил, что один из старых снимков Глафира, не показывая ему, бережно держала у груди — а тут протянула:

— Энто мы с им зимой фоткались... Тятя в Перемь на базар наладился ехать, а я, ни жить ни быть, зауросила: хочу да хочу... Упросила...

Теплов с нескрываемым интересом смотрел на фото, с которого ему улыбалась красивая молодая женщина. — Неужели Глафира? — Она смотрела на него широко открытыми глазами, лучившимися искренним счастьем и детской радостью. Женщина держалась с изящным достоинством, с гордостью демонстрируя перед фотообъективом горкой топорщившийся округлый животик. Женщина стояла, а рядом на резном стуле прямо сидел мужчина, правильными чертами лица отдаленно напоминая того человека в белоснежном морском кителе. Однако трудно узнаваемый, заметно поседевший и уставший человек, в острых глазах которого стояли печаль и напряжение, не выглядел окончательно потерянным и неуверенным в себе.

— У его раньше жена была... — Глафира начала очень тихо, то ли стыдась чего, то ли оправдываясь. — От сыпняка в Ленинграде, — то бишь, по-тогдашнему, Петрограде, — померла. Следом сынишка ушел. Веньямину тиф-то тады даже и помог: если б он в горячке не валялся, ему бы живу не быть: охфицеров-то каку гибель поубивали... Была у их ишо и девочка — старшенькая, да токо как в воду канула... А мы ить с им чин-по-чину жили. В самом начале сентября обвенчались. Успеньев пост кончился — тятя батюшку привез. Нашу церкву тады ишо не тронули... Свадьбу, конечно, большу не играли, а так, по-свойски, семейно посидели... Пожить вот токо не пришлось... Тем самым днем, как фоткались, его и не стало... — Сглатывая перехватившие вязкое дыхание мгновенные слезы, Глафира утихла. Почернело сохлое лицо. Дрожащей рукой потянулась старуха к фотографии: ткнулась невидящими, влажными глазами: — И че меня, лихоманку, поволокло в ту Перемь?.. Че и выторговала я себе на той ярманке?.. — Она вновь бережно положила фото на стол перед внуком. — Мы как раз по

базару бродили... Он, верно, че-то заметил и тихохонько так шепчет мне, чтоб я поотстала, а сам споро-споро так вперед выдвинулся и широко, спешно зашагал... Успел токо приказать, чтоб к саням шла... Он-то быстро уходит, а я, упрямая, все за им держусь... и вижу вдруг, что какой-то мужик на его армейцам пальцем тычет... Те следом кинулись, а гад-то ишо и кричать давай: «Стой!... стой!...» — и фамилию его выкрикиват. Может быть, шаг-другой и сумел бы Веньямин среди людей скрыться, а те принялись стрелять... Народ врассыпную. Шум поднялся, визг, гам... У меня в глазах заребезило, а засим и вовсе потемнело. Все бегут мимо, визжат, а я токо одно вижу: вроде как споткнулся мой дорогой Веньямин и валится лицом вперед... валится, а я помочь не могу... Как каку собачонку, прямо в спину и подстрелили... Упал он ничком — я к ему, а тятя за рукав меня тянет, держит — не пускает... Силой отвел, уложил в розвальни, а меня бьет-колотит, как в ознобе каком: укрыл тулупом с головой, а сам побег назад... Веньямина уже утащить успели. Рядом с базаром и мертвецкая имелась... Тятя сунулся с распросами — так его самого чуть было в кутузку не уволокли: ели ноги унес... Домой неслись галопом, а февраль стоял: дороги все кривые, ухабистые. Сани из стороны в стороны заносит, бросат, а тятя лошадь не жалеет — токо погонят, токо погонят, а та, бедная, хрыпит, из сил выбивается, но ташит, волокет. Чуть было не загнал Карька до смерти... Тятя ж и за Петра шибко переживал — но миновало: никто за им не объявился... — Она вздохнула вновь глубоко, вновь тяжко: — Растрясло меня дорогой всю: я через день-другой Феденькой и разродилась... Махонький такой вылутился, шестимесячный всего... Не надеялись, что и выживет: его окрестили сразу — а он у нас возьми и оклемайся. Мы его все на печи в шапке-ушанке держали. И молоко у меня сразу пришло. Выходили мальчика. К году он, слава Богу, окреп, а летом ножками побежал. Попервости все хорошо было, а попозжей стали замечать — он ножку одну все вроде как подтягиват, все ровно подгибат... И че токо не делали, к кому токо не возили... Тут и вовсе сохнуть начала... Стал прихрамывать наш мальчик, а какой красавец рос! Статный!.. Фигурой весь в отца... личиком белый... — Прищулив глаза, вскинулась быстрым взглядом на фото сына. — Когда вырос, ему, само собой, по хромоте армия не грозила. Тут война нача-

лась: вся его ровня один за одним на фронт поуходили, а он куды токо не совался, чтоб и его взяли. Придет, бывалоча, домой из раену, бухнется на постелю, лицом к стенке отвернется и лежит так час-другой. Чую: не спит, а с расспросами не лезу. Наконец то-нито пробился до какого-то начальника...

— Он, что, воевал? — перебив, искренне, с легким странным волнением любопытствовал Теплов и бросил осторожный взгляд на портрет отца, впервые испытывая некоторую неловкость перед ним за свою прежнюю обиду.

— Ну, на фронт его, конечно, не отправили, а стал он матросиком на буксире плавать. По Каме и Волге баржи тягали. Как-то проговорился, что и оне под бомбежки, случалось, попадали... — Она глубоко выдохнула и добавила с нескрываемым сожалением: — Може, и зря я ему ни про отца, ни про Веняминову знатную родню ничего не открыла? — Замолчала. Снова что-то выловила пронзительным взглядом в законной мгле и вдруг огорошила внука: — Я ить, грешная, на твою-то мамку че взъелась? А пошто тебя Венямином назвали? Конечно, и ревнованье было, но и меня понять можно: энто имя мне дороже дорогого было... Ишо и обида сильная была на всю вашинскую родню. Дед твой, Ефимка, ить первым заводилой был среди тех горлопанов-завистников, которы мово тятю с семьей выселяли...

От всех неожиданных признаний и рассказов, услышанных за длинный вечер, впору было закружиться голове, а Глафира, тихо всхлипнув, опять сделала крутой вираж:

— С Матвеем мы, случалось, по молодости и переглядывались... Он парень видный был, но завсегда тихий, скромный. Подался он в город да и пропал на годы, а тут, как раз колхозы сбивать стали, и объявился. Помню: сразу к тятю пришел. Долгонько оне, да ишо Петро с има, все шушукались. Подзывает, наконец, тятя меня и сказыват: вот, мол, Глашка, тебе Матвей Егорыч мужем будет. Я глянула на его в упор: чужой, незнакомый вовсе мужик сидит — страшно стало!.. Я на дыбы: нет и нет!.. не невольте!.. у меня, мол, одна радость — Феденька мой!.. Тятя и слушать не слушает — одно твердит: вот ради сына и пойдешь за Матвеем... И тем же днем мы уехали. Петро свез до станции, а через день мы до Краснокамска добрались. Тама бумкомбинат строился. Матвей плот-

ником робить подрядился, а я — где придется. Выделили нам угол в бараке. Так за занавеской и прожили. И какому токо люду я не насмотрелась: и спецпереселенцев разных, и лишенцев, и вольных горемык, и перекасти-поле всяких... А уж драк-то... драк каких токо не повидала... Матвей меня не обижал... разу пальцем не тронул... жалел... Мы ж с им по-настоящему, как муж с женой, жить стали не сразу: тяжело мне было к ему привыкать... Перед Финской, как ему уходить, он свез нас к своему отцу назад в деревню. Я на сносях была. Одного робеночка мы уже потеряли. Диночка наша и трех месяцев не прожила — простыла: в бараке-то во все щели дуло-продувало... Токо ить не сумела я и новорожденное дите сберечь. Шибко роды тяжелые были... Рожала дома — одна... Девочка в пуповине запуталась, а я и сделать ничего не могу... Так она ни разу и вскрикнуть не вскрикнула... — Глафира утихла, вновь затаилась в своих скорбных воспоминаниях.

Старуха встала, протасила через комнату до кровати, старательно взбила подушки и, приготовив постель, позвала внука:

— Ложись-ка давай... а то замучила я тебя своими сказками... — И вдруг неожиданно добавила: — Перед самой своей кончиной Матвей открылся мне, что оне с Петром, сговорившись, вместе у того енерала Капеля служили и что Веньямин у их за командира был...

Совершенно сбитый с привычной колеи и многого так и не понявший до конца, Теплов, невольно сопротивляясь новому, подпирающему словно поллой водой плотину, знанию, старался не давать услышанному за долгий вечер никаких оценок, но сейчас, мысленно пробегая Глафирин рассказ и запоздало зацепившись за упоминание о деде Ефиме, осторожно спросил:

— Твоих, что, раскулачивали? — И нечто враждебно-киношное невольно нарисовалось потревоженным воображением. Обозначились перед глазами и бородатые, смурного вида, мужики в поддевках с черными взъерошенными бородами, с узким прищуром злобных глаз и кривой ухмылкой на плоском широком лице, а следом стремительной чередой замельтешили картинки с изображением дергающихся пьяненьких и визгливых белогвардейцев, ненависть и презрение к которым чувством с детства было знакомым и единственным.

Глафира не ответила. Она молча сновала по горнице.

Фотографии вновь стопкой бережно убрала на прежнее место — в старый сундук, и, выждав, когда внук уляжется, выключила свет. Слышно стало, как она, присев на край своего лежака и прошептав длинной скороговоркой что-то ритмично-мелодичное, старчески грузно за-сутилась на постели, устраивая поудобнее свое немощное тело. Потом все стихло, обморочно затаилось — и вдруг:

— Мы с Матвеем до того успели уехать, как к им ночью-то и нагрянули!..— Венька от неожиданности вздрогнул. — Я долго про то несчастье не знала. Матвей все боялся мне сказывать, а ему тятя его, Егор Савыч, обо всем отписал... Я ж, шшытай, с месяц ниче и ведать не ведала. Токо все сердце болит... все ноит... И все-то сны плохие вижу: один хуже другого. Силы моих не стало терпеть — я и засобиралась проведать своих. Тут-то Матвей все мне и открыл... Слегла я: лушше, думаю, вовсе не жить, чем така-то погибельна жизнь. Белый-то свет, Венечка, давно слухом полнился, что люди цельными семьями как сквозь землю пропадали... Нагрянули к им с ружьями, как на охоту каку, оравишшей. Полно было чужих, но и свои толкались... И всех их, бедных, как дрова, в телегу погрузили: ни робятишков, ни стариков не пошадил... Дело-то к зиме шло, а има даже теплой одежи взять с собой не дали... Куды отправили? куды свезли? — ни слуху ни духу... Ох и тяжко ж мне было, как в деревню вернулись. Иду по улице, а сама под собой ног не чую. Глаза к долу держу, чтоб ниче и никого не видеть. А какой разор всему нашему хозяйству устроили! Все порасташшыли... А че расташыть не сумели — просто порушили... А че и жалеть, коли задарма досталось!.. В дому люди пришлые обосновались... Сердце ото всего в груди рыбой-белугой билось-колотилось. Приду, бывалоча, в избу с улицы, зароюсь в подушки глубоко, чтоб никто, не приведи Господи, не увидел да не услышал — и взвою. Навоюсь до хрипоты, а на люди выйду, — стараюсь и виду не показать, что жить тошно... А как Матвей с Финской вернулся, наладились мы было снова в Краснокамск уехать. Матвей кой с кем списаться успел — а тут опеть время войне приспело быть. Его опеть одного из первых призвали. Так от звонка до звонка и протрубил.

Разрывая ночную мглу, сбитую в вязкий ком глухими стенами жилища, упавший старческий голос явно искал

опоры, а Теплов, напряженно вылавливая каждое ее слово, сознался, наконец, себе, что потайная боль, гнездившаяся скрытно, сама собой проклюнулась наружу и гнала, невидимую в ночи, но реально им самим осязаемую, тихую слезу.

— Матвею привел Господь Бог ишо раз с Петром свидеться, — звучал в темноте дребезжащий голос. — Кады их на фронт везли, под Горьким оне под бомбежку попали. Ихний эшелон успели остановить, а ишо один эшелон немец разбомбил полностью. Вот их — живых-то — и срядили убитых да ранетых прибрать... Среди тех-то убитых Матвей Петра и признал. Худюший, — сказывал, — кости да кожа и весь, как лунь, седой... А по одеже — арестант арестантом... — Слеза, соленым слабым потоком пробившаяся вдруг, продолжала неудержимо течь и течь по щетинистой щеке. — Вот и выходит, Венечка, что мы с тобой нонче одне токо и остались...

Утро следующего дня выдалось тихим и погожим.

Глафира, собирая внука в обратный путь, объявила, что проводит его «до раену».

— И не спорь! — категорично поспешила предупредить.

Теплов не спорил. Ему и самому не спешилось расставаться с Глафирой, и он невольно оттягивал свой скорый, вынужденный шаг за порог, — хотя тех чувств — тайных, волнующих сердце — до конца еще не разгадал. В который уже раз пробегал он быстрым взглядом покидаемое жилище, пытаясь словно не упустить из внимания и непременно запечатлеть на долгую память нечто единственное и важное. Вот вновь зацепился выразительным взглядом за фото красивого человека в белом кителе: деда, — с гордостью подсказал себе, — а перед тем мысленно попрощался с отцом, порывисто вскинувшись на портрет того.

Глафира, чутко улавливающая каждое его движение, не упустила из виду тех его взглядов. Она задержалась у комода в растеряной задумчивости, потянулась было к фото мелко дрожащей рукой, но резко отдернула ее.

— Нет!.. пушай покуда ишо постоит... — испуганно приказала себе и решительным полусшепотком добавила: — Все одно к тебе перейдет... — А когда уже цепляла ушастый замок на тесовую дверь, извинительно попыталась

себя оправдать: — Я, ить, ту карточку сташыла... Из журнала «Огонек» она будет. В клубе как-то листаю ево и вдруг вижу — мой Веньямин! Молодой!.. красивой!.. Я и выдрала ее тайком...

До районного городка они добрались быстро: на удачу им от сельсовета отъезжала попутка.

Рейсовый автобус до Перми стоял уже на посадку, когда они подъехали к автостанции. Венька сбегал в кассу за билетом, впрыгнул в салон, где бросил на пустое сиденье свою набитую сытной снедью поклажу и, выскочив к Глафире, участливо спросил:

— Как теперь до дому-то доберешься?

— Не переживай! Доберусь — не впервой! — Маленькая и согбенная она, не замечая своих разметанных седеньких волосенок и не поправляя сползшего с головы платка, хохлилась вспугнутым воробышком и вызывающе хорохорилась: — Зачем, ино, из автобусу-то вышел?

— Не бойсь! Без меня не отчальят! — поспешил успокоить.

— Кто знат! Всяко бывает... лучше иди-ка садись... — прогоняла настойчиво его старуха, с опаской озираясь на пузатенький красный автобусик, угарно пыхнувший сизоголубым облачком густого дыма.

Теплов склонился над ней: ткнулся носом в обнаженную седенькую головку и, звучно чмокнув на прощанье во влажную дряблую щечку, вскочил на ступеньку. Тут же следом скрипуче захлопнулась дверь, а Глафира, вскрикнув вдруг заполошно:

— Венечка! — требовательно заколотила рукой в дверь.

Заезженной гармошкой дверь втянулась в бок, и Теплов испуганно-вопросительно сунулся в открытый проем. Старуха суетливо протянула к нему руку с плотно зажатым кулачком.

— Вот, ить, бестолковая, чуть было не забыла! — И в его широкую ладонь из кулачка трубочкой выскользнул круглый катыш. Догадался, что — деньги. Запротестовал:

— Ты чего это выдумала!? Зачем?

— Возьми-возьми. Не обижай старую... — И она юрко отскочила в сторону.

Без предупреждения дверная гармошка шумно растянулась; автобус, дернувшись с места, тихо-тихо поплыл мимо дощатого, окрашенного в бурую зелень, вокзальчика. Глафира одиноко замаячила в пределах обозна-

ченного квадратом окна пространства. Вовсе не замечая своих обильных слез и взмахивая крестообразно сухонькой ручкой, она что-то то ли выкрикивала ему вслед старательно, то ли заклинательно нашептывала себе нечто...

III

По возвращении в Москву, Теплов писал Глафире часто и успел даже к Новому году отправить посылочку со столичными гостинцами. А та радостно и исправно отвечала внуку, обнаружив между тем, что эпистолярный жанр ей совсем не чужд. По весне, однако, Глафира умолкла, и вскоре пришло подробнейшее письмо от Полины, в котором соседка писала, что «бабка твоя Глашка померла на светлой седмице», что умерла тихо, никого не напрягая, и что его, Венямина, наказала на похороны не срывать. «И лежат оне у тебя рядышком — невестка и свекровка», — особо подчеркнула она в конце и, написав уже прощальное «до свиданья», скорописью добавила следующее: «Не хотела писать всего, да вот напишу. Вернулся домой Тимка Базаенок — Гришатки Ерохина сын. Ты его, поди, и не знашь. Я и сама его плохо помню. Он ишо в конце войны по набору в ФЗУ уехал да и пропал с концами. Слухом-то неслось, что он больше по тюрягам был прописан, а тут вдруг объявился. Видом он своим дряхлее отца будет. Тот ишо крепок, а этот желтый весь и худющий — покойник покойником. Как-то тот Тимка к Глафире завалился и говорит с ходу: «Прости ты меня, тетка Глашка! Я твоего сына Федора по глупости на кон поставил и програл...» Та понять ничего не может: «Как это?» Он перед ней на колени-то бух да в голос расплакался. Рассказал, что Федора он встретил в Перми, когда тот из дому скоропалительно уехал. Федор на завод устраивался, а покуда на вокзале кантовался. Проиграл его Тимка в карты друзьям вокзальным. Те и приказали Федора убить... Одно Глафира у его и спросила, где, мол, схоронен? А Тимка-разбойник сознался, что оне с убитого одежонку сняли, документы да деньги забрали, а Федора просто бросили в глухом тупике... Глафира на следующее утро отправилась в церкву. Заказала по сыну отпеванье, а земельку после в Таисьину могилку прикопала. Пришла домой — слегла и больше уж не поднялась...»

На то скорбное, оглушившее его сообщение, затянув время, он так и не откликнулся, а спустя год-полтора от Полины пришло новое письмо, которым она до мельчайших подробностей старательно описала, как ветшают, как рушатся без хозяйского догляда обе его избы, — и спрашивала: не будет ли он против, если она пустит на постой людей? «Желающие есть. За избами, сам должен понимать, нужен постоянный уход, а я тебе, Веня, фатерантов подберу хороших», — обещала Полина и дописала в самом конце о том, что «Тимка Базаенок так и не оклемался на жирных харчах и летось помер».

С ответом на этот раз он затягивать не стал — отправил тут же коротенькое письмецо: пусть живут. Больше писем из деревни не приходило...

Александр ПОЛЯКОВ

ЗЯМА

РАССКАЗ

«Зря приехал сюда. Зря».

Так горевал я в гудящем вагоне электрички, ожидая ее отправления.

Зря. Во мне эта церковь жила и без того давно: на снимках и рисунках она была невесомо белой, и ее светлый образ не жили полуденные луга, по которым хотелось пройти поэтическим отроком с думами о России. Но, податливый человек, опять проплясал я под чужую дуду — приехал по настоянию приятеля, и сразу что-то ушло невооруженно. (Невозвратно? Это знакомо. У нас все — невооруженно.) Увидел вблизи грубые, с выбоинами стены, увидел ржавый крюк, торчащий из угла, потеки под куполами, а с пятого или с шестого ряда кладки стегануло глаза нацарапанное не то имя, не то бог весь что: «Зяма».

Вагон задрожал сильнее, и в его зыбком, расфокусированном пространстве появились они — Зяма и с ним две особы. Не Зяма, конечно, но все равно как бы и Зяма — в залапанном берете цвета... этого, ну... (эх, быть бы Эдичкой Лимоновым), в обтруханной куртке из ломкого заменителя, в липких, пропитанных темными винами клешах образца

ПРОЗА

70-х годов, которые штопорились вокруг вялых ног, обу-
тых в красные кеды.

Так же замарашливо были одеты его спутницы — одна постарше, лет сорока пяти, другая помоложе — похоже, тридцатилетняя: впрочем, труды этих дам над своей внешностью, наверное, были столь усердны, что с возрастом я мог и ошибиться. Единственное, в чем я не ошибался, — вошедшие из столь докучливой породы, помятых представителей которой полно на задах винных магазинов, у мутных окошек пивных, откуда, спалив день, разбредаются они в логова запущенных коммуналок.

Иной раз, когда я прохожу утренним сквером к остановке, навстречу встает женщина с синюшными ногами и, кокетничая, улыбается щербато и железно, и я (быстрее, быстрее!) расстаюсь с полтинником, не то спасая ее, не то губя...

А они уже устроились напротив меня, и по вагону разнесся вздох облегчения: не к нам, слава те... Поезд свистнул, дернулся, и мы поехали.

Чисто одетый мужчина, сидящий через проход, посмотрел на меня сочувственно и закрылся «Московским бизнесом». Молодой человек с профилем Иоанна Грозного раскрыл книгу. Его сосед, брылястый ухажер, приобнял свою прозрачную подружку. Женщины стали вязать, читать, смотреть в окно.

А я дышал Зямой и его спутницами. Это было трудно — от них несло портвейном и потом. Я задыхался, но не уходил: всегда почему-то стыдно уходить с надменным лицом; кажется, что уходишь разоблаченным: ишь, чистюля, ишь, гниль — не хошь с простыми-то людьми...

— Не помешаем следовать? — спросил вдруг ласково Зяма.

— Ну что вы, что вы, — поспешно ответил я.

Скорее, скорее — в книгу, от Зямы, от запаха, от невезения своего. На странице трепетал прекрасный бунинский профиль. «Ты мысль, ты сон. Сквозь дымную метель бегут кресты — раскинутые руки. Я слушаю задумчивую ель — певучий звон. Все — только мысль и звуки!»

— Стихи? Люблю... — Зяма шевельнул, видно, пальцами на ноге — дышать стало совсем не вмоготу. — А вот еще: «Шел я по лесу и пел, соловей мне на нос сел. Я хотел его поймать — улетел, ядрена мать...» Семнадцать градусов, сахару восемь процентов...

Поезд заскрежетал, изгибаясь. Я закрыл глаза, я вспомнил голос психотерапевта: «Вы любите ездить в поезде.

Вы устроились у окна... Зеленый промельк среднерусского пейзажа. Вы смежили веки... Вы мысленно обводите взглядом ступню вашей правой ноги — каждый палец, подробно. Теперь — левой ноги... Сосредотачиваете взгляд на своем лице — на бровях, на глазных впадинах... Дыхание чуть замедленное. Вы погружаетесь...»

— Ну, где же, Надя, где же? — с запущенными по локоть в сумку руками Зяма напоминал фотографа, заряжающего пленку; но он искал бутылку: он называл ее «фуфырек».

Надя (что постарше) опавшим телом картинно откинулась на спинку и, лиловея от удовольствия, пропела, не сводя с меня чуть расползающихся глаз:

— Ой, склероз-склероз, не склерозь меня... Забыл? Все-го-то одна и была...

— Хоть хлебушка, есть хочу, па-ми-ра-ю-ю... — при-творно стонал Зяма.

— Ну, хва, хва... Пассажиру мешаете ехать, — та, что моложе, давясь дыханием, незло одернула их. — А то я шас, хе-хе, устрою вам закат солнца вручную...

Они принялись с показной строгостью шикать друг на друга и слать мне улыбки.

Женщины из ближних купе поднимались и уходили в другие вагоны. Некоторые утонченно закрывали носики платками...

И тут на остановке влетела с треском в тамбур четверка здоровенных парней во хмелю. Парни сразу закурили, заорали, пуская дым и мат в раздвинутые ими же двери салона. Накурившись, они стали пихаться, брать друг друга за грудки, но, по всему видно, это была прелюдия, и горлопаны, разогревшись, возьмут скоро за грудки кого поинтереснее — того ли встревожившегося книгочея с профилем, того ли бонвивана с брылями, да и я пригрелся недалеко от них... Мослатые кулаки летали выше и дальше, бойцы все откровеннее интересовались вагоном и захватнически взблескивали обещающими потеху ускользающими под брови глазами.

О, минуты позора! Минуты, когда сердце бьется в судорожном негодовании, и тебе стыдно, обидно, больно... Надо встать и сказать: «Прекратите сквернословить! (Боже, да так говорят перегримированные старички в кино...) Как не стыдно, здесь дети, женщины!.. Я к вам обращаюсь, молодые люди...»

И сразу, конечно, — удар. Плащ, новый, за который еще и долг не отдан, порвут, излохматят, раздавят «дипло-

мат», последний подарок мамы, и если совсем не повезет мне — каблуком свернут нос, выбьют сознание и, грязного, жалкого, превращенного в Зяму, вышвырнут в салон, а сами, лениво посмеиваясь, выйдут на платформу — закурят и, покачиваясь, будут тут же мочиться. Вот и все.

Нет — в стихи, в стихи. «То, что лежит в могиле, разве ты? Разлуками, печально был отмечен твой трудный путь. Теперь их нет. Кресты хранят лишь прах. Теперь ты мысль. Ты вечен».

А если по высшей шкале? Что сделал бы Бунин? Когда в Одессе к нему ворвались для обыска вооруженные люди в кожанках с красными повязками, он выставил их за дверь. «Вон! Я — Бунин!» У него была особая статья, статья духа. Они, в кожанках, эту статью еще не забыли. Безоружная, она останавливала их, ее нельзя было уместить в мятый картуз. Впрочем, они и сами были другими. И если бы даже, поддавшись старшему — огнеокому, с двумя маузерами, представителю энергичного народа, — они подняли бы писателя на штыки, то не жить им безмятежно, не смогли бы...

Спустя двадцать лет поэта Николая Заболоцкого уже запросто били по лицу в тюрьме. Эти, новые, уже могли. Им не было преград — нигде...

О чем я? Сравнил. Да и откуда возьмется, смешной мой, эта статья у тебя, откуда?

Парни по-прежнему бушевали в тамбуре, мат нарастал.

Я всегда был занят. В юности токарил на заводе, одновременно учился, защищался, служил в институте, ночами писал книгу — литзапись славной жизни военкома, халтурил на радио — семья росла, жена недомогала, а потому — «не спи, не спи, художник», успевай поворачиваться. К слову другого поэта — «душа пар, тело хочет жить» — я относился спокойно. Я думал о душе. О теле думать было некогда.

Захлеб каждодневных хлопот, ясно, объема бицепсов-трицепсов не прибавлял, напротив, сбивал дыхание, выматывал, но пусть и надрывно для меня — в доме наладился мало-мальски достаток, дети поднимались здоровыми, знающими вкус винограда и успевающими по всем предметам, жена съездила, и удачно, в Венгрию за сапогами. Конечно, надо бы знать приемы карате, хорошо бы при всем еще иметь натренированную, крушащую кирпич ладонь, и, наверное, этого можно было бы достичь, но на моем столе распласталась календарная простыня с

расписанными на полгода вперед делами, и магазинные очереди троглодитски съедали часы жизни, и загородное житье-бытье с электричками и автобусами не прибавляло времени, а еще и то, и другое, и десятое...

Судя по поведению пассажиров, усталые, они тоже не очень-то были заняты своими телами. Не поднимали гири, не переносили стройматериалы.

Понятно, вместе мы одолели бы крикунов. Но потребовалось бы, думаю, большая организационная работа, быть может, сперва нелегальная партия с крепким ядром, скорее всего, годы подполья. С пригородными билетами до 10-й зоны нам не успеть...

И поэтому в горячую голову лезли несбыточные мысли: чтобы остаться мужчиной, мне нужен был пистолет. Любой, даже такой, какой смешно выбирает в магазине герой чеховского рассказа. Или какой был у бедного Мити в повести Бунина: «...он нашарил и отодвинул ящик ночного столика, поймал холодный и тяжелый ком револьвера...» Мне до боли под ложечкой нужен был пистолет, который вправе купить любой человек в стране небоскребов. И не только там. В японском городе Нико самые низкие цены на оружие. И самая низкая преступность. Отчего бы? Ведь разрешено — бери...

Но не положен был мне пистолет. Не верили мне. Ведь возьми я его — тотчас начну палить по насолившим мне соотечественникам. А впускай меня в винный отдел не с 14 до 19 — в любое удобное мне, покупателю, время, то пить, конечно, я буду с рассвета до заката, и жизнь пройдет в хмельных потемках, словно я все время в Мурманске зимой. Если отменить вздорную строгость московской прописки, то все мы (тут уж не один я) кинемся проживать исключительно в столице; если давать (сберегая и бумагу где-то) новичку-автолюбителю не временные, а сразу постоянные права, то он, вознесясь от гордыни, начнет ездить по левой стороне дороги, сбивая столбы и гаишников; если вернуть, извинившись за задержку, хлебопашцу землю, то настанет капитализм; если давать всем, без обыкновенного выдерживания в очереди, загородные участки (вот вопрос — при наших-то просторах!), то настанет... ну, чего-нибудь настанет зловерное.

Такое чувство, что родившие эти запреты боятся и не любят свой народ. Похоже, они понимают, что виноваты перед ним, и потому громким окриком запрета торопятся рассеять вину, отогнать страх, — как наивные дети в темной комнате, — одновременно бодрыми и испуганными голосами.

А преступность растет. И у преступников, несмотря на запреты, имеется оружие. А у нас, пассажиров, пешеходов, книголюбителей и звездочетов, есть замечательное право — встретить несатытым животом пулю (маслину?) и бледной рукой схватить отточенную сталь ножа (пера?). И — никогда нам не дано увидеть страх в зрачках врага, узнать, как просто дьявольский гогот его обращается в немоту ужаса...

Разумеется, я бы никогда не выстрелил. Как и тысячи других нормальных мужчин. Я просто сдал бы их милиции и снова продолжил чтение. На это ушло бы несколько минут.

Я был переполнен такими жаркими мыслями под дикую брань из тамбура: пассажиры уже покидали насиженные места. Бережно пронес серебряную голову читатель «Московского бизнеса». Ушел, стараясь замедлить шаг, молодой человек с августейшим профилем. Встала одна женщина, другая... Ухажер с брылями теснее обнял возлюбленную, стыдился отступать и, видно было, томился предгибельной тоской.

Вдруг подруга Зямы старая Надя шелкнула коленкой и цыплячьим шагом, позевывая и поеживаясь, двинулась к запечатанному широкими спинами тамбуру.

— Цыц, брындики! Вам гр-р-рю-ю!.. — взвизгнула без подготовки она.

Парни удивились, стихли на миг, рыкнули, опомнившись:

— Да дуй ты, мать, отсюда!

И опять — гвалт, мат.

Я сказал Зяме:

— Ее же ударят. Верните ее...

Зяма усмехнулся, а молодая высморкалась и взмахнула платком:

— Хэ! Надю вы не знаете...

Надя подобралась и бесстрашно нырнула прямо в середину опасной карусели из сцепившихся тел.

— А ну-ка! Расцепись, сученята, брындики муравьиные... Стекла набью — есть заставлю! Ну!.. — Она дернула одного за руку, другого ткнула в бок, третьего хлопнула черным кулачком по спине, четвертого... Удары были так себе, но мат прекратился.

— Да отстань ты, мама... Чего тебе?

Надя отступила на шаг и топнула хлипкой ногой:

— И шоб у меня... Молчок — обоклался сверчок. Прослежу лично...

Установив в тамбуре тишину, она повернулась, но вслед ей опять загоготали.

— Ага... Так? Смелые-умелые? — спокойно и твердо Надя подошла к микрофону в углу вагона, которым почему-то никто не посмел воспользоваться.

— Щас, петушки-орелики... Народ запугали грамотный... — она нажала кнопку. — Эй-эй! Кто это? Мы вот следуем... На базе робили... Устали... Никакого биоритму... По нулям... Влезли — матом-перематом... Срочно дайте наряд с сержантом... Люди в тряске... Газеты мнут, тоскуют... Вагон пятый... Я малость поработала... Авторитету к ним нету... А то девушка в шапочке покраснела... а зачем это нам?..

Парни посерьезнели, слушали. Гыкнул беспокойно, и снова — молчок. И — потянулись друг за другом в следующий вагон, отступили. Но Надя не отступила.

— Пойду, сдам их, байбаков косопузых, — доложила она Зяме и ушла в погоню. Зяма сонно бросил:

— На, хоть конфетку возьми.

— А-а, потом...

Надя вернулась минут через десять, вздохнула печально:

— Сдала. Вот перстень из-за этих поломался, камешек выпал...

— Камешек-то где? Нашла?

— Вот...

Зяма с умным видом взял корявыми пальцами жалкое кольцо, и они все склонились над ним немдыми головами. Думали крепко. После Зяма хрюкнул авторитетно:

— Ладно, на бээф посажу. А то и на суперцемент. Поносишь еще... на конфету.

— Он посадит, сделает, — поддакнула молодая. — И товарищ тоже кивает, — это уже про меня.

— Зяма сделает, обязательно, — сказал я.

— Кто? Володька?..

— Да. Володя все сделает.

Володька-Зяма вертел в руках стекляшку из кольца, тер рукавом, царапал ногтем. Он лизнул ее и поднял, любясь на свет, и пассажиры почему-то сворачивали газеты и тянули шеи, стараясь получше рассмотреть граненую горошину, копейную забаву старой Нади.

А электричка уже тормозила у города. И скоро всем нам расставаться...

Равиль ДОМАЕВ

ВОЛК

РАССКАЗ

Я долго думал, рассказывать вам эту историю или нет. Все так необычно, и вряд ли вы поверите в то, что я поведаю. Но все же я решился, потому что это была чистая правда.

Я — наркоман и лечусь вот уже несколько недель у доктора-психолога. Лечение не похоже ни на какое другое, да и лечением его вряд ли назовешь. Судите сами: ни лекарств, ни всяких там инъекций. Садись в кресло — и улетаешь в другой мир. Это трудно объяснить, но там ты исцеляешься. Я ничего не хочу доказывать или подвергать сомнению законы материализма, упаси Бог, я просто расскажу, а вы уж сами решайте, верить мне или нет.

Начну по порядку. В назначенный час я подъехал в Центр. Доктор дружески встретил меня и пригласил в кабинет. Затем, по-будничному немного расспросив о делах, усадил в кресло и предложил закрыть глаза. Я стал ожидать дальнейших гипнотических инструкций, но их не последовало. Он сказал, что сегодня мне придется ничего не делать: ни думать, ни напрягаться, ни расслабляться — просто сидеть и ничего не делать.

Я удивился такому приказанию, но не подал вида. Закрыл глаза и просто сидел. Незаметно меня

ПРОЗА

сморило, и я заснул. В то же время я осознавал все происходившее в кабинете, слышал, как кто-то заходил в кабинет и выходил, как зазвонил телефон, и доктор с кем-то разговаривал. В общем, все шло своим чередом, за исключением того, что я, размякший и недвижимый, дремал в кресле, спокойно и ровно дыша.

Сложно сказать, сколько прошло времени до того момента, как я услышал тихий его голос:

— Животное. Какое животное ты сейчас видишь?

И тут на темном фоне появился яркий образ волка, даже не образ, а кадры из фильма, прекрасного цветного изображения, на котором был живой волк. Его желтые глаза смотрели прямо на меня, пристально и уверенно.

Как загипнотизированный, я смотрел на это красивое и могучее животное: широкая грудь, мощные высокие лапы, густая, серая, с белёсыми оттенками шерсть, пушистый хвост. Он был настолько рядом, что я мог видеть, как бока его вздымались при дыхании, и язык в приоткрытой пасти немного вздрагивал. Я оторопел, и дальнейшие команды доктора слышал уже как бы издали, словно они звучали из неба, из земли, — здесь, рядом, но не со мной. Удивительное состояние: волк, природа... и голос, будто за кадром.

— Волк, — неуверенно ответил я.

— Посмотри, ощути — что значит быть волком? Как это стоять на четырех лапах, иметь хвост, клыки?.. Что чувствует волк? Я начинаю счет от одного до трех, и на счет «три» ты превратишься в это животное. Один. Что ты чувствуешь, став волком? Два. Как ты ощущаешь себя в шкуре этого сильного животного? Три. Какие запахи появляются в этот момент? Что ты слышишь, Волк?

...Я — волк. Первое, что осознал, это горизонтальное положение моего тела и запахи. Очень близко оказалась земля и всё, что на ней произрастает. Запах сильный, яркий, каждый его оттенок имел собственное значение: пищи, благоденствия, опасности, чего-то еще, что очень важно для меня — шерсть, пот, след... Деревья, травы, птицы, мелкие и крупные животные... Все вместе и по отдельности. Запах нес знание, с каждой секундой волна новой информации накатывалась на меня. Я стоял и втягивал его, втягивал по чуть-чуть, небольшими глотками, становясь по ветру и против него. В следующий момент я услышал шум окружающего мира: шумели кроны деревьев, щебетали птицы, дышали травы. Звуки проникали в

мое сознание, но не хаосом, а структурно, каждый отдельный звук имел свое значение.

Запахи и звуки составляли одну целостную картину мира, в которой я очутился. Вот мышь в нескольких шагах от меня пробирается в траве к своей норе, а там, немного вдали, косясь, вероятно, у воды, к ее запаху пришеивается влажный воздух. Ошеломленный тем, что все это чувствую и понимаю, я стоял неподвижно и впитывал, впитывал, словно боялся, что все это быстро закончится. Я будто заново родился, но не в том мире, где пристрастился к наркотикам, а в другом, вернее, я был этим другим миром и просто проснулся. Легкий ветерок нежно шевелил шерсть на холке, лучи утреннего солнца ласково грели бока.

Я сладко потянулся. Четыре сильные лапы служили опорой для мощного торса. Осознание силы и устойчивости дарило неповторимое чувство уверенности. Хрусть! Осторожный шорох, и потянуло чем-то знакомым, даже родным. Я сразу узнал этот источник манящего запаха. Молодая волчица медленно, настороженно поднялась из-за куста и теперь крадучись движется ко мне, матёрому волку. Я напрягся и припал к земле. Волчица игриво подбежала и кокетливо куснула за шею. Страх и напряжение исчезли в тот же миг. Сущность волка полностью овладела мной. Увлекаемый дурманящим ароматом, мой нос сам шел к цели и выбрал ее. Волчица, игриво отпрыгнув в сторону, развернулась ко мне мордой. Я повторил попытку, тогда она бросилась бежать по поляне, при этом всем своим видом выражая ожидание того, что я догоню ее. Увлекаемый природным инстинктом, я неотступно преследовал ее. Восторг и волнение переполняли тело, в предвкушении тайны мой мозг с молниеносной быстротой перерабатывал этот жаркий, ни на что не похожий аромат в страсть. В радостном возбуждении мы возились и катались по траве, слегка прихватывая друг дружку пастями. Я счастлив! Она счастлива! Сила наполняет мое тело, оно, как сжатая пружина, упругое, сильное и послушное. Сердце готово взорваться от восторга, запах молодой самки сводил меня с ума, и я, как слепой щенок, повизгивая, валяюсь в траве под мохнатой ее шерстью.

Наконец, утомленная, она сдается, и я могу сделать наскок. Видимо, от волнения первый оказывается неудачным. Тяжело дыша, я постепенно прихожу в себя. Подруга стоит рядом, продолжая ласкаться, облизывая мне мор-

ду. Еще одна попытка. Есть! Она захватывает меня, несколько движений — и блаженство разливается по всему телу, дух моей и ее плоти разливается по поляне, увлекая в любовную игру всех животных и растения в этом лесу.

Волчица тоже устала и пытается сесть в этом неудобном положении. Рычанием я останавливаю ее. Некоторое время мы стоим, прислушиваясь и приносясь к окружающему миру. Наконец мы освободились, нужно немного отдохнуть. Мы ложимся в тень и затихаем в блаженстве...

Хрясть! Резкий щелчок, как будто под лапами сломалась сухая ветка. Мы бежим по лесу, легкие и голодные. Подруга охотится на мышей, меня они не интересуют. Я слышу только легкий писк и последующий хруст разгрызаемых костей. Но этого нам мало. Нужно что-то существенное. Мы бежим по лесной тропинке, приносясь к следам на земле. Вот он, я знаю этот запах, запах добычи. Он свежий, только что оставленный. Пригибаясь к земле, крадучись, продвигаемся сквозь кусты и молодняк. Несколько косуль обедают молодую траву и нижние ветки деревьев. Самка, двигаясь вдоль кустарников, подбирается ближе. Еще мгновение, и в мощном прыжке она подлетает к ближайшей жертве. Косули испуганно бросаются в сторону. Волчица преследует молодую и гонит ее ко мне. Я следую наперерез. Косуля отчаянно пытается убежать, резко меняя направление, но мы жестко берем ее в клещи. Прыжок — и мне удается свалить и вонзить клыки в ее плоть. Этого мгновения оказалось достаточно. Моя подруга вцепилась в шею, а я одним рывком разрываю жертве пах. Струя горячей терпкой крови наполняет мою пасть. О, этот опьяняющий вкус и запах! Тело еще бьется в конвульсиях, когда мы уже приступили к трапезе...

Щелчок... Зима. Морозное утро. Мы бежим по сугробам. Вдали слышен лай собак. Мы уходим от них. Снег очень глубокий, мы буквально проваливаемся. Вдруг впереди что-то показалось, что-то неизвестное и пугающее, оно колышется на ветру, обозначая некую границу. Ища выход, мы следуем вдоль нее на некотором расстоянии. Это были красные, как кровь косули, флажки охотников. Сердце колотилось, лапы наполнились тяжестью, горло сжимал страх. Я устал. Дыхание хриплое, тяжелое...

Вдруг — бабах! Бабах! Гром слегка оглушает меня. Запах пороха, запах людей... Я понимаю, что это смерть

приближается к нам по этому хрустящему, глубокому, чистому снегу. В ужасе мы поворачиваем обратно. Мы мечемся, не зная, куда бежать. Выстрелы и собачий лай окружали со всех сторон. Волчица, сделав несколько отчаянных прыжков в сторону, бросается на страшную границу и ныряет в нее. Несколько мгновений я стою, глядя ей вслед. Потом, собрав все силы, следую ее примеру. И вот она — свобода!

Вдруг я услышал странный шум, который был одновременно и знаком, и непонятен. Человеческий голос ворвался в ту чашу, в которую мы нырнули от загонщиков.

— Я начинаю считать от одного до трех, и на счет «три» ты вернешься назад.

Образ окружающей меня природы закрутился, как в калейдоскопе, по инерции я продолжал еще бежать за волчицей. И, пролетев через непонятно откуда взявшуюся темноту, почувствовал свое тело, сидящее в кресле.

Пробуждение в кабинете психолога было таким же шокирующим, как и внезапное превращение в волка. Казалось, я до сих пор ощущаю запах леса, и первобытная кровь животного струится по моим венам. Пораженный только что пережитым, я продолжал сидеть в кресле с закрытыми глазами. Мне немного жаль возвращаться в человеческое тело, и я удивляюсь этому своему странно-му признанию.

— Пора возвращаться, открывай глаза, — тихо сказал доктор. — Наверное, понравилось?

— Постой. Что все это значит? — придя в себя, спросил я. — При чем здесь волк? Все было так реально. Может быть, ты объяснишь, как это все получилось? И главное — зачем?

Выглядел он довольно усталым. Да и сам я чувствовал себя не лучшим образом. Раскалывалась голова, накопилось много информации, необычной информации. Поэтому требовалось как-то разобраться во всем этом. Побывать в шкуре волка, овладеть волчицей, охотиться на оленя и быть жертвой. В голове не укладывалось, какие-то оборотни, как в реликтовых книгах, превращение... Любые мои даже самые смелые предположения не находили ни научного объяснения, ни житейского. Может, все это было в прошлой моей жизни, и раньше я был волком?

— Да, конечно... — неопределенно ответил он. — Животное, в твоём случае волк, нацелено на выживание. Сила

жизни в нем является доминирующей. Ни одно животное не станет специально употреблять яд, вонзая в себя чужеродные тела, убивать свою душу. Только человек ради сиюминутного удовольствия не задумывается над последствиями, издевается над своей плотью, убивая ее жизненную функцию. У такого человека нарушается стремление к жизни и возникает стремление к смерти. У всего живого на Земле эти стремления существуют, так как все смертно. Но если животное до конца борется за свою жизнь, то человек может сознательно выбрать гибельный путь медленного телесного и духовного самоубийства.

Некоторое время мы сидели молча, а затем я ушел. А ночью мне снились цветные сны, чудесные, красивые. Но там не было волчицы, не было того дурманящего запаха и вкуса только что убитой косули. Душа моя не находила места.

Сергей ШУМСКИЙ

РАССКАЗЫ

РОДИНА

Второй день брожу по родной своей деревне.

Август. Теплынь. Закатное красное солнце над лесом.

Облазил все задворки и заогороды, посидел на берегу Канарайки, на любимом с детства месте. Проверил даже кем-то расставленные крючки-удочки из таловых и черемуховых прутьев. Проверил из любопытства, из каприза самоуспокоения: на двух удочках болтали хвостами налимики. Полюбовался на них, погладил холодные спинки и снова погрузил снасти в ил. В военные и послевоенные годы половил я этих налимов, спасали они нас от голодной смерти.

Пока обходил деревню и ее окрестности, в возбужденной памяти теснились те, теперь далекие лица, события, факты. Все было, было, было... И приходится с каким-то безнадежным утешением признаваться самому себе, что почти ничего из того, что было, уже нет, ушло, исчезло. Знакомых во всем Струкове осталось только четверо: родная душа племянник Володя, Наташа Калинина и ее старший брат-фронтвик Леонид Сиваков и Вера Нечаева, живущая, как и племянник, в вятском краю. Остальные — при-

ПРОЗА

езжие из соседних опустевших деревень — те, кого я не знаю и кто меня не помнит.

Из привычных с детства строений тоже ничего не осталось — амбаров, подтоварника, куда мы, ребята, прибегали набивать карманы пшеницей или горохом. Давно растасканы или сожжены кузня, пожарка, сушилка остановская на бугре. От конюшни со стойлами торчат одни развалины, столбы, обрешетка, раскосины, а на конном дворе видны из зарослей крапивы и конопли остатки изгороди, тележного и санного хлама. На задах огородов по другую сторону улицы стояло красивое строение школы, с большими окнами, крытая дранкой — тоже недавно исчезла, перевезли, говорят, куда-то.

У покотины осталось только кладбище, по-нашему, могилки, где покоится отец с 46 года. Оно расчищено от зарослей и огорожено штакетником. Вот только оградку сварную не могу до сих пор сделать на могиле отца, деревянная вся расшаталась, столбики подгнили.

Пятьдесят с лишним лет, Господи, Господи!.. Полвека промелькнуло в замедленном и сладком миге. Было и не стало. Только память цепко держит, теплится утешение, горечь пережитого и прожитого, мираж надежд и упований.

Что же такое, по сути, наша жизнь на этой прекрасной и неухоженной земле?

Сажусь на зауголок родной избы. Сруб давно куда-то увезли. Из земли выпирают подгнившие лиственничные окладники, посредине — провал подполья. Пытаюсь залезть в него, но оно почти полностью завалено землей и хламом. Роюсь палкой в надежде что-нибудь отыскать из того, что помнил, держал в руках. И, к ожиданию своему, нахожу ухват без черенка — совершенно целехонький! В умилении целую его, вспоминаю, сколько горшков и чугунов мать пересаживала им в печь. Ухват заворачиваю в газету и кладу в «дипломат». Попутно открываю фляжку и делаю глоток водки — она мне кажется просто водой. Это, наверно, от волнения, а может, водка такая.

И в таком отрешенном восторге снова сажусь на окладник. Отец сам с сыновьями рубил избу в 30-м году.

Сижу, оглушенный тишиной и счастьем, и хочется поплакать. Мне кажется, что я один остался на всей земле, хотя рядом возле нового домика сидят на лавочке ребята, о чем-то лопочут, но я слов их не различаю, не воспринимаю. Постепенно я начинаю понимать: я же здесь, у разрушенного, полвека назад покинутого родно-

го очага — что же мне еще надо, чего ждать и чего желать еще? Родина со мной и во мне вот здесь, я сижу на ее пороге.

И постепенно в меня стали входить звуки и голоса — те, далекие, родные. Я их всех стал ясно различать. Они звучали сейчас со всех сторон... звучали в пении птиц. Да, да, они, птицы, пели все время, но я их не слышал до этого, я просто глух был к этим дивным голосам. И вот только теперь я проникся этими звуками, потому что речные таежные дебри переполнялись птичьими звуками, какие я знал и слушал тогда, в детстве. Я просто отвык от них, а они были и тогда, и сейчас они те же. Поразительно: неужели можно быть таким глухим к живой и трепетной благодати природы?

«Боже мой, Боже! — взмолился я. — Вот мне чего не хватало на моей родине. Прозрел, проникся, пробудилась душа».

А из ельника, что возвышался острыми пиками прямо за огородами, тихо звенела песня, нет, хор птичьей песни, симфония, оркестр: грустно высвистывала зорянка, трещал коростель-дергач, глухо урчали дикие голуби, крикали утки, заливались свистистели, дрозды, а из березняка напротив подхохатывала кукушка. Как помню себя, слышал, что с наливанием ржи кукушка не поет, а хохочет, потому что колосом подавилась. И все равно это райское пение, которое вот только сейчас я начал воспринимать и понимать за эти два дня.

В таком подавленно-завороженном состоянии я просидел до темноты, а с ней и пение стало угасать и вскоре совсем стихло.

...Но оно звучит теперь во мне всегда, где бы я ни находился, особенно в длинные часы одиночества и раздумий. Просто я всегда помню, что на моей Родине пели в далеком детстве и сейчас поют райские птицы. И живительные эти голоса я всегда ношу в своей душе.

ВОЛКИ

В обед брат Володя, как и предупреждал, заехал за мной, и мы поехали в деревню Новоуспенку, куда он переехал с полгода назад работать бухгалтером колхоза. Взял он меня понынчиться с дочкой Люськой, которой исполнился год. Сыну Олегу пяти не было, толку от него мало как от няньки. Мне как-никак двенадцать скоро будет. Договори-

лись, что я поживу недели две, пока не придет Катин отец. Катя, жена брата, работала учительницей.

Неделю назад я искалечился и в школу не ходил. Катались с ребятами на лыжах с берегового угора, я упал и угодил коленкой о камень, расшиб чашечку. Кожа раздвигалась, когда я сгибал ногу, рана начала загниваться. Позавчера отправила мать в больницу, наложили гипс.

В кошевке я укутал больную ногу в одеяло, и сам укутался весь в собачью доху, мягко на сене и тепло как на печке. Бусил мелкий снежок, солнце тускло светило над лесом. Скрипели полозья, и под этот скрип хотелось спать. Серко, сильный, откормленный жеребец, бежал ровной рысью.

До деревни Сивохино мы добрались быстро, остановились у друга Володи дяди Вити — они вместе учились еще до войны на курсах счетоводов. Подкормили Серка овсом, сами пообедали.

А когда выехали из Сивохина, тут же сгустились быстрые декабрьские сумерки и стало совсем темно. На нашем пути была еще одна деревня — километрах в пяти-шести.

Серко бежал-бежал и вдруг резко всхрапнул, рванулся во весь мах. Володя сдержал его, долго вертел головой, сидя в передке на лавочке, потом крикнул мне:

— Волки, Сережа! Волки, они! Вон там, смотри!

Я повернулся направо, куда показывал Володя, но не мог ничего разглядеть от волнения. Но потом у края березняка различил какие-то мельтешения и высверки, словно огоньки там играли. А когда березняк кончился, на поляне замелькали темные тени. Видно, как они прыжками неслись по глубокому снегу вровень с нами, чуть позади.

— Их много, не меньше десяти — целая стая! У них гон сейчас, свадьба.

В конце войны развелось волков у нас в деревне да и по всей сибирской округе: там собак украли, рассказывали, там овец порезали в стайке, там корову задрали... Наверно, жестокость людская и зверью передается.

Волки... Однажды утром я насмотрелся на конюшенном дворе на жеребенка: он лежал с распластанным выеденным животом, перегрызенной шеей, уткнувшись сопаткой в снег — кругом размотаны кишки, кровь, ребра торчат... Той же зимой привезли на санях задранную корову, которую захватили волки за поскотиной у скирды

соломы. Хозяйка бабка Анисья, когда свалили корову у ворот на снег, упала на нее и завyla на всю улицу.

Вот повиснет вожак на шее Серко — и конец всем нам...

Эти волчьи картины мгновенно пронеслись перед глазами. Я не забывал о том, что они сейчас совсем рядом — у меня от страха застучали зубы.

— Гляди, гляди, Сережа! — обернулся брат, сдерживая вожжами жеребца. — Три волка отделились от стаи, к нам несутся наперерез, видишь?!.. Вон они!.. На, держи коробку спичек, скручивай сено в пучки, поджигай и кидай в их сторону, они испугаются...

Три крупных тени прыгали совсем рядом, метрах в пятинадцати, и заметно приближались к нам. Теперь я разглядел, как отсверкивали их глаза...

Поджечь пучки сена у меня не получалось. Испортил три спички, они вспыхивали и тут же гасли. Потом я вспомнил, что в сумке у меня лежали два учебника и три тетрадки. Вырвал тетрадные листы, скрутил их и, уткнувшись под доху, поджег. Когда бумага запластала, я поджег от нее большой пучок сена и бросил в сторону волков.

— Во-во, хорошо! — подбадривал Володя. — Они остановились, видишь?! — Он размахивал топором, кричал: — У-у вы-ы, гады!.. Давай еще, Сережа, быстрее!..

Я взглянул назад — волки неслись к саням с прежней прытью.

— Кыш, гады! — закричал я на них.

— Давай, давай, Сережа! Я отпускаю вожжи.

Я зажег скрученные листы бумаги и бросил на снег.

— Держись, Сережа, держись, не выпади...

Волки отскочили от огня подальше, остановились, стая тоже остановилась позади.

Серко неся галопом, на нас сыпались от копыт ошметки снега — вот-вот, казалось, кошевка опрокинется...

Но мы тут же оказались возле открытых ворот покотины, справа виднелась первая изба — мы спасены! Брат натянул вожжи, сдержал жеребца.

— Тихо, тихо, Серко! — успокаивал он ласково. — Все, отстали, гады, спаслись мы, Сережа... Слава Богу!

Серко загнанно дышал, вертел во все стороны головой.

— Успокойся, Серко, все, шагом, шагом, — уговаривал и я его.

Мы подвернули к одному из домов, где горела керосиновая лампа под потолком. Во дворе лаяла собака. Брехали они и в других дворах деревни, видно, чуяли рядом волков.

Открыл на стук мужик в накинута на плечи фуфайке. Тут же, узнав Володю, который сказал о встрече с волками, открыл ворота, завел во двор запаренного жеребца.

— Это председатель колхоза Андрей Степанович, — шепнул мне брат.

Пока распрягали Серко, Андрей Степанович расспрашивал, как все произошло, сам рассказал, что третьего дня волки задрали теленка в пригоне у одной одинокой колхозницы.

И в теплой, натопленной избе мы весь вечер сидели за столом, пили чай из чаги с мороженой брусникой и говорили только о волках.

Спали мы с братом на кровати за печкой. А утром позавтракали жареной картошкой, напоили Серко и с восходом солнца запрягли и благополучно добрались до места.

ЛОПАТА

На уличном перекрестке без светофора он переживал утренний поток машин и на одной из них увидел лопаты. Полный кузов деревянных лопат.

«Мне бы такую на дачу», — подумал.

Одна лопата сползла через задний борт и вертелась как пропеллер от скорости. Он провожал ее неотрывным взглядом, забыл даже, что ему надо переходить улицу. Волновался: вот сейчас упадет и...

И она словно по команде упала у обочины метрах в десяти. Он рванулся к ней в еще большем волнении и беспокойстве: знал — один хрумоток под колесом — и не станет лопаты. Он вспомнил, как несколько лет назад вот на такой же дороге поднял тоже лопату, только железную. Вся была в грязи, в мазуте, но целехонька, не помята, потому что в горловине торчал обломок черенка. Выбил его, насадил новый, и лопата в работе до сих пор. А сколько, не раз наблюдал, на московском тракте растерзанных досок на асфальте, металлических и резиновых деталей, кусков картона, бумаги, брезента? Почему, откуда у людей, при сегодняшнем-то экономическом бедствии, такое наплевательство к хорошим и нужным вещам?! Особенно на дорогах и у дорог — чего там только не происходит на этих дорогах!

Он переждал одну, вторую, третью машины — лопата оставалась целой. Перед четвертой — это был «КамАЗ», который, чутьем угадывал он, колесом нацеливался имен-

но на нее — он схватил лопату и метнулся на обочину, ликуя в душе, что спас-таки изделие рук человеческих от поругания.

Водитель высунул лохматую голову из кабины, рывкнул что-то, но он не разобрал. Его охватил холодный озноб: представил себя под колесами вместе с лопатой — оставалось каких-то два метра...

— Господи, Господи, — прошептал он, переждал поток и перешел улицу с лопатой на плече.

В вагоне электрички мужики заинтересованно осматривали лопату, расспрашивали, где он взял такую добрую. Любопытствовали скорее оттого, что на дворе стоял теплый сентябрь и лопате долго еще придется отдыхать. Он охотно, с повторениями, рассказывал: переходил перекресток, а он без светофора, а поток машин несется без оглядки. Одна машина везла полный кузов таких лопат, а вот эта вертелась на заднем борту, как пропеллер...

— Хорошая лопата, — похвалил один мужик. — Фанера, вишь, прессованная, окантована жестью, с заклепками. Сразу видно, для себя делали.

— Мастер делал, — погладил крашеный белилами черенок лопаты другой мужик. — Повезло.

— Повезло тебе, паря, сегодня, — сказал третий, сидящий у окна. — И лопате повезло.

О ЖИЗНЬ!

Решил он протопить летнюю избу: стужа с вечера раскалялась до сорока и больше, правда, днем мороз слабел, на небо наплывала густая облачность, сыпал мелкий снежок. Березы окутывались искристой куржаковой фатой.

А к вечеру, на багровую закатную зарю, стынь снова напирала от холодно светящихся звезд. На всю длинную ночь...

Смел метлой с дверей и с окон наросший куржак, прошелся и по потолку. С него разрисованные ледяные слитки-алмазы почти не сметались, и он оставил все как есть. Убрал с подоконника сыпучий снег, переключил свет на погреб. Крестьянское чутье подсказало, что протапливать избу не стоит, сырости только наделаешь при таком-то морозе. Лучше погреб понадежнее укрыть.

Погреб у него размещается под избой, хотя лаз в него на веранде. Осенью залазили воры-гады, сорвали замки с дверей, выдрали несколько половиц в избе и на веранде, но, слава Богу, лаза не нашли.

Жена прикрыла старым ватным одеялом, присыпала железный лист землей для маскировки.

Всюду прокрался куржак — толсторосло его над входом и на потолке в самом погребе.

Но картошка, накрытая целлофановыми обрывками, похоже, терпит, влажноватая, живая. А репа в ящике — той вообще благодать, золотится проростками из песка, нипочем ей стужа.

И вдруг перед лицом зазудело... комар зазудел! Кружит, порхает прямо у лампочки под закуржавевшим потолком. И еще норовит присесть к лицу, присосаться, зудит, как в летний зной. Значит, комариха, подлая...

Он закрыл наружную дверь, чтобы не улетела, иначе тут же очокурится на морозе. Набрал полведра картошки, пару репин и закрыл обе двери.

Пусть комариха летает. Раз жива она, значит, и все живет здесь, теплится. Запечатал цело понадежнее картонными листами от коробок, тем же одеялом, тряпьем и обносками. Накидал плах, приколотил гвоздями, пусть знают гадоворы, что тут ничего нет.

И про комариху не забыл думать: пусть и ей будет теплее. Пусть поживет в свою усладу, коль довелось родиться на белый свет в подвальной темени и в зимнюю стужу.

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Пасмурным морозным утром стылый автобус выбросил меня в заречной части города. Дама в мехах, сошедшая со мной, неуверенно объяснила мне, где находится это самое РСУ, и скрылась в узком переулке.

И я пошел почти наугад.

Аккуратные дома с крашеными ставнями утонули в снегу. Палисадники, заборы, калитки, ворота, белые дымы над заснеженными крышами, лай, вернее, ленивый брех собак — все здесь уводило меня куда-то, и мысли мои полусонные переселились в иное пространство и в иное время. Не верилось даже, что рядом, в десяти минутах езды, большой город с большими домами. Хотелось заглянуть в эти заледенелые окна с той стороны — побыть с незнакомыми людьми, ощутить, почувствовать эту нетягостную тишину и покой.

Утро прояснилось. И я попал на береговой изгиб, я это не увидел, а, скорее, догадался чутьем, потому что во мне вдруг снова, словно все перевернулось, сместилось во вре-

мени. Я все знал, все представлял перед глазами и в памяти, и в то же время все воспринималось загадочно и чудно: передо мной как будто земля наклонилась. Казалось, кто-то со стороны, а не сам я нашептывал с упреком: на, смотри, ты равнодушно наблюдал эти картины многие годы почти каждый день, но видишь сегодня все впервые.

Справа возвышался над всем береговым угором монастырь с голубыми куполами, рядом дом... дом этот трехэтажный еле узнавался теперь на фоне девятиэтажных коробок. А ведь он за свою красоту, соразмерность и вписанность в место завоевал в начале века медаль на французской выставке. Во что же сейчас его превратили, Господи?!

А напротив такое привычное, узнаваемое, как символ города, здание музея (городская управа), рядом памятный обелиск — плоский, тупой столб торчит в небо. И все это на фоне прожекторных мачт стадиона, которые, как хищные динозавры, подняли свои длинные шеи...

Зато как смотрится приземистое здание военных казарм — будто само выросло из береговой кромки — с четко очерченными линиями. С овальными огромными окнами.

И опять мысль осенила догадка: а ведь люди тогда, четыреста и сто лет назад, смотрели именно с той, то есть с этой, моей, стороны и прикидывали, что, где и как возводить и строить. Иначе это не было бы архитектурным великолепием и красотой, иначе — коробки и столбы...

И как подтверждение я снова осмотрел передо мной нелепый уродливый циркуль перекидного моста.

Нужное мне РСУ я отыскал быстро и наугад. Зашел по пути в недействующий храм, который глубоко врос в насыпной вал. На стене было написано, что храм собирает пожертвования. Я осмотрел все три двери, на них висели замки, но где-то далеко в глубине храма бубнили мужские голоса...

Поднявшись на перекидной мост, медленно прошел с той стороны на ту сторону реки, — прошел как будто из одного мира в мир другой.

КАРТИНЫ ЛЕСА

Клад земной, кормилец, спаситель наш, радость, сказка, легкие земли, праздник природы, золотой, величавый, говорящий, поющий — какими словами восторга и почтения только не наделяли лес мои родители и односельчане в разговорах о лесных благах и дарах, о чудесах, кра-

соте и богатствах леса! Русские земледельцы испокон веков любили, боготворили и молились на лес днем и ночью, летом и зимой, в непогоду и в пору природного благоденствия.

Великий знаток духовного и исторического опыта русского народа, его преданий и верований Александр Николаевич Афанасьев в своем объемном труде «Поэтические воззрения славян на природу» писал: «...все растительное царство представлялось древнему человеку воплощением стихийных духов, которые, соединяя свое бытие с деревьями, кустарниками и травами (облекаясь в их зеленые одежды), чрез то самое получали характер лесных, полевых или житных гениев».

Емко осмыслено и выражено, точно подмечено, что человек и природа едины, неразделимы и одно без другого немислимо на Земле.

Я родился в лесу. Наша деревушка в сорок с лишним дворов полностью окружена тайгой: к огородам с одной стороны, от речки Канарайки, поступают островерхие ели, с другой — пышные сосны, березы, лиственницы. Среди улицы по сию пору выпирают из травы остатки пней этих дерев. Корчевкой занимались первые поселенцы в начале двадцатого века, в пору столыпинских переселений. Родители мои приехали из Псковщины в 1929 году и срубили себе на краю леса избу. Потом срубили попросторнее в 31-м году, ту, в которой я родился. Ее также нет, разобрали и увезли на баню или стайку — было это в начале шестидесятых.

Поля наши струковские за поскотиной раньше значились крестьянскими наделами, они и при колхозе, с тракторной обработкой, разбросаны небольшими участками — где полоса, где клин, где грива, отвоеванные рубкой и корчевкой у тайги и болотин — зона невыгодного земледелия.

Одним краем, вятским, деревня упирается в густой лес, который переходит в суховские боры, смешанные и ленточные, другим краем, глухим, уходит в густую тайгу из сосен, елей, пихты, кедра, березы, лиственницы вместе с непролазным подлеском — и эти дебри тянутся до самого Енисея верст на полтора, а может, и все двести. Никто этого не мерил и не знает, хотя, по рассказам и былям, бывалые охотники и следопыты за соболем, белкой и птицей доходили до берега великой реки.

Самое первое впечатление детства от встречи с лесом — это огородные березки и среди них лужайки, усыпанные

красной клубникой, которую мы с сестрой Анькой срывали и клали в рот — ягода удивительно вкусная и душистая. Огород у нас был большой, с гектар, наверное, но пашня под картошку, капусту, турнепс, брюкву занимала соток 25—30, остальное огороженное жердями пространство зарастало травой и кустарниками — шиповником, черемухой, березками. Сена накашивал отец несколько копен. По краю пахотного клина мать сеяла полоску льна. Дергала, когда он поспевал, вымачивала, раскладывала в рядки, мяла, трепала, делала пряжу, из которой ткала холсты. Рубаху, штаны я носил все детские годы только холщовые, другого материала не было или, скорее, он недоступен был нам от постоянного безденежья.

Бывало, сорвешься с дерева, повиснешь на суку за штаны или рубаху — так и висишь, пока кто-нибудь не поможет. Крепкая одежда и для тела, кстати, полезная.

В памяти стоит до сих пор ярко-голубая полоса льна — великолепие это завораживало, словно на землю небо опустилось.

За огородом возвышался густой ельник, попадались пихты, кедры, тальниковые заросли. Весной, как только стогнало снег и ярое солнце согревало землю, мы лазили в этом ельнике по кочкам, искали первые стебельки черемши. Какой же чесночно-пряный аромат оставляли они во рту — это тоже одно из неизгладимых впечатлений детства!

Когда черемша распускала листья, мы сумками таскали из болот, мать сушила, солила ее, как капусту, впрок на долгую зиму. А свежую ели со сметаной каждый день.

В знак почтения к черемше, я ее и сейчас выращиваю целую грядку. Корешков привез однажды из своей далекой и родной деревни Струково Красноярского края. В наших тюменских местах черемша растет за Тобольском и в других районах средней полосы. Это растение по праву носит название — комбинат витаминов.

Картин леса я держу в своей памяти очень много: побывать удалось на Дальнем Востоке и в Якутии, в Кузбассе и других сибирских регионах, включая многие города и села родного Красноярского края, на Кавказе и в Крыму, в Подмосковье и средней полосе России, в Питере, на Псковщине и в Прибалтике. О нашей огромной Тюменской области не говорю, я ее объездил и облетел вдоль и поперек множество раз.

Но самые яркие впечатления и воспоминания, которые постоянно ношу в памяти и часто вижу во сне, — из

военного и послевоенного голодного детства. Добывать еду приходилось везде, но спасительную пользу давал, кроме огорода, прежде всего лес, лесные уголья, поля, река и озеро.

Не могу до сих пор уразуметь, что же нас с малых лет влекло в лес: красота, простор, величие, таинственность? Несомненно, потому что лес с первого мгновения, как только в него попадаешь, завораживал, околдовывал. Но нами двигало, мы всегда держали в своем практичном деревенском уме, стремление — это что-нибудь найти, отыскать, добыть полезное для вечно голодного детского нутра. А если шире смотреть, с оглядкой на пережитое и испытанное, — это свобода делать в лесу все, что хотелось. Дети, да и взрослые, в лесном царстве преображаются, одухотворяются умом и сердцем, попросту говоря, шалеют.

В добыче съестного мы были очень изобретательны и сведущи — наверно, тут действовал подсознательно закон биологического выживания, поскольку в сельской и особенно глухой таежной местности люди получают буквально с молоком матери всю информацию о том мире, где им предстоит обитать, весь набор привычек, знаний и умений, что тебе — польза, а что — вред, что можно, а чего — нельзя.

Весной, с появлением первой зелени, мы гурьбой общаривали окрестные болотины и поляны, лакомились цветками медунок, клевера, одуванчиков, марьяна корня, ту же черемшу, дикий лук, чеснок, горстями жевали зелень лиственницы, по-нашенски ее называли капусткой. Кроме того, лиственничной белой губкой, наростом на стволах, мать стирала белье, как мылом, а из гриба-трутовика мы вываривали в щелоке и добывали коричневые волокна-ватку для высекания чикалом огня — трут этот дымился от искр, а потом, когда помашешь рукой или подуешь губами, и загорался. Спичек в годы войны не было.

Но особенно привлекательна и вкусна сера лиственницы, мы ее добывали разными способами: лазили по стволам, ковыряли светляки, пилили, жгли дерево, чтобы упало, и запасались смолевым корьем, которое дома топили на огне в чугунах и горшках, получали изумительную жвачку — она укрепляет зубы, лечит желудок и многие другие болезни и недуги. С сегодняшней, искусственной, которую я в рот не беру, и сравнивать нечего.

А дрова лиственничные... ах, дрова! Это чудо, от них дух по всей избе, и жар пошибче, чем от березовых. Сложенные вдоль заборов поленницы назывались у нас кострами — костры дров на всю долгую зимушку...

По мере поспевания лакомились мы пучками, молодыми шишками и кашкой сосен, елей, березовую мездру добывали, рыли клубни саранок, корни лопуха, пекли грибы на прутиках — чего только не перепробуешь за короткое, дивное лето!..

А лесные забавы описывать... их было уйма, разных, неожиданных и смешных. Например, любили мы соревноваться в том, кто дальше пустит струю. Переняли, разумеется, эти чудачества от взрослых, на полевых станах и вечерках взрослые парни и мужики вытворяли и не такое под общий гогот. Или такая дурацкая шалость: забирался на деревья и пускали ту же струю или какашки спускали... и каждый должен избежать, чтобы не оставалось следов на дереве, спускаться ведь все равно придется. Смех от этой сельской дури разбирал, но с взрослением все уходило и забывалось.

Летом, особенно в хорошую погоду, мы часами пропадали в лесу, собирали ягоды, грибы, жгли костры, качались на молодых березках. Ни комары, ни клещи нам не были помехой. Вопьется, бывало, клещ, выдерешь его с кровью и раздавишь, никакой заразы от них тогда не получали люди.

К середине войны худо было с дровами, их не хватало ни зимой, ни для летних протопок. Мать и мы с сестрой с весны заготавливали, пилили дрова, складывали в поленницы, а потом возили на тележке, на санках. Иногда лошадь выделял колхоз. Отец болел и не слазил с печи, братья воевали.

Мать посылала меня в летнее время за сухими сучьями, но часто получалось так: прошаришься с ребятами часа три, а то и полдня, прогоняешься за белками или бурундуками, и приволокешь пару сучков, за что, конечно, получал нагоняй полотенцем или тряпкой, ну и ругань — ее я боялся еще больше.

Несколько раз я блудил в лесах — это страшные ощущения: идешь-идешь, оглядываешься во все стороны, продираешься, а заросли шиповника, чертополоха, кипрея все гуще и непролазнее. Куда двигаться, где дорога или тропка, просвет, жилье? А сверху все темнее и темнее от туч... и дождик накрапывает, шуршит в ветках — страх

и растерянность. Спасение получал от лая собак или замычит корова, а то случайный стукоток железа — оказывалось все рядом, не так и далеко ты забрел...

Любили мы сооружать в укромных местах леса шалаши и подземные укрытия — натаскивали на ямину или возле корневища упавшего дерева валежнику, прикрывали ветками, мхом. Настилали травы — получалось хорошее жилище с постелями.

Однажды в шалаше нам пришлось заночевать. Бабка Демидиха, жившая в избенке за конторой, подняла шум, прибежала к матери: в ее огороде вырвали полгрядки морковки, обобрали огурцы. Подозрение пало на нас — на меня и моих соседей-друзков Витьку и Ваську. Мы сбежали в шалаш, хотя по грядкам в этот раз не шарились. Но зато в это же утро Витька и Васька украли гуся возле речки, унесли его в шалаш и отрубили ему голову.

Полдня мы обскубали этого белого гуся, потрошили, разделявали топором и ножами и поджаривали на углях костра. Даже солью запаслись.

Наелись жареной гусятины от пуза. Наутро доели, кости зарыли в землю и снова залегли в шалаше.

Но вскоре слышали перекрики и свист — нас искали, не иначе. Мы не отзывались из-за боязни расправы за гуся.

Явились мы домой только после обеда. И мне попало. Мать рыдала, трепала голиком по спине — жалко мне ее было до слез. Анька больно стегнула несколько раз веревкой по задку. Отец молча курил и кашлял на печи.

А первое воровство мы совершили несколько дней назад втроем же: стянули прямо из печки у Платониhi горшок с овсяной кашей, которую тут же за ее огородом и слопали пятернями. Горшок, правда, подбросили во двор. Часто шарились и по грядкам, но рвали все аккуратно, чтобы только поесть той же морковки или брюквы. Действовали по старому неписаному закону: овощ с чужой грядки всегда вкуснее.

Было у меня и третье и, слава Богу, последнее пакостное воровство, когда я на рынке Тасеевском вытащил из кармана фуфайки у одной женщины пятьдесят рублей. Тогда мне шел двенадцатый год. Я сразу же смылся, но плач женщины долго слышал в толпе, он меня пронимал до дрожи в ногах. И я дал себе слово никогда больше не заниматься воровством. Клятву эту помню и соблюдаю до сей поры.

Хотя по чужим огородам иногда лазил в компании сверстников, называли мы эти ночные похождения охотой, особенно привлекали всех подсолнухи и мак.

Еще в те теперь далекие детские годы замечал, что в лесных чащобах любят бродить не только люди, но и домашние животные. Из дворов деревни, помню, часто уходили в лес свиньи, овечки, собаки, кошки и скрывались там по нескольку дней или недель, а то и месяцами пропадали. Из нашего дома убегали три кошки, две бродили по нескольку дней и возвращались, а потом снова скрывались. А серый кот Пушок однажды исчез на все лето и явился только осенью по снегу, весь изувеченный: без ушей, хвост наполовину отгрызен, передняя лапа тоже изломана, на спине следы ран и укусов. Залез с моей помощью на печку и лежал дня три, к еде не притрагивался несколько дней.

Сбежала один раз и корова Краснуха — было это весной 44-го года, я хорошо запомнил. Она должна вот-вот телиться, ждали молока, сидели впроголодь, а она взяла и исчезла. Мать стонала, рыдала, молила Бога, чтобы не наказывал, чтобы... Боялись, что вдруг объявится медведь и задерет, как в 30-м году однажды появился в деревне и уволок из стайки корову у чуваша Яшки, жившего на самом краю у леса в избенке. Или нападут волки, их развелось, перебежали в Сибирь с Запада, где шел фронт. В стайки забирались за овцами и телятами, корову зимой разодрали в поле за поскотиной.

Мы ходили целыми днями по окрестным лесам, проверяли в соседних деревнях Красивом и Верхнем Канарае, может, к какой ферме прибилась, — пропала наша Краснуха!

Нашли кормилицу только на пятый день в дальнем таежном углу.

И с теленком! Бычок полностью походил на мать — такой же красный, на лбу пролысина и задняя нога с белым чулком. Скрывались они под вывороченным корневищем ели. Привели во двор беглецов и пол-лета не выпускали Краснуху из пригона, кормили сеном и зеленой травой, которая скоро пошла в рост.

Но не повезло в тот год ни нам, ни Краснухе — осенью ее увели со двора уполномоченный и налоговики за недоимку. И мы остались на голодное вымирание. Отец совсем высох и скончался от истощения на печи.

Об этих бедственных временах я писал в рассказах и записках документальных — всякий раз вспоминаю с болью в душе о тех голодных военных летах.

Самое яркое и тревожное впечатление оставляют лесные пожары. Я их видел на Дальнем Востоке, в Кузбассе.

В своей родной деревне мы, школьники, тушили лесной пал, который с разных сторон подступал к школе. Ветер менялся, и пламя подбиралось то к сарайкам школьным, то перекидывалось и уходило к кладбищу, по-нашему, к могилам.

Школа наша, стоящая на отшибе за огородами, чуть не сгорела, так как сосняк густо рос в каких-нибудь десяти метрах от здания из бруса, крытого дранкой — все из смолистого сухого дерева. А тушить набегающие огненные полосы было нечем, воды близко нет, хлестали ветками, палками, топтали ногами, под рукой оказалось только две лопаты. Страшно метались все, орали, задыхались в дыму, но все-таки отстояли родную школу.

За полыханием лесных пожаров наблюдал и в наших северных городах Ноябрьске и Надыме, в его заречной старой части — опустошительные пожарища, низовые и верховые, уничтожали за часы десятки и сотни гектаров прекрасных угодий — ягодных, грибных и ореховых.

В Новый Уренгой первый раз я приехал с журналистским заданием в 1976 году. Так называемый пионерный поселок только-только зарождался: построено было три двухэтажных дома под контору будущего треста, гостиницу и общежитие. Рядом разбиты палатки, расставлены передвижные вагончики, бочки.

Вдоль всего берега речушки Ево-Яха красовался полукруглой полосой километра на полтора густой лиственный лес, только что покрывшийся зеленью. Я ходил по этому первозданному приполярному саду, любовался причудливыми разводами мха, лишайников, неведомыми мне белыми пушистыми цветками, которые цвели на закрайках берега, а по склону речки лежали белые сугробы снега.

Картина причудливая, неповторимая, только в крае вечной мерзлоты можно такое наблюдать. На синем небе красовалось огромное Светило — оно не заходило за горизонт ни днем, ни ночью. Царствовал Полярный день.

В свободные часы я ковырял складешком смолу с лиственниц, бродил, наслаждался первозданными картинами тундры, испытывая восторг и трепет душевный. Давно подмечено, что природа Севера оставляет самые неизгладимые впечатления.

А когда прилетел в Новый Уренгой на будущий год в эту же пору, картина предстала другая: домов было поставлено десятка два, обозначилась даже улица, огорожены территории промбаз, в небо упирались две трубы ко-

тельной, рядом подсобки и складские помещения. Палаточный городок перенесен далеко на песчаный бугор.

Но вместо лиственничной рощи на береговом изгибе остались на сером песке глубокие полосы от машин и тракторов.

Пустыня, разор, погром природы северной Земли, которая рождала и творила чудо тысячелетия, а повергнута в прах!..

Как напоминание о былом у больничного домика за штакетником осталось несколько деревьев... Обгоревший хлам столкнут в речные вымоины, здесь же на склонах берега — полосы ссыпанного мусора, бутылки, консервные банки-склянки.

Грустно было смотреть на все это и вспоминать прошлогодние картины.

Лиственница в условиях полярной зоны растет очень медленно и трудно, стойко и упрямо выдерживая страшные перепады и погодные невзгоды — это реликтовое дерево. Дерево-комбинат, которое может приносить людям огромную пользу, поэтому на него надо молиться, а не уничтожать, губить в своей бесхозяйственной безоглядности. Но история ничему нас не учит, у нее один опыт — горький.

И поэтому гибнут, именно гибнут огромные природные богатства на нашей прекрасной Земле вокруг компрессорных станций, вдоль газо- и нефтетрасс, рядом с поселками и городами — неисчислимые потери несем мы. Создаем притом иллюзии, что мы добываем и получаем якобы дешевое топливное сырье, на самом деле безоглядно опустошаем природу, живой мир и создаем условия для биологических катастроф.

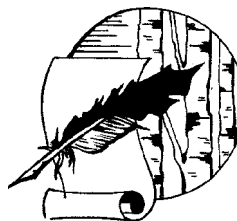
А русичи, наши давние предки, не забывали о среде своего обитания и упреждали: «безлесье — неутоже поместье».

Так что же такое для нас лес? Что мы знаем о нем, кроме того, что его надо рубить? Да, рубить его можно и нужно, но с умом и расчетом, чтобы он рос лучше, больше, быстрее. И отношения должны строиться всегда и всюду — живое к живому.

Вот такие картины леса я ношу в своей душе и памяти — как Божью благодать.

ПОЭЗИЯ

Александр ИВУШКИН

ОСТЫВШИЕ ПЕЧИ

О РУБЛЕ И ЛИРЕ

Поэзию считают нерентабельной?!.
Какая чушь!.. Как можно, господа?..
Она ж покруче всякой связи кабельной:
сквозь времена идет к нам и — всегда.

Известно, что при жизни был убыточен
в России гений Пушкина А. С.,
хоть слог его уже тогда был выточен,
как изумруд, сияя до небес.

Как оценить,
        каким мерилom вымерить,
труд гения, смотрящего вперед?
Его строку уже рублем не вымарать,
так глубоко ушедшую в народ.

Теперь его — хоть золотом одаривай! —
ему живые деньги не нужны.
Он сам давно кормушкой государевой
стал у богатой и большой страны.

МЫ — САМИ С УСАМИ

Пишу все больше о былом.
О том, что вновь не возродится.
Русь, как подстреленная птица,
кровоточащим бьет крылом.

Ей вновь пытаются вживить
реформы чуждого устройства.
Но Русь свои имеет свойства —
чужим умом не хочет жить.

Не хочет под диктат извне
жить и потворствовать указке...
Как дева красная из сказки,
она как будто в долгом сне.

Бессильны лорд или визирь,
заморским снадобьем балуем.
Ведь только русский богатырь
ее разбудит поцелуем.

Пусть всяк желает нас судить,
державший совесть на обмане,
но с фигой, спрятанной в кармане,
к нам нету прока приходить.

* * *

Мы еще себя надеждой тешим,
речь родную, как родник, храня.
Любим домовых, внимаем лешим,
в русскую загадочность маня.

Мы еще в свою Россию верим —
в ту свою, которая была!
И другим аршином правду мерим —
с флагом без двуглавого орла...

Мы с тобой из золотого века,
где ценили верной дружбы знак,
где еще любили человека
не за деньги, а за просто так!

Мы с тобой безбожно устарели,
но, наверно, этим и горды,
что — умеем слышать птичьи трели
и не прочим недругам беды!..

ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ

Что могу рассказать
о родимой деревне,
где уклад прежней жизни
растаял, как дым?..

Там грачи вечерами
качают деревья
и буянят ветра
по задворкам пустым.
На подворьях не слышно
буренок мычания,
не разбудит на зорьке
сигнал петуха.
Там хранится
обет векового молчания
и дорога пылит
в двух шагах от греха.
И как будто притихли
в лугах коростели,
и скучают покосы
по звону косы,
и никто не просушит
на пряслах постели,
и не видит никто
предрассветной красы...
Увели от меня
и меня не спросили —
край любви неизбывной
во веки веков.
Но — без русской деревни
не будет России,
помутнеет водица
ее родников.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вновь на деревню
дачники наехали:
попить, поколобродить да поспать!
И вдруг мои соседи — не для смеха ли? —
наследный клин свой начали копать.

Пластают землю
ржавыми лопатами,
по пояс для загара оголясь.
И я гляжу за шумными ребятами,
на неумелость ихнюю не злясь.

Пушай потеют.
Может, польза вызреет
по осени, к исходу сентября.

А, может, и любовь к земле выдают —
ничто в трудах не пропадет зря.

РУСЬ НОВАЯ

Там — не твое!
И тут — не трожь!
Туда — нельзя!
И здесь — закрыто!..
Россия стала, как корыто
для хищных и надменных рож.

Земля и недра, вода и лес,
товаром ставши дешёвым,
теперь доступны только «новым»,
у коих в «праведниках» — бес!

Куда ни кинь — кругом запрет!
В России новой и безбожной
теперь и жить едва ли можно —
коль честен, так себе во вред...

В своей родимой стороне
живём бесправно и уныло:
землица — даже под могилу! —
и та, как нефть, растёт в цене.

Виктор ХОРОЛЬСКИЙ

ГНЕВНЫЕ СТИХИ

НАЦИОНАЛИСТ

Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ.
Н.В. Гоголь

Русь-тройка, стой!
Несёшься ты в обрыв,
а простакам всё сны благие снятся,

когда народы, распри позабыв,
в великую семью объединятся.
И те объединяются, и те —
из битого стекла нам делать клизму,
а нас зовут к какому-то интер-
уступчивому национализму.
Мечты врагов Руси почти сбылись.
Русак!

Ты чуешь на себе оковы?
Я поневоле националист
и ничего не вижу в том плохого.
Пуškai приходит в русский дом любой.
Считать себя захватчиками бросьте.
И будут мир, согласие, любовь,
лишь помните,
что вы в России — гости.
Угаснут быстро злоба, распри, месть,
и зарастут бурьяном все траншеи.
Гостеприимны мы,
не надо только лезть
хозяевам в квартире их
на шею.

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ

Подвал без окон.
Вот «уют»!
Я в магазине странном.
Здесь по дешевке продают
одежу ветеранам.
Имеет кое-кто навар.
Трусы, халаты, брюки...
Тут отпускается товар
на вес,
а не на штуки.
Смотрю вокруг по сторонам.
Нельзя ударить хлеще:
Берлин прислал на бедность нам
поношенные вещи.
Представьте,
как усы крутил
с высокомерьем прусским

чиновник,
                    что дарил утиль
нам,
                    победившим русским.
Прислав потертое драньё,
в иезуитском стиле
за поражение свое
нам немцы отомстили.
Унизили в моем лице
Россию.
                    Что творится?
Чтоб я,
                    я, русский офицер,
носил обноски фрица!

МЫ — РУССКИЕ

На просторах березовых ситцев
иссякают живые ключи.
В разноликой толкучке россиянцев
русский русского
                    отличи!
Да, как видно, ты прав был, княже.
Хоть мы те же, что в той глубине
наши предки, кричу всем я же:
— Русский русского
                    возлюби! —
Ныне в доме своем мы гости,
нас теснят, мы сдаем рубежи.
В шовинизме винить нас бросьте!
Русский русского
                    поддержи!
Да сплотимся в кругу монолитном!
Порознь легче врагам нас бить.
Брат по крови! Ну что делить нам?
Русский русского
                    не обидь!
Между нами враждебность сеют,
мнят нас лбами столкнуть в пути.
Вспрянем дружно громадой всею!
Русский русского
                    защити!

Иван ТЕРТЫЧНЫЙ

ЗАТУМАНИЛСЯ САД

* * *

Всего-то нам со дня рождения
Дано с лихвой:
И бедствия, и утеснения.
И вечный бой.

С немалой щедростью отпущено
Душе стократ:
Родство с полями, речкой, пущею,
Любовь и лад.

И сизмальства нам неурочное
Дано навек:
Большое небо полуночное
И лунный снег.

ВОРЧАНИЕ ИВАНА МАТВЕЕВИЧА

— Страна-то большая, да мало большого народа.
Вокруг недомерки. Повымерла, что ли, порода?
Ни лиц яркоглазых, ни гордой, красивой походки.
Какие-то хмурые дядьки и хмурые тетки.
А где же гвардейцы? А бойкие крепкие девки?..
Отборного нету зерна. Шелуха да обсевки.
Я больше скажу... Я тютюкать, ты знаешь, не буду.
Забыл, как молились, считай, как один, на иуду?
Себя позабыли — забыли и Господа Бога.
И хочешь, чтоб добрая нам приоткрылась дорога?

Иди, правдолюбец, вдохни на крыльце кислорода...
Страна-то большая. Да мало большого народа.

* * *

С.М.

Оттуда,
Где пахнет простором и снегом,
Где птичьи звенят голоса,

Приходишь домой человек человеком,
Наполненный светом, щебечущим эхом,
И верящий вновь в чудеса.
О сколько их было за далью холмистой
Для слуха и юных очей!
Набеги поземки... Рождение листьев...
Сияние полдня... Бурление свистов...
Дыханье огромных ночей...
Цветенье любви, и надежд, и мечтаний...
О сколько... о сколько всего!

Приходишь домой — и на телеэкране
Ты видишь окно и кусточек герани,
А там, за окном, и себя самого.

* * *

На январском берегу
тихо-тихо, ни гугу.

И куда ни глянешь — сплошь
белизны немая дрожь.

И такая красота,
и такая пустота, —

что дрожит живое слово
у безмолвного куста.

* * *

Зима закончилась вчера.
Такие вот дела.
Пора, в поля идти пора
На запахи тепла
И на трезвон небесных птах,
И на призыв воды.
Какая даль! Какой размах
Светлейшей высоты!
И вспоминаются слова,
Забытые зимой:
Скворец, черемуха, трава,
Пчела, ополье, зной...

* * *

Оглянувшись окрест, понимаешь: весна неминуча.
Оседают сугробы, слабеют тяжелые льды...
Разыграется солнце, поднимется шумная буча
У грачей и в потоках беспутной кружащей воды...

Ну а дальше... А дальше пойдет и пойдет по порядку
Черeda происшествий, затей и отрад:
Невеликий росток освежит перепревшую грядку,
Затрепещет скворец, затуманится к вечеру сад...

И какие там пальмы!.. Какое блистание юга!..
Ты овеян предчувствием долгого чуда — весны!
...Затуманился сад — запылила последняя вьюга,
А блескучие звезды, однако, мерцают, видны.

Анна ПАВЛОВСКАЯ

СОВА

Как лопается в лампочке вольфрам
И в трещину простреливает воздух,
Погасшей просыпаюсь по утрам,
И выдыхаю вакуум бесслезный.

Все тот же день стоит в моем окне,
Как будто нарисован на стене.
Я там, во сне, иду судьбой другою,
И если я теряю там, во сне,
То наяву мне тоже нет покоя.

Закрыта в конуре со всех сторон,
Живет душа, закручена в патрон,
Как лампочка, и выдает свечение
Особое ее предназначенье.

Войди теперь в игольное ушко,
Срасти теперь вольфрамовые нити,
Чтоб, как цыпленок, обрасти пушком
Сиянья восстановленных событий.

За окнами изменится картина
Дождь хлынет, и затикает «Бриге».
Как паутину, разомкну гардины,
Увижу — мир висит на волоске.
Да нет же — это просто пуповина.

Под зонтиками, струйками обвиты,
Колышутся в прозрачной скорлупе,
Как эмбрионы, ото всех закрыты, —
В дожде, в заботах, сами по себе.

Домой спешат, канавы обходя,
Ютятся под навесом безысходно.
Глухое одиночество дождя.
Нечаянное братство непогоды.

Пока я днем отчаянно живу,
И ночью током в проводах плыву,
И там, и тут барахтаясь в болоте,
Событие, заключенное в сову,
Скользит в бесшумном тающем полете;

И, наставляя круглые глаза
За тысячи и сотни километров,
Следит за мной, оставшейся без света,
И оглашает хохотом леса.

Я не любитель мистики, но я
Подозреваю сущее бок о бок.
С чем завтра зарифмует жизнь тебя,
Как эти спички в «Берегах» Набоков.

И скоро ли узнаю я, к чему
Мне рифмовать огромную сову,
Что поселилась на пустынной даче.
Соседи сообщили чуть не плача —
Хохочет и беснуется в дому.
И вообще, что это может значить?

Они снаружи всматривались в дом —
Чтобы узреть нарушивших владенья,
Но увидали крылья за окном
И круглых глаз колющее свечение.

Я принимала птицу за гонца,
Я думала, что это дух отца,
Какой-то знак, мне переданный свыше.
Я видела, как птица на ловца
Бросается из потаенной ниши.

Ее сквозь мешковину обхватив,
Что я тогда в руках своих почую?
Или она, предплечья закогтив,
Перенесет меня в страну ночную?

Так долго я стояла на крыльце
С одервеневшей маской на лице,
Ключи из рук дрожащих выпадали,
Как будто эту дверь заколдовали.

Я многое хочу тебе сказать,
Хоть многое немислимо понять —
Такие происходят измененья,
Так быстро наступает запустенье,
Да что сказать — хочу тебя обнять,
Да что обнять — увидеть на мгновенье.

Но я в окно боялась посмотреть,
Как в страшном сне бывало, что из дома
Прильнет к стеклу любимое лицо
С улыбкой равнодушно-незнакомой.

В конце концов совпал с ключом замок,
И, дрогнув, я шагнула за порог,
И мертвая сова у ног лежала,
Закрыв глаза крылом, как одеялом.

Хоть на двери суровые засовы,
Крепки ворота и высок забор,
Здесь ночью жутко — бор шумит сосновый,
И слышен переклик ночных сестер,
И треск любой звучит как заговор.

Поэтому с решетками литыми,
С лепными изразцами именными
В гостиной установлен был камин.
Мы подолгу сидели перед ним,
Когда ломился криками глухими
Сосновый бор за окнами ночными.

Густые белорусские леса!
С обманною травю заболотья!
Мы шли, заткнув ножи за пояса
На белые грибы, и те места
Не в памяти моей уже, а в плоти.
Как клекот аиста и береста,
И папины рассказы об охоте.

Он мерил на аптекарских весах
Дробинки, порох.
На моих глазах
Пустые гильзы превращал в патроны
И закрывал ружье в футляр граненый.

Еще был нож — оленьего копытца,
С изящной рукояткой, и глубоким,
Как позвоночник гибким кровостеком;
Был перочинный — менее мизинца —
С янтарной инкрустацией зверинца,
«Бриге» с орлом, охотничий бинокль.

Не все, не все, еще вещей немало
Живых и необычных открывала
В шуфлядках и в шкатулках потайных.
В обложке «Сталин» — полный свод молитв.
Коробка слайдов, снятых у Байкала,
Северомуйск. Мы с мамой. Мы без мамы.
Тайга. Багульник...
Папы нет на них.

Он приносил дородных глухарей
С багровыми сердитыми бровями,
Пятнистых куропаток, селезней
Выкладывал на стол между ветвей
Малины с отягченными кистями,
С разломанными шляпками груздей
И скомканных лисичек с пауками.

Над мертвой птицей в доме опустелом
Я просидела долго. Вечерело.
Я вспомнила все наши вечера:
С учебником сидела там сестра,
Здесь мама на плите олады грела,
И звук шагов отцовских со двора.

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Сергей ЩЕРБАКОВ

* * *

Я сплю под иконами в бабкином доме,
Закаты встречаю парным молоком,
И долго валяюсь на теплой соломе
Почти что в обнимку с веселым телком.

А старая бабка проснется с рассветом,
Корову подоит и вымоет пол
И, словно в подарок от щедрого лета,
Две чашки клубники поставит на стол.

Нарвет для салата хрустящего луку,
И, стол приготовив, — не съесть и троим,
Расхваливать станет любимого внука
Шумливым и добрым соседкам своим.

Родных да любимых мы судим нестрого:
Мол, ростом удался, умом не дурак.
Одно только плохо — не верует в Бога,
Да что с ним поделаешь — ладно и так...

Вздыхнет тяжело: «Не видать ему рая»,
Поправит привычно часы на стене,
И молится Богу, и верит, родная,
Что вымолить сможет прощение мне.

УНЖА

Плыли тяжелые бревна.
Плыли вразброд и недружно.
Плыли так медленно, словно
Все это было не нужно.

Нехотя лезли на мели,
Неторопливо тонули
Бывшие сосны да ели
С тихой мечтой об июле.

Плыли привычным укором,
Летом и осенью плыли
Вдоль берегов, по которым
Бревна такие же гнили.

На лесосеках с лихвою
План выполняли бригады.
Им за плывущую «хвою»
В клубе вручали награды.

Что-то душевное пели
Парни на местной эстраде.
Мы в ресторане сидели,
Ели треску в маринаде.

Там на подвешенном блюде
Глупо намазана стерлядь.
Все мы — хорошие люди.
Что нам, хорошие, делать

С этим загубленным бором,
Брошенным в Унжу навеки,
С нашим привычным позором:
Портить красивые реки.

г. Москва

Валентин СУХОВСКИЙ

ОСЕНЬ В ОТЧЕЙ СТОРОНЕ

Еще не срок... Колючие снега
Не сыплются из глуби поднебесья
Над сиротливо зябнущим безлесьем.
Печально деревенское поместье,
Садами уходящее в луга.

Еще живые трепетны листы —
Не все сдались звенящей позолоте...
Я журавлей не слышал на болоте,
Но сердце ждет — они уже на взлете!
Кипрей, как снег, посеребрил кусты.
Не стекленеет росами туман —
По травам поздним сизоватый иней.
Последний рыжик, на изломе синий,
Я отыскал в поскотине пустынной
И, проводив гусиный караван,
Сорвал бруснику — теплинку зари,
И хрусткий мох, чтоб после в междурамье,
Когда хлопочет возле печки мама,
Брусника тлела зимними утрами,
Как за окном на ветках снегири.
Еще в лесок вчekanено жнивье,
Но холм оделся в черный бархат зяби.
Рокочет трактор. Старый тракт ухабист...
Среди дорожной слякоти да хляби
Сереет на заборах воронье.
Ручей студеный под горою чист,
Еще не скован стрежень у протоки
И лист не облетел с берез высоких.
Порой зима покажется далекой,
Но скоротечен день и вечер мглист.

г. Москва

Виталий СЕРКОВ

* * *

Птичка чирикнула где-то в кустах,
То ли от радости, то ли от страха, —
Звук восхищенья застыл на устах,
И на спине шевельнулась рубаха.

Что и за невидаль — птичка в кустах?!
...Все же застыли слова на устах.

Чаша луны в тишине растворилась,
Словно и не было в небе луны,

Крыша под инеем засеребрилась,
И посели под ним валуны.

Что и за невидаль — чаша луны?!
...Да заиграли слова-шалуны.

Зябко утрами ноябрьскими стало.
«Скоро ведь нечего будет клевать
Местным пичугам, — подумал устало, —
Вряд ли им хочется околевать...»

Что и за невидаль — холодно стало?!
Что и за невидаль — солнышко встало,
Кот заурчал и уютно и мило.
...А под лопаткою вдруг защемило.

* * *

А. Каберову

Устану от мыслей, прощать разучусь,
А душу заездят обиды —
Проселками памяти в юность умчусь,
Где грезы еще не разбиты;

Где печь да полати, а рядом безмен —
Весов незатейливый предок,
И дни не отравлены ядом измен,
И смех беззаботный не редок;

Где в старом овине стоят жернова,
А в горнице прялка с куделью,
И мысль о бессмертии так же нова,
Как детская тяга к безделью;

Где выгон истоптан стадами коров,
Где светлые мысли теснятся,
Где кажется тесным родительский кров
И рифмы ночами не снятся.

Пусть вечно там росы звенят поутру,
Земле помогая вращаться,
И я от обид и тоски не умру —
Мне будет куда возвращаться.

г. Сочи

Александр ОЛИН

* * *

Русь. Березы. Облака.
Журавлиные страдания.
Здесь грядущие века,
Здесь и древности преданья.

Всё смешалось, приросло:
Лик пресветлый, злое рыло,
Херувимово крыло
Плечи демона прикрыло...

Перепутаны пути.
За туманами — болота.
Ни проехать, ни пройти...
Ждет судьба за поворотом.

Потеряла берега
И течет по бездорожью
Жизни терпкая река:
Слово лжи и Слово Божье.

«Авель Каина убил...»,
«Серебра не брал Иуда...»
Я давно на всё забил.
Я давно ушел отсюда —

В Русь, в березы, в облака,
В журавлиные страдания,
Где грядущие века,
И минувшего преданья...

Не один сожжен кумир.
И летит планета криво...
Вот и вызрел новый мир
В чреве ядерного взрыва.

В берега войдет река.
На века минует лихо.
На планете — тихо-тихо:
Русь, березы, облака...

пос. Болонь Рязанской обл.

Антонина СПИРИДОНОВА

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ЗИМА

Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе.

А.С. Пушкин

На Крещение нет морозов,
Над Москвой грохочут грозы.
Говорят — так было встарь...
Но январь, а снег не выпал!
Зацвести грозитесь липа,
Отвергая календарь.

А в лесах ежи проснулись,
За грибами потянулись
Грибники под Новый год.
Ну, какие тут морозы!
Пахнет в воздухе мимозой
И всю траву растет.

Над Атлантикой циклоны
Все нарушили законы,
Штормовая кутерьма...
Правит нами время года
С очень странною погодой —
Земляничная зима.

г. Москва

Лидия ПАЛАМАРЧУК

* * *

Лишь только небо зеленеет,
Она, болезная, встает.
С привычной ношею своею —
Хромая — к кладбищу идет.

С утра кипит мирское дело.
Здесь у кладбищенских ворот

Она развешивает смело
Венки могильные... И ждет.

Давно ее подметки стерты —
Не обновить сапог худых...
Сидит и выжидает *мертвых*,
Чтоб дома накормить... живых.

Московская область

Павел КОСЯКОВ

ПОКАЯНИЕ

И даль вольна, и счастье кротко,
И купола в реке чисты.
Скользит задумчивая лодка
Сквозь отраженные кресты.

Легка печаль, пусты тревоги,
Прозрачны думы, ясен взгляд.
Как будто берегом отлогим
Безмолвно ангелы летят.

И все пути исповедимы,
И дух Руси неистребим,
Пока кружатся серафимы
Над покаянием моим.

ТОЧКА ОТРЫВА

Ни силком, ни в охотку
Не уеду. Не жди.
Я по самую глотку
Врос в грибные дожди,
В потемневшее поле,
В сиротеющий лес —

* * *

Ах цветочки-одуванчики
Жизни ваши коротки.
Восемь дней вы девки-мальчики,
На девятый — старики.

Я и вы как будто сродники,
Не страшит о нас молва.
Все казалось, что молоденький,
Глядь — седая голова.

Улетят пушинки с семенем
Род цветочный продолжать,
И мои сыны со временем
Станут бате подражать.

У МОРЯ

Наседая волне на плечи,
Мчится следом еще волна.
Берег к морю бежит навстречу,
Зацепившись за гальку дна.

Шум прибоя тревожит душу,
Ветер студит лицо и грудь,
И на шум, как на зов пастуший,
Волн барашки шурша бегут.

* * *

Ветер волнами море листает,
Словно глянцевого новый журнал.
И страницы в песке пропадают,
Те, которые он прочитал.

Нынче тоже до крайней страницы
Не прочтет, не осилит опять.
Не с того ли штормами он злится,
Что не может все тайны познать.

г. Одинцово Московской обл.

Михаил ЗАЙЦЕВ

ПЕТР I

Он смотрел на бегущие воды,
На холодный закат над рекой.
И текли друг за другом народы
Под его распростертой рукой.

Он не видел небес над собою —
Были слишком они далеки.
Над рукою своей и судьбою
Распростертой не видел руки.

* * *

Наша доля — чудна.
Наше небо — высоко.
Наша чарка — без дна.
А душа — одинока.

* * *

Сбилась с дороги моя страна.
В этом и горе мое и вина.
Не защитил я державу собой,
Начисто сдал неприятелю бой.
Стыд этот горше обиды любой.
Не защитил я державу собой.

г. Волгоград

Михаил АНТОНОВ

РОССИЯ XXI ВЕКА: ПУТЬ К МИРОВОМУ ЛИДЕРСТВУ

(ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СТРАНЫ НА
БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ)

Глава 8. ЩИТ И МЕЧ СУВЕРЕННОЙ РОССИИ

Элита особого рода

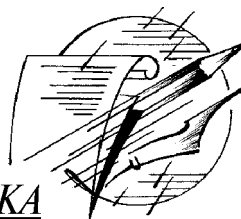
В свое время книга писателя Вадима Кожевникова «Щит и меч», повествовавшая о героических подвигах советских разведчиков в тылу гитлеровской Германии в годы Великой Отечественной войны, снятый по ней фильм, как и картина Бориса Барнета «Подвиг разведчика», зародили у подростка Владимира Путина мечту — стать разведчиком. Более того, они определили, что Путина, по его собственным словам, «без всякого преувеличения можно было считать успешным продуктом патриотического воспитания советского человека».

В советское время «щит и меч» служили эмблемой военных юристов. Но в действительности щитом и мечом надо считать Вооруженные силы государства, которые призваны обеспечить его надежную оборону, а в случае нападения врага — дать ему сокрушительный отпор и, если понадобится, добить его в его собственной берлоге.

Продолжение. Начало в №5-6 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В любом уважающем себя государстве армия (в широком смысле) — это главная опора общественного строя, служба в ней почетна, и ее командный состав — это часть элиты страны. Причем особая часть, как бы элита элит, потому что призвана служить государству, не щадя не только сил, но и самой жизни, быть готовой в любой момент вступить в смертельный бой.

Но армия не существует вне общества. Каково общество — такова и его армия. Но, кажется, есть два закона, определяющие ее состояние.

Первый закон: критерии успеха и карьерного роста различны в военное и в мирное время. Во время войны способности военнослужащего, особенно офицера или генерала, определяются тем, насколько успешно он бил врага. Поэтому быстро продвигаются по службе те, кто удачно проявил себя в бою. В мирное время боевые действия не ведутся, и состояние армии оценивается высшим руководством по отчетам глав военного ведомства и по четкости проведения парадов. Поэтому наиболее успешные карьеры делают борзописцы, очковтиратели и мастера муштры, а боевые офицеры изгоняются из армии или рассылаются по дальним гарнизонам.

Второй закон: когда государство на подъеме, народ одушевлен высокой идеей, в армию идут лучшие из лучших. А когда государство теряет смысл своего существования, народ утрачивает пассионарность, решающим мерилom всего и вся становятся деньги. Тогда и в армии вольготно чувствуют себя торгаши всех мастей, приватизирующие военное имущество и торгующие отсрочками от военной службы, а солдат превращают в новых крепостных, употребляемых на строительстве офицерских и генеральских дач.

В истории нашей армии в XX и в начале XXI века были разные периоды. В 90-е годы в правящих верхах (и, естественно, в армии) задавали тон люди с идеологией «шестидесятников», ненавистники нашей Родины. И не случайно обновление элиты началось с военных, точнее, со спецслужб. Пришли к власти Путин и члены его команды, о которых в одной статье в «Независимой газете» говорилось: им всем по 50 лет плюс-минус 5. Они сложились как личности в 70-е годы, в краткую эпоху последнего взлета Советской империи. Они успели ощутить величие своей страны, собственную причастность к ее историческим победам и достижениям. Поэтому им естественно быть государственниками.

В свете этого давался и ответ на вопрос: «Что происходит с Россией?» Уходят в прошлое натворившие бед шестидесятники — на их место приходят семидесятники, у которых есть свои минусы, о которых еще придется говорить. Но с оголтелым диссидентством правящих верхов у нас покончено и, думается, навсегда. И никакие «девяностники», о которых печется Кириенко (см. предыдущую главу), перспектив у нас не имеют. А значит, появляются основания надеяться на лучшее.

**Непобедимая и легендарная,
или «Почем нынче в Германии баранина?»**

В дни моего детства наши Вооруженные силы именовались Рабоче-Крестьянской Красной Армией и Красным Флотом. Тогда не было в СССР солдат и матросов, а были красноармейцы и краснофлотцы. Не было офицеров (после Гражданской войны это слово, как и его синоним «золотопогонник», долго было у нас ненавистным), а были командиры (комвзвод, комроты, комбат, комполка) и политработники (политруки, комиссары). Это в царской России и в армиях буржуазных стран были генералы и адмиралы, а в СССР — высший командный состав (комбриг, комдив, комкор, командарм, флагман флота). Там высшими органами управления вооруженными силами были военные министерства и генеральные штабы, а у нас — Народный комиссариат обороны и Реввоенсовет.

Слово «солдат» происходит от названия итальянской монеты «сольтди», которой военачальники расплачивались с воинами-наемниками. Давно уже во всех странах Европы была введена всеобщая воинская повинность, а название «солдат» так и осталось, что подразумевало взгляд на него как на «пушечное мясо». Боец РККА был не солдат, а красноармеец, то есть воин, «воодушевленный красной идеей и сознательно идущий под знаменем цвета крови, пролитой благороднейшими представителями человечества ради счастья всех людей труда».

Красная Армия была не просто армией, но и школой во всех смыслах — школой мужества, школой политической жизни. В крестьянской стране деревенский парень, призванный в РККА, овладевал не только оружием, но и грамотностью, основами политических знаний. Он верил в то, что «от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее!»

В 30-е годы намечается переход от армии революции к армии Державы, восстанавливаются прежние воинские звания (лейтенанта, капитана, майора, полковника, затем генерала и адмирала) и устанавливается новое — Маршала Советского Союза.

Та Красная Армия была уничтожена немцами в первые недели Великой Отечественной войны. В недавней интересной статье Л.Исакова «Гений Сталина» показано: Сталин уже в первый день войны почувствовал, что начальный ее период СССР проиграл, и в обстановке глубочайшей секретности, не делясь своим замыслом даже с ближайшими соратниками, взял курс на создание новой армии и новой промышленной базы. Отсюда и непонятные многим военачальникам его приказы держаться до последнего, не считаясь с жертвами, переходить в контратаки, лишь бы задержать противника, пока будут эвакуированы на Восток заводы, производящие вооружение. Красная Армия гибла в неравных боях (а более четырех миллионов наших воинов попали в плен), но выполняла свою задачу — задержать и обескровить врага.

Публицисты-«демократы» без устали трубят: Сталин поверил Гитлеру, а потому война оказалась для него неожиданностью. Это — сознательная дезинформация. Сталин знал о замыслах Гитлера — «план Барбаросса» лежал у него на столе уже через несколько дней после принятия. А на приеме выпускников военных академий 5 мая 1941 года (о чем мне рассказывал ныне покойный генерал Иван Владимирович Ковалев, как выпускник Военно-транспортной академии, лично там присутствовавший) он прямо говорил, что война, скорее всего, начнется уже в ближайшее время. Но он твердо знал, что длительной войны на два фронта Германия не выдержит, а Гитлер, если он на самом деле трезвый политик и полководец, не может строить расчет на идею «блицкрига».

Скандально известный автор книги «Ледокол», изменник Родины Резун в карикатурном виде представил работу нашей разведки в это время так: чтобы убедиться в том, что к длительной войне Гитлер не готовится, нашим разведчикам в Германии якобы было дано повергнувшее многих в шок задание... тщательнейшим образом отслеживать динамику цен на баранину. Секрет же задания был очень простым: если Германия готовится к длительной войне, то она должна начать шить миллионы полушубков, в результате чего из-за массового забоя овец цены

на баранину быстро пойдут на убыль. А так как цены остались на месте, то выходило, что к зимней кампании немцы не готовятся. Говорили также, что для решения той же задачи от разведки требовали добывать ветошь, использовавшуюся в вермахте для обтирки боевой техники, — по ней можно было установить, есть ли у немцев зимняя смазка. В реальности все было сложнее, но факт остается фактом: Сталин напряженно следил за приготовлениями Гитлера к войне против нашей страны. Что же касается даты нападения на СССР, то она несколько раз переносилась, и окончательное решение о начале войны Гитлер принял только в ночь на 22 июня, о чем он писал итальянскому министру иностранных дел Чиано.

Сталин не верил в миролюбие Гитлера, но не верил и в то, что тот окажется таким авантюристом. А то, что война пошла совсем не так, как мы представляли ее по фильму «Если завтра война...», объяснялось ошибками в тогдашней нашей военной доктрине, бахвальством и самоуспокоенностью руководства РККА, отсутствием у войск опыта боевых действий с широким использованием современной техники.

А откуда у них мог появиться этот опыт? До 1941 года руководство страны считало, что самая большая опасность нападения на СССР исходит со стороны Японии. Поэтому и наиболее подготовленная и наилучшим оружием оснащенная воинская группировка была сформирована на Дальнем Востоке. Дальневосточный военный округ был преобразован в Дальневосточный фронт уже в 1940 году, тогда как Западный и Киевский особые военные округа стали фронтами только в 1941 году, уже с началом войны. (Когда говорят, что битву под Москвой выиграли свежие сибирские дивизии, спешно переброшенные на подступы к столице, то вводят людей в заблуждение. Перебрасывались под Москву не какие-то мифические сибирские полки, а кадровые соединения Дальневосточного фронта. Огромная заслуга в формировании этих соединений принадлежала командующему фронтом генералу армии Иосифу Родионовичу Апанасенко. Этот патриот, выполнивший жизненно важную для страны задачу, не мог усидеть на востоке, когда страшные бои шли на западе. Он рвался в бой и, назначенный заместителем командующего Воронежским фронтом, был ранен и скончался как герой.)

Если кадровые соединения были сосредоточены на востоке, то западные военные округа комплектовались в

основном призывниками, часто поступавшими из сельской местности, многие из них впервые в жизни увидели паровоз только тогда, когда новобранцев отправляли к местам службы. Вооружение, огромное по массе (у западных границ было сосредоточено в несколько раз больше танков и самолетов, чем было у немцев), которым страна обеспечила свою армию, было плохо освоено этими еще только формирующимися войсками.

У нас до сих пор не было принято говорить о конкретных виновниках нашего страшного поражения в начальный период войны. С помощью развязанной Хрущевым кампании по разоблачению культа личности Сталина, вся вина за постигшую страну катастрофу была свалена на вождя, который якобы переосторожничал и не позволил генералам своевременно привести войска в состояние полной боевой готовности.

Не вдаваясь в этот вопрос, который должен послужить предметом специальных исследований, все же упомяну о двух источниках, в которых впервые рассказано о виновниках нашего страшного поражения в 1941 году.

Первым об этом убедительно, с использованием огромного массива документов, рассказал Арсен Мартиросян в своей книге «Трагедия 22 июня: блицкриг или измена? Правда Сталина». (М., 2006 г.)

Высшим руководством страны был утвержден стратегический план обороны на случай нападения гитлеровской Германии. Он предусматривал дислокацию войск недалеко от границы, но не в непосредственной близости к ней. Эти войска должны были измотать наступающего противника активной обороной, а затем перейти в наступление. Хотя к этому времени заговор военных, возглавляемый Тухачевским, был раскрыт и ликвидирован, и его участники расстреляны, концепция наступательной войны, разработанная этим кандидатом в Бонапарты, владела умами советского генералитета. Зная о том, что немцы сделали ставку на прорыв нашего фронта и окружение целых групп армий, нарком обороны Тимошенко и начальник Генерального штаба Жуков решили устроить противнику «вторые Канны». Они сосредоточили огромные массы войск в Белостокском и Львовском выступах, с тем чтобы взять наступающего противника в огромные клещи. А сами направления главного удара немцев, в особенности направление Минск — Москва, остались, по сути, без прикрытия. Что вышло из этой самодеятельности — хорошо известно.

Другим источником, помогающим понять причины наших неудач, стали недавно обнаруженные дневники маршала Семена Михайловича Буденного. Оказывается, вечером 21 июня 1941 года Сталин собрал высшее политическое и военное руководство страны, объявил, что на следующий день нужно ожидать начало войны, и спросил Тимошенко и Жукова, что они предполагают предпринять для отражения нападения врага. Эти два «героя» заявили, что в случае нападения врага тот будет разбит доблестной Красной Армией и выброшен вон со священной советской земли. Сталин сказал, что это несерьезно, и попросил Буденного высказать его точку зрения. Семен Михайлович предложил конкретные мероприятия: вывод войск на заранее подготовленные рубежи обороны, рассредоточение авиации и т.п. Сталин одобрил эти меры и поручил Тимошенко и Жукову составить и направить в войска соответствующую директиву. До сих пор остается тайной, почему эти два руководителя Вооруженных сил страны несколько часов составляли директиву, занимающую всего одну страничку рукописного текста, из-за чего она поступила в войска слишком поздно.

Это только несколько штрихов из того массива информации, который содержится в двух названных источниках и позволяет совсем по-новому представить ход событий в начальный период войны.

К этому следует добавить, что наиболее вероятной датой нападения немцев считалось 15 июня, и раз в тот день оно не состоялось, то в советском военном руководстве облегченно вздохнули («Кажется, пронесло!») и несколько расслабились — в самый неподходящий момент...

Воспоминание о первых днях и месяцах той войны навсегда останется одним из самых тяжелых даже для наших отдаленных потомков. РККА погибала. Но на смену ей приходила постепенно выраставшая Советская Армия — армия совсем иного рода, армия-державница. Пожалуй, острее других эту перемену почувствовали жители районов, сначала оккупированных врагом, а затем освобожденных: они проводили одну нашу армию, а встретили другую — в мундирах с погонами, почти повторявших дореволюционную военную форму. Победоносно завершив великую войну, СССР превратился в одну из двух сверхдержав планеты, а Советская Армия стала оплотом лагеря социализма, противостоящего империалистическому блоку НАТО.

Но СССР распался, и Советская Армия перестала существовать. Нынешняя Российская Армия — не революционная РККА и не сверхдержавная Советская Армия, а что же она такое? На этот вопрос ныне, наверное, не сможет ответить никто, в том числе и ее Верховный Главнокомандующий. И, тем не менее, не один год в России якобы шла военная реформа, тогда как на самом деле лишь сокращалась численность наших Вооруженных Сил и сводилась почти к нулю их боеготовность. Почему?

Говорят, что для проведения настоящей военной реформы в стране нет денег. Но это неправда. Еще никогда в стране не было так много денег, как ныне, еще никогда не велось столь широкое строительство целых элитных городков из генеральских дач, еще никогда не наживались такие гигантские состояния на распродаже военного имущества и военных секретов. И если бы сегодня власть смогла выделить на проведение военной реформы в десять раз больше средств, при сохранении сложившейся ситуации они так же ушли бы как вода в песок, сказочно обогатив немногих, но нисколько не улучшив положение в Вооруженных Силах.

Чтобы понять несостоятельность того, что именуется военной реформой, представим себе на минуту, что в СССР, государстве, в корне отличающемся от царской России, осталась бы без изменения старая армия с ее шагистикой, бесчеловечным отношением офицерства и генералитета к солдатам, засильем немцев в командном составе, особенно в высшем, и пр. Ясно, что такая картина совершенно немыслима. А вот российская власть умудрялась для страны, где поменялся политический и экономический строй, оставить армию, отвечавшую целям совсем другого государства, пытаясь как-то ее плавно реформировать. А в итоге получилась армия, в которой генералы чуть не поголовно воровали, пока была возможность обогащения, бесквартирные офицеры приторговывали оружием, чтобы обрести для себя и своих семей хотя бы временную крышу над головой и не умереть с голоду, а солдаты, измученные «дедовщиной», выходили на улицы городов просить милостыню на пропитание, и им было совсем не до боевой подготовки, для которой к тому же не хватало ни техники, ни горючего. Можно ли такую армию реформировать и сделать боеспособной?

Нельзя. Как же можно искоренить воровство и коррупцию в армии, если те же пороки процветали «на граж-

данке», в том числе и в следственных органах, и в высших эшелонах власти? Чем же генерал был хуже министра или «олигарха», считавшего допустимым запускать руку в государственную казну или бравшего взятки? Откуда у министра, получавшего 6 тысяч рублей в месяц и не имевшего права заниматься коммерческой деятельностью, появлялись банковские счета на миллионы долларов и дачи стоимостью по полмиллиона «зеленых» и более? И ни у кого из «гарантов» порядка в обществе вопросов на этот счет почему-то не возникало.

А главное — нельзя реформировать такую армию потому, что современный российский воин не может оставаться бездумным винтиком.

Почему на смену сознательному бойцу РККА после окончания Великой Отечественной войны пришел советский солдат-«винтик» и оставался таковым на протяжении последних десятилетий? Революционная Красная Армия трудящихся постепенно (чуть позже — с 1939 по 1946 г.) начала превращаться в некую абстрактную «Советскую Армию» — с офицерами и генералами, погонями, аксельбантами, «офицерской честью», а в конце концов — с аморальностью и «дедовщиной», то есть избиванием нижних чинов.

Надо признать: и Советский Союз распался не только потому, что его умышленно развалили «агенты влияния» Запада, но и потому, что большинство советских людей давно выросло и уже не желало дальше мириться с опекой «партии и правительства», а было полно желания взять свою судьбу в собственные руки. Вот и российский воин ныне должен снова стать сознательным бойцом, а возможно ли это было при том состоянии государства, каким оно оказалось в правление Ельцина? Что представляло собой это государство, каковы были его цели и интересы, кого тогда считали возможными противниками и союзниками? Если в Великой Отечественной солдаты шли в бой под лозунгом «За нашу Советскую Родину!», то пошли ли бы они под огонь врага за благополучие олигархов? **Раз нет идеи государства, нет ценностей, за которые не жаль отдать жизнь, то реформа армии невозможна.** Можно лишь заменить эту армию армией наемников или сбродом, согласным воевать, если понадобится, но за деньги (которых у страны на эти цели нет), да и то скорее с собственным протестующим народом, чем с внешним врагом.

Значит, **реформа армии невозможна без революции в стране**, — конечно, революции в современном смысле, без штурма Зимнего дворца, захвата почты и телеграфа, без кровопролитной братоубийственной гражданской войны. И заключаться эта революция будет **в осмыслении исторического призвания нашей страны**, выработке ее национальной идеи и преобразовании общественных отношений таким образом, чтобы на месте нынешней непонятной ни миру, ни самой себе России появилась, если так можно выразиться, **Российская постсоветская постсоциалистическая республика**. Это не исключает некоторых нетривиальных шагов, например, передачи (временно, до решения жилищной проблемы для офицеров) неизвестно на какие средства возведенных особняков для размещения в каждом из них нескольких офицерских семей. А переход на кадрово-территориальную систему организации армии (об этом — ниже) сделает невозможными проявления «дедовщины». Тогда наши воины снова будут с гордостью распевать походные песни, будучи убежденными в том, что «от тайги до британских морей Русская армия всех сильнее!»

События последних лет на мировой арене, думается, показали пустоту мечтаний «демократов» о безмятежном существовании России, у которой якобы нет противников. Есть противники, в том числе и непримиримые, просто одержимые мечтой «окончательно решить русский вопрос», то есть отбросить Россию за Урал. Надежды на плавное вхождение России в формирующуюся единую Европу не оправдались, мы остаемся чуждым для нее элементом. Так ведь не только Европа зарится на земли и ресурсы России. А значит, нам нужны вполне современные Вооруженные Силы, способные гарантировать безопасность России. А зная, что НАТО посматривает на восток, нашей власти стоило бы внимательно отслеживать то, что происходит в стане наших возможных противников, и, образно говоря, «изучать динамику цен на баранину в Германии».

**«Варяг» или «Буря»,
или В чем сила будущей России**

Власть России отменила праздник 7 ноября. А ведь день 7 Ноября для каждого, как бы он ни относился к Октябрьской революции, все же — событие всемирно-исто-

рического значения. А без общенационального праздника, по сути, нет и единого государства. И не потому ли несколько лет назад с такой помпой была начата подготовка к торжествам по случаю 300-летия русского флота?

Отчасти это, может быть, связано с «имиджем» Петра I, созданным историками и романистами (в особенности А. Толстым): великий реформатор в их изображении превратился ни больше ни меньше как в «создателя России». Он и Российскую империю создал, и «Табель о рангах», и армию, а вот теперь, оказывается, и флот. Все это, мягко говоря, не совсем так: российские цари (а так называли уже Ивана III и даже Дмитрия Донского!) были равновеликими византийским императорам-базилевсам, табель о рангах — от боярского сына до ближнего боярина — существовала и в Московском государстве, а регулярную армию с капитанами и майорами (и даже гусарами!) завел еще царь Михаил Федорович (да и генеральские звания были у нас еще до Петра). Просто многое называлось по-другому, но кто виноват, что мы, по словам Пушкина, «ленивы и нелюбопытны» и не можем увидеть сущность явления за иным названием? И потому празднование того дня, когда Петр приказал завести флот, неизбежно несет на себе оттенок самоунижения: получается, что «и здесь мы козлы» — без Петра I даже и флота не могли создать.

Остается лишь поражаться невежеству ученых академиков и славных адмиралов, насоветовавших руководству страны учредить этот праздник. Ведь русские люди еще в XVII веке, до Петра, начали заселять побережье Северного Ледовитого океана. Они построили там города (Мангазея, например, известна с 1601 года, за 70 лет до рождения Петра), а ведь для этого нужны были не какие-то утлые челны, а настоящие корабли, способные плавать между льдами, в море, где часты штормы. Голландский мореплаватель В. Баренц, совершивший в конце XVI века (!) три экспедиции в поисках Северного пути в Индию (во время последней он умер и похоронен на Новой Земле), всюду находил стоянки и поселения русских землепроходцев, у которых получал съестные припасы и сведения о землях, лежащих далеко к востоку. Холмогорец Федот Алексеев с казаком Иваном Дежневым еще в 1648 году открыли пролив, отделяющий Азию от Америки, много позднее заново открытый В. Берингом и названный его именем. После всего этого просто стыдно называть «ботик Петра I» «дедушкой русского флота».

Не исключено, что «праздник года» был выбран тогда и по модным соображениям «согласия и примирения». Прозападным либералам Петр дорог как монарх, прорубивший «окно в Европу» и даровавший россиянам известное трехцветное полотнище, патриоты же почитают в нем государственника, одержавшего Полтавскую победу. И все же идея праздника была надуманной, потому он и не получился, на что есть глубокие, геополитические причины.

В 20-е годы в СССР шли острые дебаты о направлениях военного строительства. В частности, среди военных существовала довольно влиятельная группировка «континенталистов», которые доказывали своим оппонентам из «морского» лобби, что мощный военно-морской флот нашим Вооруженным силам как бы вообще не нужен: СССР — держава сухопутная, и военной опорой ему должна быть именно армия, а не флот. Прежде чем ратовать за флот, нужно разобраться в стратегических и геополитических потребностях страны. О чем говорит нам история?

После нескольких побед выпестованного Петром I флота над шведами он на несколько десятилетий приходит к упадку — и не по причине, как принято считать, скудоумия преемников «отца Отечества», а потому, что в замыслах основателя Российской империи помимо ценного было и много просто монаршей блажи человека, очарованного маленькой Голландией и вознамерившегося из своей России сделать Голландию большую. Звездный час отечественного флота наступил при Екатерине II, проводившей изощренную и коварную политику вестернизации России, а внешнюю политику нацелившей на прорубание второго «окна в Европу» — через Константинополь. Вот где победа нашего флота над турецким стала легендой! Достаточно вспомнить славные победы адмирала Ф. Ушакова в морских сражениях у Керчи, Тендры и Калиакрии. И в следующем столетии нам сопутствовал успех: в 1827 году русские разгромили турецкий флот в Наваринском сражении, когда отличился будущий адмирал и командующий Черноморским флотом М. Лазарев, в 1853 году П. Нахимов разгромил турецкий флот у Синопа. Правда, впоследствии историк В. Ключевский язвительно скажет об этой эпопее так: «Ура! В Средиземном море нашелся флот слабее нашего!», и отчасти он был прав: больше впечатляющих побед на счету отечественного флота не было.

Во время войны с Наполеоном русские моряки больших успехов не имели. Неувядаемой славой покрыли они себя в Крымскую войну: имена адмиралов Нахимова, Корнилова, Истомина, инженер-генерала Тотлебена и матроса Кошки прочно вошли в нашу военную историю. Но... сражались они в основном на суше, ибо с началом военных действий Россия затопила свой Черноморский флот и стала героически оборонять Севастополь. Мы никогда (к счастью) не сталкивались на море с настоящей морской державой — Англией (хотя в 70-е годы XIX века такая возможность не исключалась). Зато через полвека после Крымской кампании мы столкнулись с другой, по-настоящему морской, державой, после чего в наш лексикон прочно вошло слово «Цусима» и была сложена песня про крейсер «Варяг», который победы не одержал, но не сдался и был затоплен своей командой. Настоящей героической страницей в этой войне стала оборона Порт-Артура, но это опять сражения на суше, а не на море.

В Первой мировой войне российский флот активного участия не принимал, что способствовало распространению революционных настроений среди праздных матросов. И после февраля 1917 года появился новый социальный тип — революционный матрос, краса и гордость революции, гроза контрреволюции, но все же не прославивший себя в морских сражениях. Более того, большевистское правительство после Брестского мира постаралось затопить Черноморский флот.

У нас принято подчеркивать, что основные сражения Второй мировой войны велись на советско-германском фронте. Но забывали уточнить: сухопутные. Даже наибольший накал войны в воздухе, по-видимому, приходился на наших союзников — что же говорить о войне на море! Зажатый на Балтике и теснимый на Черном море Красный Флот мог осуществлять только тактические операции; один Северный (и в меньшей мере Тихоокеанский) выполнял стратегические задачи по проводке морских конвоев, но и его вклад уступал вкладу союзников. Много героизма проявили подводники, в памяти народа остались подвиги морских пехотинцев, самоотверженно защищавших прибрежные территории. Но ведь и это не морские сражения!

Этим я не хочу сказать, что флот нам не нужен, а тем более — опорочить моряков. Но мы должны трезво учитывать свои возможности и наш менталитет, чтобы не

потратить усилия впустую. Да, современный флот — это атрибут великой державы. Но из Второй мировой войны единственная держава — США — вышла с большим флотом, чем тот, с которым она в нее вступила. Даже Великобритания не смогла восполнить понесенные потери строительством новых кораблей. Вот США и показали себя настоящей морской державой, а всем прочим участникам войны на море можно сказать: зачем ввязываться в морские сражения, не имея достаточного судостроительного потенциала? (А вот другой пример: один уральский завод выпустил пушек больше, чем вся нацистская Германия, что подтверждает боевую квалификацию русских людей на суше.) Ударная сила наших сухопутных войск — воздушно-десантные войска, а американской армии — морская пехота. Наша же морская пехота — настолько диковинный для нас род войск, что даже нет училища, где готовили бы для нее офицеров, — их берут из курсантов-десантников. Надо полагать, что и в американской армии «воздушная пехота» вряд ли популярна. Основу стратегических ядерных сил США составляют атомные ракетноносцы, наших — шахтные баллистические ракеты (неслучайно США настойчиво добивались ратификации Россией Договора СНВ-2, что давало бы им громадные преимущества в военной области). Короче, куда ни кинь — всюду выпячивается сугубо сухопутный «клин» наших Вооруженных сил. Сталин, увлекавшийся флотом, еще перед войной наметил грандиозную программу военноморского строительства, но и у него не получилось стать «владыкой морей». Стоит ли нам во что бы то ни стало к этому стремиться?

Посмотрим на карту. Балтийский и Черноморский флоты по сути потеряли свое значение. На Балтике остались порты Кронштадт и Калининград; но даже если бы у нас были базы в Таллине или Риге, все равно война на Балтике — это не война в Мировом океане. Наращивать же флот в замкнутом Черном море, которое практически все простреливается из береговых орудий, с базой в Севастополе, которую у нас вот-вот оттяпает Украина, идея, вообще смахивающая на вредительскую. (Когда слышишь сетования, что вот-вот на Черном море появится флот НАТО, хочется сказать: хорошо бы он весь туда вошел — тогда при необходимости его можно будет уничтожить одним ударом.) Принятое у нас решение о создании «Северного стратегического пояса» означает, что теперь имен-

но Северный флот станет основой наших Военно-морских сил, и это правильно, там — настоящий океан. Перспективен и Тихоокеанский флот — при условии, что основной его базой станет не Владивосток, а Петропавловск-Камчатский, а это — грандиозная работа, которую можно выполнить лишь в русле новой волны освоения русскими Дальнего Востока.

Итак, нам нужен Военно-морской флот — и авианосцы, и атомные подводные лодки, но развиваться флот должен не в порядке каких-то отдающих гигантоманией кампаний, не в подражание другим великим морским державам, а в соответствии с потребностями нашей обороны — и без «больших скачков».

Но у проблемы нашего флота есть и еще более глубокий смысл. Кто-то из американцев так определил этапы мировой цивилизации: римляне покорили мир, потому что построили дороги; англичане — потому что построили морской флот; американцы — потому что создали мощную авиацию; русские — потому что покорили космос. Космос! Вот слово, которое выражает прорыв русского народа в борьбе за достойное место в мире! Проложив дорогу в космос и закрепившись там, мы сразу оказались настоящей сверхдержавой. Наше будущее — это прежде всего Военно-космический флот, Военно-космические силы. И привлекать все внимание нации к проблемам морского флота, сколь бы велика ни была его важность, — по меньшей мере нецелесообразно.

Напомню, что «год 300-летия российского флота» — это еще и год 35-летия первого полета человека в космос. А ведь у нас его практически не отметили! Почему? Не потому ли, что морской флот в наибольшей степени несет на себе «старые добрые традиции» императорской армии (даже замена флага началась с флота)? А космическая индустрия — это чистое достижение Страны Советов (столь многим влиятельным силам так ненавистной). Для нашего народа трагедия «Бурана», «зарезанного» уникального космического корабля, а затем и затопление орбитальной станции «Мир» — морально гораздо более болезненные удары, чем нелады с Военно-морским флотом.

Именно в развитии космических коммуникаций — залог нашего будущего. День запуска в СССР первого в истории искусственного спутника Земли — это настоящий праздник, не то что воспоминание о давно покрывшемся исторической пылью указе о «морских судах».

Но буквально в последнее время обстановка коренным образом изменилась. На неисчерпаемые кладовые природных ресурсов Севера и морского шельфа России засятся претенденты на мировое господство. Они превращают НАТО в орудие передела мира, чтобы поправить свое положение за наш счет.

Вот почему в июле 2007 года главнокомандующий Военно-морским флотом России адмирал Масорин объявил о принятой обширной программе усиления морской мощи нашей страны. За 20 лет Россия должна возродить океанский флот, который должен получить 6 полноценных ударных групп. Каждая из них будет включать в себя авианосец, силы сопровождения и вспомогательные суда. Три такие группы будут базироваться на Северном флоте и три — на Тихоокеанском. Это позволит постоянно держать на боевом дежурстве два авианесущих корабля, еще два будут находиться в боевой готовности и два — проходить ремонт или модернизацию. Российский флот превзойдет по численности авианесущих кораблей ВМФ СССР, располагавших в конце 80-х годов четыремя тяжелыми авианесущими крейсерами: «Киев», «Минск», «Новороссийск» и «Баку». (В современной России есть только один авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов».)

Пока будут строиться боевые корабли для сопровождения авианосца, для борьбы с авиацией и подводными лодками. Нужна палубная авиация, те самые самолеты, которые будут взлетать и садиться на авианесущие крейсера. А для тренировки их экипажей нужно построить тренажер на территории России. Ведь одно дело взлетать с земли, другое — с палубы. (Единственный тренировочный комплекс для палубной авиации остался на территории Украины.) На Камчатке будет построена база для размещения ракетносцев нового поколения — новейшие «Юрий Долгорукий» и следующие за ним два корабля княжеской серии заменят в составе Тихоокеанского флота ракетносцы проекта «Кальмар», постройки 70—80-х годов. Кроме того, военно-морской флот России до 2017 года получит 8 ракетносцев нового проекта.

Спрашивается, зачем развивать российский флот? Мы ведь не воюем пока против тех стран, которые являются «владычицами морскими». Террористы не обладают крейсерами, и в случае обострения ситуации, например, на Ближнем Востоке, наш флот не сумеет туда быстро доплыть.

Речь идет о защите нашего шельфа, богатого углеводородами. Это богатство необходимо охранять, если какие-нибудь враги захотят на него покуситься. Даже в Великой Отечественной войне Гитлер стремился захватить нефтедобывающие районы СССР, чтобы, с одной стороны, перекрыть нам доступ к горючему для танков и самолетов, а, с другой, — иметь топливную базу для своей техники. Если бы немцы дошли до нашей нефти и взяли Баку, война могла бы затянуться надолго, а то даже и кончиться по-другому. Вероятно, в нашем Генштабе сейчас считают угрозу нефтяным и газовым закромам России настолько реальной, что под строительство кораблей и баз выделяются такие большие средства.

В период предвыборных баталий выступления с критикой разных аспектов военной реформы усиливаются и приобретают видимый оттенок погони за голосами избирателей. Отделить зерна от плевел в таких суждениях не всегда легко.

Особенно много выступлений против перевода армии на контрактную основу. Среди них выделяется статья Александра Храмчихина «Военное строительство России» («Знамя», 2005, №12, с. 161—174). Вот несколько цитат из нее:

«...генералы активно начали реализовывать мечту либералов о «профессиональной армии. И это — самое страшное, что сегодня происходит в наших ВС (Вооруженных силах)... В последние пять лет в нашей стране сложилась система всевластия коррумпированной бюрократии... Армия будет естественным образом подстроена под эту систему. На минимальном уровне будут поддерживаться стратегические ядерные силы... Остальную часть ВС будет составлять наемная пехота, предназначенная для борьбы с терроризмом и сепаратизмом, а также, главное, с выступлениями населения против режима (которые становятся рано или поздно неизбежными из-за того, что никаких легальных путей не то что смены власти, но хотя бы воздействия на нее, не осталось). Для решения этой важнейшей задачи призывная армия неприемлема, она не будет стрелять в народ. Армия — слишком серьезная вещь, чтобы превращать ее в оторванную от народа касту...

Наемники, тем более люмпены, будут служить не народу, а нанявшему их режиму... Для России в нынешнем состоянии наемные ВС убийственны с любой точки зрения. Задачу защиты страны от внешней агрессии они не способны будут решить по всем показателям, но эта задача перед ними и не

будет ставиться.... Высокотехнологичные виды просто не нужны, они постепенно «сбрасываются», поскольку не подходят для карательных мероприятий... Они станут формироваться контрактниками «второго сорта» (их денежное довольствие вдвое ниже, чем в пресловутых «частях постоянной готовности», поэтому через пару лет обслуживать оставшуюся сложную технику смогут, кроме офицеров, только их жены, у которых просто нет другого выхода, больше никто сюда по контракту не пойдет), а также призывниками, срок службы которых сократится до года. Учитывая сложившуюся в наших нынешних ВС систему боевой подготовки, за год людей нельзя выучить ничему, особенно когда речь идет о сложнейших боевых системах. Поэтому их ничему не будут учить даже формально, эти люди станут бесплатной рабсилой для генералов...» Новую армию, по Храмчихину, сформирует только адекватная власть. «Доживет ли Россия до ее прихода — вопрос отдельный».

Каждому, кто следит за переменами в армии за последние 2-3 года, ясно, что прогноз Храмчихина слишком пессимистический и в целом не оправдался.

А вот смелая и содержательная статья Михаила Саяпина «Армия и мы», опубликованная в Интернет-журнале «Полярная звезда». Ее автор не вступает в обсуждение сиюминутных частных вопросов, а пытается поставить на обсуждение фундаментальные изменения в самом характере современной войны по сравнению даже со Второй мировой войной и вытекающие из этого требования к организации армии. Привожу краткое изложение этой статьи.

Какая армия нам нужна

Новой эпохе — новую армию. Реформу Вооруженных сил России нельзя провести удовлетворительно без понимания того, что наша эпоха — эпоха самых глубоких ломок привычных институтов, в том числе и в военной сфере. Наступил **кризис военной идеологии, причем во всемирном масштабе**, и в понятие «современная армия» нужно вкладывать новое содержание.

Эпоха массовых армий заканчивается. Таких массовых армий, какие участвовали во Второй мировой войне, не будет больше никогда. Но этого не учитывает военная наука, рожденная для обслуживания именно массовой, регулярной армии.

Во-первых, современные войны — все больше локальные, требующие не столько армий, сколько экспедиционных корпусов. А во-вторых, мощь армии все больше определяет технический прогресс, и исход войны определяет не только героизм тех, кто сидит в окопах, но и уровень подготовки военных специалистов. Только специалисты способны создать и эффективно использовать чудооружие, которое дало бы возможность поражать противника, самому оставаясь недостижимым. Иными словами, современная война — это противоборство мощных разветвленных структур, в которых бойцы на линии огня являются лишь малой вершиной огромного айсберга, и победа — это во многом заслуга тех, кто «отсиживается» в теплых бункерах, ни разу не услышав воя снарядов. Война — это, прежде всего, война специалистов и лишь потом — «пушечного мяса».

А раз скелетом современной армии являются специалисты и многим военным специальностям трудно (а иным и просто невозможно) обучить за срок призыва, то **в армии должны служить профессионалы.**

Уходит в прошлое и принцип абсолютной централизации и единоначалия. Наша Красная Армия, которая только с 1939 года стала комплектоваться на основе всеобщей воинской повинности, в Великую Отечественную вступила в состоянии как бы перестройки, с заметными следами «ополчения вооруженного народа», и вскоре оказалась на грани гибели. И власть начала насаждать железный порядок в войсках любой ценой, что и стало одним из условий победы Красной Армии над вермахтом.

Но времена меняются. В поражении армии США во Вьетнаме и не вполне удачных действиях Советской армии в Афганистане есть одно общее: армии, ориентированные на большую войну, терпели неудачи в малых. После 1945 года уже ни одна армия мира не смогла разгромить повстанцев.

Локальные войны ведутся в «горячих точках». Обычно это регионы с господством так называемой военной демократии, когда власть на той или иной территории принадлежит полковому командиру, который преследует свои цели и время от времени совещается (а то и вовсе не встречается) с другими такими же. И в столкновениях централизованных армий с децентрализованными войсками первые терпели поражения. Централизованная армия неповоротлива и несет неизбежные потери от мол-

ниеносных операций сил сопротивления. А когда армия начинает давать отпор во всю свою мощь, это приводит к тому, что массированным огнем стираются с лица земли целые селения вместе с жителями (часто уже после того, как боевики оттуда ушли).

Армия не сможет победить очередную Чечню, не используя оружие массового поражения, но энное количество отдельных батальонов, наверное, могло бы со временем установить контроль над этой территорией. В общем, Вооруженные силы должны быть разделены на стратегические силы, управляемые по старинке, то есть полностью централизованные, и тактические силы, допускающие возможность максимальной самостоятельности (типа армейского спецназа, построенного на некоторых элементах партизанской тактики).

О военном обучении. Но на случай затяжной войны без массового резерва военнообязанных не обойдешься. А в нынешней России в большинстве своем призывники бегут от армии, и многие родители уход их сына на военную службу воспринимают как страшное горе, зная, что там его могут забить до смерти сослуживцы — просто так, в процессе «воспитания».

Но не надо отождествлять военное обучение с призывом. Это «демократы» считают, что не должно такое количество населения проходить сквозь столь недемократическую структуру, как армия, и что армию надо изолировать, сделать ее маленьким островком, подконтрольным «гражданскому обществу».

СССР после Великой Отечественной войны содержал в Восточной Европе полностью отмобилизованные войска, готовые ответить на агрессию НАТО и перейти в наступление в направлении к Атлантике. Можно считать, что солдат-срочник как бы временно становился профессиональным бойцом. И требовалась ломка личности, благодаря которой человек превращается в винтик войны, — увы, это печальный закон для всех армий мира. Именно ради такой обработки его отрывают от семьи и увозят на долгие месяцы далеко-далеко. Пережив тяжелый психологический шок, он становится в руках командира послушным, как пластилин, и готов идти за ним всюду, как утенок за уткой. И его можно будет послать приказом куда угодно — хоть в эпицентр ядерного взрыва! Что и требовалось.

В годы «холодной войны» призывное рабство, эта новая рекрутчина, было тем, чем платил наш народ за эту

концепцию будущей войны, видя в армии с ее призывом нечто величественно-государственное. Не то сейчас.

И сегодня надо защищать Отечество, обостряется международная обстановка, и новая «холодная война» уже стоит на пороге. Но старой доктрины уже не будет; не может быть такого, чтобы при первых залпах армады бросились «мыть сапоги в Н-ском океане».

Поэтому вместо призыва нужна всеобщая военная подготовка, и не требуется воспроизводить то насилие над личностью, которым отличалась призывная система. Не нужно надолго отрывать обучающегося от дома, от друзей и (главное) от невест, бросать его в совершенно незнакомую среду, чтобы та перемолола его и превратила в послушного робота-винтика. Ведь военное обучение должно давать:

- знание основных уставов и принципов построения армии;
- формирование исполнительской дисциплины;
- навык согласованных действий в составе подразделения;
- знакомство с основными типами оружия и вооружений;
- физическую подготовку.

А этому учить будущего резервиста вполне можно без каких-то зверств, иногда чуть ли не в рамках игры. Всеобщее военное обучение у нас не рассыплется в прах, если обучающийся даже будет проводить в казарме пять дней в неделю, а на выходные уезжать домой (как это делается уже во многих странах). Обучаться военному ремеслу молодежь будет в двух шагах от дома да еще в кругу друзей по улице, тоже призванных по закону Всеобщему обучению!

И ответственность за массовое военное обучение надо переложить с армейских на местное региональное руководство: непосредственно обучать должны военные профи, но вот власти над обучаемыми вне учебной сферы у них быть не должно. Не надо пытаться делать из молодого человека, пришедшего с гражданки и туда же собирающегося возвратиться, прирожденного солдата.

О «дедовщине». Человек, насильно помещенный в замкнутое пространство, где он ни минуты не может остаться наедине с собой, начинает беситься. И одна из форм проявления такого беснования — «дедовщина», т.е. бессмысленное, немотивированное глумление над личностью слабого. Такой выход протестной энергии может быть подавлен, загнан внутрь промывкой мозгов и контролем со стороны командиров, но сама казарменная жизнь не-

избежно порождает такие эксцессы. Почему и лучший способ борьбы с ней — не доводить жизнь в казарме до степени бытования сельдей в бочке или пауков в банке.

«Дедовщина» в Российской армии существует не потому, что туда попадают плохие или не подготовленные к службе солдаты, а потому, что солдатам военная служба кажется бессмысленной, и дедовщина — это извращенный вариант карьерного роста и придания смысла нахождению в армии. Чутьем народ понимает: российская военщина, справедливо отринув реформаторские фантазии о «профессиональной армии» на фоне мирно процветающего «гражданского общества», пытается восстановить военный потенциал страны путем вливания молодого вина в ветхие мехи. Призывное рабство воспринимается сейчас как рабство не потому, что народ развратился, а потому что оно неадекватно будущей войне. Люди это чувствуют и всячески избегают службы в такой армии.

О профессиональной армии. Ее не следует отождествлять с армией контрактной. Поскольку за время «реформ» нам предлагалось мыслить категориями исключительно рыночными, то и армия представала в проектах как исключительно рыночная, то есть наемная. А в ней под личиной «контрактников» будут выступать алкоголики, тунеядцы, хулиганы и лица, скрывающиеся от правосудия, — другого контингента в «контрактной армии», как показывает история, ждать не приходится.

Профессиональную армию нужно называть: кадровая. Слова «кадры», «кадровый», имеют для нашего слуха несколько сакральное значение: «кадровая политика», «кадры решают все»... «Кадры» — это не сборище пропойц, решивших попробовать себя в армии, и не стая алчных «джентльменов удачи»; «кадры» — это единицы некоей глобальной системы, они учтены и пересчитаны, их опекают и при возможности продвигают достойнейших на более высокие должности. Кадровая армия — это и есть армия в собственном смысле. И никакими рыночными отношениями в ней и не пахнет. Кадровая армия (вкуче с системой подчиненного региональным властям всевобуча) станет и кадрово-территориальной.

Раз современные войны — это, прежде всего, поединок специалистов, а они готовятся не за два дня, то именно кадровые профессионалы должны составлять армию мирного времени. А комплектоваться она будет из Всевобу-

ча. По результатам военной подготовки наиболее перспективным военнообязанным будет предложено стать профессиональными военными. И если кандидат согласится, то он добровольно (включая и выбор рода войск) идет в казарму, где его ждут все прелести настоящей службы: оторванность от дома, муштра и пр. — в общем, то, что уже призвано сделать из него действительно настоящего солдата.

Курсант военного училища после первого года обучения — вот рядовой кадровой армии, имеющий в начале военной службы уже довольно серьезную подготовку.

Единый офицерский корпус — вот что должны образовывать все военнослужащие кадровой армии! В классовом обществе сохраняется смешанная система комплектования: нижние чины и офицерство, причем переход из первой во вторую крайне затруднен. Право считаться настоящими офицерами, то есть командирами более или менее серьезного ранга, должно было сохраниться только у «благородных» — у тех, кто командовал и в обществе. В Англии армия и флот еще во время Крымской войны комплектовались откровенными отбросами общества, которых можно было удерживать в подчинении только жестокими наказаниями. А солдаты-матросы безропотно переносили их потому, что видели в офицере прирожденного джентльмена, по праву рождения призванного казнить или миловать. Вот почему традиционно понятие «офицер» стало чуть ли не сакральным.

Пытались разбить это деление военных на две касты, скажем, в СС: каждый эсэсовец обязан был два года отслужить рядовым. В результате получились очень даже боеспособные войска. Но и там все равно сохранялось различие между офицерами и неофицерами: окончил училище — и выпускаешься офицером, нет — так и останешься заслуженным старшиной.

То же было в СССР, хотя там вроде бы не осталось «прирожденных джентльменов». Срочник по призыву был «нижним чином», а военный профессионал — офицером. Но все же и сквозь это вроде бы логичное разделение постоянно стремились проглянуть контуры старой сословности; скажем, из училищ выпускались сразу лейтенанты — как бы аналоги «их благородий», а младший командный состав рекрутировался из тех же срочников.

А что сейчас, после «демократизации»? Давно обсуждавшийся вопрос о «профессиональных сержантах» так и остался нерешенным.

А чем, собственно, офицер отличается от неофицера? Подготовкой. Рядовых (и почему-то младших командиров) заставляют вы зубрить Устав и специальные руководства, остальное они познают практически. Офицер же получает базовую теоретическую подготовку. А если говорить прямо, то как бы считается, что офицер способен мыслить, а нижний чин — только механически исполнять приказы.

Такое разделение в современной кадровой армии не имеет оправдания. (Заметим: в тех родах войск, где жизнь экипажа зависит от каждого — в подводном флоте, дальней авиации, — практически нет различий между солдатами и офицерами. Едят они за одним столом, а на подлодках не только нет кают-компаний, но даже друг друга члены экипажа по-неуставному называют «братишками».) Значит, надо от него избавляться. И в современной армии нет принципиально никаких препятствий (кроме традиции) к тому, чтобы у любого солдата лежали в вещмешке генеральские звезды. Вот что такое единый офицерский корпус.

О военном образовании. Сейчас младший командир проходит через убогую сержантскую школу, а чаще просто командует по наитию, без специальной подготовки. Офицера же учат пять лет в военном училище, после чего он выпускается в войска, где ему приходится некоторое время — уже в звании лейтенанта — привыкнуть к солдатам и завоевать авторитет у подчиненных (которые часто имеют больший стаж службы, чем их новоиспеченный командир).

Как надо строить образование для кадровой армии? Скажем, вместо нынешних разрозненных учебных заведений (сержантские школы, военные училища, академии) вводятся училища трех степеней, каждое примерно по 2 года обучения; училище 1-й степени дает образование уровня отделение-взвод, второй степени — рота-батальон и третьей — полк и выше. Отслужил рядовым год, осмотрелся — правильную стезю выбрал или нет — и при желании можно подавать заявление в училище 1-й степени. Выходишь оттуда командиром отделения; потом, продвигаясь по службе, подаешь заявление в училище следующей степени. В результате нет ни касты вечных сержантов, ни желторотых лейтенантов, мучительно входящих в должность. Так, с одной стороны, обучение будет идти в ногу с практикой, с другой стороны — отсеются случайные люди.

Об офицерах запаса. В массовой армии в случае интенсивных боевых действий возникает огромный дефицит командиров среднего звена, «обер-офицеров». Где их взять? Из прошедшего через отупляющую муштру фельдфебеля офицер, как правило, получался никуда не годный. Помимо грамотности, для офицера необходима инициатива, а заслуженный унтер — это просто малограмотный военный робот, приученный к слепому подчинению. Что же касается родов войск (таких, как артиллерия), то там вообще обязательны немалые специальные знания.

И тогда решили: готовить офицеров резерва из студентов! Практику военных кафедр унаследовал и СССР.

А в кадровой армии такой институт не нужен. Современная профессиональная армия может поставлять командные кадры «из себя». В новой армии, в идеале, рядовые должны достигать квалификации нынешних младших офицеров. Отмена архаического института офицеров запаса не исключает обучение в вузах по военно-учетным специальностям. Но военные кафедры должны выпускать специалистов в звании рядовых запаса! Ведь наделение вузовских специалистов лейтенантскими погонами — это оскорбление даже солдат, овладевших техникой, не говоря уже о кадровых офицерах. Институт офицеров запаса должен быть упразднен.

О вольнонаемных. Недавний министр обороны РФ Сергей Иванов высказался за то, чтобы в армии больше использовались вольнонаемные. Идея эта вполне вроде бы здравая: не солдатское это дело — заниматься хозяйственными делами, наглядной агитацией или приготовлением пищи. Не должен человек, призванный в армию, быть два года приставленным к плите.

Но где взять этих вольнонаемных? Особенно в местностях, приравненных к Крайнему Северу?

Пусть прохождение военнообязанными первичной военной подготовки в лагерях в течение года и даже полугода будет половиной срока всеобщей воинской обязанности. Тогда будущий резервист (если он не выбрал армейскую службу своей профессией) на другую половину срока выбирает одну из вакансий в воинских частях — еще на такой же срок.

Резервист, прибыв на место «дослуживания», переходит в категорию полувольнонаемного: он красит заборы, рисует стенгазету или стоит у плиты, словом, делает все то, чем армия не должна заниматься (а должна совершен-

ствовать свою выучку), как обычный вольнонаемный. И плату получает символическую — подобно нынешним солдатам, на карманные расходы.

Он живет в общежитии при части, даже при желании и возможности может вызвать к себе невесту — тоже весьма важная проблема для многих молодых людей.

Об альтернативной службе. При отходе от массовых армий и хорошо поставленном Всевобуче наличие какого-то процента лиц, не желающего проходить через военные лагеря, несущественно для обороноспособности. Стертые клише про «священный долг по защите Родины» накопили в себе немало бессмыслицы. Что же касается альтернативной службы, то вряд ли стоит бить тревогу, если какое-то количество оригиналов захочет отслужить в милиции, на железной дороге или лесничим, принося Родине реальную пользу.

В порядке прохождения альтернативной службы можно призывать и на гражданскую службу по специальностям, которые будут необходимы в тылу и в военное время. Это будет в известной мере воскрешением идеи трудармий — соединений, сыгравших немалую роль в ходе ранней индустриализации СССР (об этом подробнее будет сказано в главе 10).

Ну а для тех, кто категорически не желает проходить ни военную подготовку, ни службу, ее замещающую, существует прекрасное средство — вид на жительство. Военнообязанные по достижении совершеннолетия получают такой вид, а, пройдя обучение, получают настоящий паспорт гражданина. А не прошедшие так и остаются с «видом», не позволяющим им вступить в полноценные гражданские права.

О современности и архаике. Нынешняя армейская система не соответствует армейским реалиям. Да и сам образ осанистого военного в красивом мундире, с начищенными сапогами и пуговицами — тоже, он порожден условиями далекого прошлого.

В современной войне войска обоих противников на поле боя одеты в камуфляж, задача которого — сделать бойца не хорошо видимым для своих, а наоборот, максимально невидимым для чужих. Требование незаметности и — шире — приспособления к ландшафту делает бессмысленными и вредными унификацию обмундирования. Бойцы на передовой по внешнему виду всегда ближе к партизанам, чем в тылу, и это правильно — удобство на войне часто способствует выживанию.

Командиру в полевых условиях надо как можно меньше отличаться от рядовых — иначе его быстро снимет вражеский снайпер. Даже отдавание чести по этой причине не рекомендуется.

Факт потери знамени в наше время практически ничего не значит. Парады как таковые портят войска, главное для которых в наше время: уметь рассредоточиваться, вжиматься в землю и передвигаться перебежками. Красивые коробочки войск и техники можно элементарно запахать в землю удачной воздушной атакой. **Современная армия и парады несовместимы!** Если бы парады устраивались не просто так, а, как в старину — для демонстрации боевой выучки, то лучше всего было бы пускать парадные расчеты ползком, как гусениц-пядениц — именно в таком положении приходится чаще всего находиться в современном бою. Для поднятия же духа в обществе нужно тогда уж заводить профессиональные парадные расчеты (как профессиональные оркестры или спортивные команды), а еще лучше устраивать парады, скажем, ОМОНа.

Не просто сложность военной техники — сама специфика современного боя исключает полную «роботизацию» солдата, которая в старину как раз была залогом успеха.

Словом, необходимо убрать мусор, накопившийся в военной традиции (а ее призывают почитать как святыню).

Краткий вывод

В Кронштадте на постаменте памятника выдающемуся русскому флотоводцу адмиралу С.О.Макарову высечена короткая, но красноречивая надпись: **«Помни войну!»** Но войну у нас сегодня «помнят» немногие. История же, как ей положено, идет своим путем.

Время распродажи Родины закончилось. У нас нет лишней земли, и можно снова, как перед Великой Отечественной, петь: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим!» Мы уже осознали, что распад СССР был крупнейшей геополитической катастрофой XX века, и будем зорко следить за всеми попытками развала России.

Итак, военная реформа пойдет успешно лишь в том случае, если и руководство страны, и народ поймут, что **угроза войны сегодня не меньшая, чем в 1941 году**. Главное звено предстоящей военной реформы, о котором никто не решается сказать вслух, заключается в ее **«человеческом измерении»**. Надо твердо сказать: мы не рабы, не винтики и не быдло. Если народ не захочет воевать сознательно, то он воевать и не будет.

Реформу надо начинать не с требований увеличения финансирования. Потому, как сказал классик: «Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове».

До недавнего времени отсутствовали и другие предпосылки для реформы: не был известен потенциальный противник, а значит, не могло быть и правильной военной доктрины. Жизнь внесла ясность: НАТО расширяется на Восток, ракеты надо снова нацелить соответственно, и прочее. Но остается преодолеть сопротивление тех сил, для которых «армия винтиков» — это возможность жить за чужой счет и зарабатывать капитал, паразитировать на общественном неустройстве, прикрывая свои шкурные дела криками о военной реформе и недостаточном финансировании оборонного ведомства. И как бы ни была сильна у нас армейская генеральская мафия, ее укоротят. Что такая публика, привыкшая к своему исключительному положению, когда вся страна несла им все потребное по первому требованию, может предложить достойного в области военного строительства?! Тем более, что в результате успешной «приватизации» многие уже привыкли жить по схеме «списать-продать-поделить». К руководству в военной сфере придут новые, патриотически настроенные и современно мыслящие люди, и мы скоро будем иметь Вооруженные силы, вполне стоящие на уровне современности.

Увы, «человечество идет в будущее, со взором, обращенным в прошлое». А для решения вставших перед ним новых, судьбоносных задач главное — это человеческий материал высшего качества.

Еще митрополит Иларион в своем знаменитом «Слове о Законе и Благодати» считал, что для осуществления провиденциальных задач на смену древним народам должны прийти народы новые, и в этом и заключалось всемирно-историческое призвание русского народа. Ныне русский народ призван указать человечеству выход из всемирного кризиса, доказать, что русский дух еще не угас и что высокая «идея» выше «материи», экономических и других своекорыстных выгод, как и прочих бездуховных «ценностей».

Продолжение следует

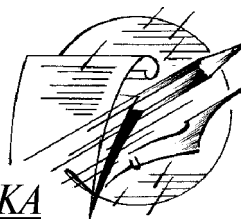
Олег ПЛАТОНОВ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ АНТИХРИСТУ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ)

Еврейские бесчинства в Союзе писателей. — Узурпация власти и присвоение имущества. — Захват государственной собственности. — Создание криминально-космополитического режима. — Формирование еврейского правительства. — Единение новой власти и воров в законе. — Война государственно-криминальных кланов.

Уже 23 августа 1991 года в Союз писателей СССР явилось несколько лиц еврейской национальности, в частности, Гирш Бакланов, Евтушенко (Гангнус), А. Ананьев, М. Шатров, Оскоцкий, Ю. Черниченко. Они отстранили выборных лиц и назначили сами себя руководителями Союза писателей. Мой приятель, ставший свидетелем этой безобразной сцены, рассказывал мне, что Евтушенко явно подражал Янкелю Свердлову, а Шатров своему родственнику Льву Троцкому. Как наследники еврейских комиссаров они выставили из здания Союза писателей его рабочих секретарей Скворцова, Грибова, Колова, а после их позорного бегства устроили пьянку в кабинете последнего. Оскоцкий, рас-

---

Продолжение. Начало в №1-2 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сказывают, вспоминал добрым словом своего родственника (?) Якова Блюмкина, чекиста-палача, настоящего, по Оскоцкому, «романтика революции».

Еврейские романтики революции, ободренные первым успехом по захвату власти в Союзе писателей, создали из своих единоплеменников «Следственный комитет по антиконституционной деятельности» и от его имени стали рассылать грозные письма во все инстанции. Злоба их и жажда мести за справедливо уничтоженных при Сталине еврейских комиссаров была такова, что, будь у них оружие, то они немедленно приступили бы к физическому террору. Еврейские романтики революции, и прежде всего Черниченко, вели себя так вызывающе, потому что чувствовали поддержку сверху в лице Лужкова, Музыкантского и В. Боксера. Последний, член руководства Всемирного союза сионистов, был одним из инициаторов создания еврейской террористической организации «Бейтар».

По примеру Боксера Черниченко создал бейтаровскую организацию из числа еврейских околелитературных жучков. Вокруг него сплотилось около 400 «боевых ребят», которых мы в Союзе писателей России за их типичную наружность прозвали «швондерами». Подобно «соколам» Л. Троцкого, многие из них ходили в темных куртках. Этих боевиков Черниченко стал рассылать по писательским организациям.

Лично я столкнулся с ними в редакциях русских газет «Литературная Россия» и «День», а позже в Союзе писателей России.

В «Литературную Россию» бейтаровцы ворвались толпой и, сославшись на «новую демократическую власть», заявили о переходе помещения редакции к «демократической прессе». Пользуясь своим большинством, бейтаровцы учинили в редакции обыск, при этом было украдено много ценных материалов и книг. Меня они, можно сказать, арестовали, заставили предъявить документы (переписали сведения из моего паспорта), заставили открыть портфель... А затем один из «романтиков» еврейской революции в черной кожанке попытался учинить мне допрос. В свою очередь, я попросил его показать документы. Это он сделать отказался. Продержав около часа, новые чекисты меня отпустили... Я зашел к Сафонову, он сидел грустный и подавленный, а какой-то «швондер» перебирал бумаги в его большом сейфе.

Из «Литературной России» я направился в «День», находившийся в том же здании. Там меня встретила другая группа «романтиков», снова потребовавших у меня документы и заглянувших в мой портфель. Затем меня провели кабинет Проханова. Его самого там не было, зато на широком столе закусывали несколько «романтиков». Толстые нарезанные куски колбасы, шпроты, пиво, тресковая печень, огурцы, помидоры... Не прекращая трапезы, они снова попытались меня допросить. В середине комнаты были свалены рукописи и книги, которые приносил из других комнат хрупкий еврейчик. «Садись, студент, поешь», — по-родственному обратился к нему «романтик», сидевший на месте главного редактора.

Отвечать на вопросы еврейского комиссара я отказался, ограничившись замечанием, что я автор газеты, разделяющий ее направление. «Романтики» стали объяснять, что газету они закроют. Спорить с ними я не стал. «Иди пока», — с угрозой сказал мне старший, один из еврейских комиссаров.

Журнал «Наш современник» находился в особняке рядом с многоэтажным зданием «Литературной России». Дверь редакции «Нашего современника» была закрыта. Позвонив и не дождавшись ответа, я Бульварным кольцом доехал до Московского отделения ВООПИК, в двух комнатах которого тогда располагалась газета «Русский Вестник». Дверь ее тоже была закрыта. Впоследствии я узнал от Алексея Алексеевича Сенина, что «швондеры» приходили и к нему, но воровать и захватывать им здесь особенно было нечего. В отличие от «Литературной России», имевшей прекрасные помещения, «Русский Вестник» был беден.

В конце августа Черниченко устроил общий сбор своих бейтаровцев и привел их на заседание Московской писательской организации. Около 400 непрошенных гостей без писательских билетов обеспечили Черниченко большинство при голосовании и избрали его руководителем Московской писательской организации. Одного из настоящих его руководителей Сергея Артамоновича Лыкошина захватчики по приказу Черниченко силой увели с трибуны. Торжествующий Черниченко обещал Лыкошину засудить его, как Смирнова-Осташвили. «Одного засудили, — орал еврейский изувер, в буквальном смысле с пеной у рта, — засудим и тебя». Передаю все эти подробности, чтобы можно было понять — осенью 1991 года

антирусские силы перешли все границы и готовы были начать русские погромы.

В это же время Черниченко, Евтушенко и ряд других еврейских литераторов сделали попытку отобрать у русских писателей большой дом на Комсомольском проспекте, который они занимали много лет. «Романтики» еврейской революции обратились к Г. Попову, и тот немедленно поддержал их просьбу, подписав распоряжение о «закрытии Союза писателей России как контрреволюционной организации». Исполнение распоряжения было поручено еврейскому комиссару, префекту Центрального округа Москвы Музыкантскому. Последний поручил ре-визировать дом русских писателей.

Облаченный такими полномочиями, некто Дюскин пришел в дом 13 на Комсомольском проспекте с большой группой бейтаровцев и потребовал от русских писателей немедленно освободить помещение.

Каждый бейтаровец был снабжен мандатом, дающим ему широкие полномочия:

*«Следственный комитет
по антиконституционной деятельности
МАНДАТ*

По предъявлении сего мандата тов. (Ф.И.О.) предоставляется право участвовать в расследовании антиконституционной деятельности граждан, их причастности к государственному перевороту».

Пламенные революционеры рассчитывали на поддержку ОМОНа. Однако новая власть штурмовать дом, в котором день и ночь находились сотни русских писателей, не решилась. Писатели приходили и уходили. Несколько часов провел в этом доме и я. Это был самый первый, самый тревожный день. Затем чувство опасности ушло. Передавали слухи, что не всем заговорщикам нравилась еврейская ретивость, желание захватить все и сразу. Даже Ельцин якобы сказал одному из своих приближенных: «Уйми жидов».

Унять «жидов», конечно, решили не по идейным соображениям, а как жадных хапуг, не желавших ни с кем делиться. Тот же Евтушенко, Черниченко, Бакланов и им подобные устроили вакханалию приватизаций писательской собственности, дач, участков. Пытались наложить лапы даже на финансовые счета.

Еврейские «комиссары» стали самыми активными приватизаторами государственной собственности, рассматри-

вая ее по Талмуду как «ничейное имущество». Здесь их интересы столкнулись с интересами некоторых влиятельных лиц (неевреев) из окружения Ельцина и его семьи. Особенно нагло и беззастенчиво вел себя избранный от «Демократической России» председатель Октябрьского райисполкома Москвы иудей И. Заславский. После государственного переворота 1991 года он узурпировал власть в районе и стал распоряжаться государственной собственностью, расположенной на его территории, как своей личной. Он стал одним из главных инициаторов создания совместного предприятия «Центр КНИТ — Калужская застава», 60% акций которой принадлежали французским фирмам и владельцами которых были граждане Израиля. Последние получили право на сверхльготных условиях за символическую плату арендовать на 99 лет крупный участок земли с находившимися на нем жилыми домами, что вызвало чуть ли не восстание жителей этих домов.

В нарушение всех российских законов вместо государственных органов власти Заславский организовал в районе ряд фирм — «Ассистент» (Ш. Какабадзе), «Фирит» (Ю. Фогельсон), «Пятерка» (Д. Шустерман), «Грядущее» (И. Заславский, М. Мазо, И. Гезенцевей, И. Шлейфман), «Медицинская лига» (И. Заславский), «Арабский культурно-деловой клуб» (И. Заславский), «Вечерние зори» (И. Заславский) и др., — наделив их правом разгосударствления экономического района; чтобы осуществлять владение, пользование и распоряжение находившимися здесь предприятиями, зданиями и сооружениями, устанавливать цены и взимать плату, оставляя себе не менее 5 процентов получаемой прибыли. Эта система привела к огромным злоупотреблениям и расхищению государственной собственности в особо крупных размерах.

Москва становилась криминальной столицей России. В ней создавалось самое уникальное преступное сообщество, которому не было аналогов в мировой истории. Уникальность его состояла в том, что государственная власть стала частью организованной преступности. А первые лица государства — организаторами преступных операций, имеющих целью личное обогащение. Мои знакомые из спецслужб рассказывали, какой неожиданной стороной к ним повернулись люди, которых они в свое время по линии КГБ «опекали». Чиновники, в том числе высшие, считавшие своим долгом сотрудничать с органа-

ми, в новых условиях «обрушения власти» стремились вовлечь их в преступные аферы как людей со связями или как охрану («крышу»). Как мне рассказывал один из сотрудников спецслужб, *«после осени 1991 года крупные госчиновники стали предлагать мне деньги за то, чтобы я в своем подразделении закрывал глаза на незаконные денежные операции министерства, которое мы курировали»*. *«Если блатные связи были известны и раньше, то теперь критерием отношений в аппарате стало еврейское геешефтмахерство, еврейское потому, что носителями новых отношений и сделок были евреи»*. Если сотрудник спецслужбы не принимал новых отношений, его под разными предлогами увольняли, а то и «убирали». В конце 1991-го и в 1992 году по конторе прошла эпидемия якобы «самоубийств и несчастных случаев». В это же время Ельцин выпустил из бывших советских тюрем всех своих единомышленников по государственной измене. Своим именным указом он помиловал множество изменников и шпионов, осужденных в разное время по статье 64 «Измена Родине». На свободе оказались государственные преступники, предавшие родину, имевшие на своей совести гибель и полуманные судьбы сотен русских людей. Так, один из помилованных, завербованный американской разведкой сотрудник ГРУ Чернов, стал виновником ликвидации всей советской агентуры ГРУ на территории Франции в середине 70-х годов.

Катастрофические события в нашей стране, свидетелем которых я стал, наводили меня на мысль о тождественности их с антирусской революцией 1917 года, в результате которой к власти пришли еврейские большевики.

По всем историческим показателям криминально-космополитический режим, пришедший к власти в 1991 году, имел много общего с большевистским режимом эпохи революции и Гражданской войны. Оба режима пришли к власти в результате государственной измены и предательства интересов русского народа. Оба режима были тайно связаны с иностранными правительствами и спецслужбами, использовали их деньги и помощь. Оба режима возглавлялись преимущественно нерусскими людьми (во многих случаях евреями) и рекрутировали свой кадровый костяк вне русского народа. Оба режима под прикрытием благих намерений ограбили Русское государство и народ, проводя целенаправленную антирусскую политику.

Первое российское правительство, созданное криминально-космополитическим режимом после августовского государственного переворота 1991 года, было в чистом виде антирусским, все главные, ключевые должности в нем, как и при большевиках, занимали евреи: Е. Гайдар (первый вице-премьер), А. Чубайс (зам. премьер-министра), А. Козырев (министр иностранных дел), П. Авен (министр внешнеэкономических связей), Е. Примаков (руководитель внешней разведки, впоследствии министр иностранных дел), Г. Бурбулис (госсекретарь).

Ближайшими советниками президента Ельцина стали также евреи — Лившиц (впоследствии министр финансов), Ясин (впоследствии министр экономики), Ю. Батурин (впоследствии секретарь Совета обороны), Сатаров, Е. Боннэр, Костиков, губернатор Нижнего Новгорода Немцов.

Бывший руководитель Комитета по печати Борис Сергеевич Миронов рассказывал мне: «...ближайшее окружение президента — это люди некоренной национальности России. Отсюда их непонимание, невозможность усваивать национальные идеи...»

Большое количество евреев заседало и в Государственной думе, они численно преобладали в таких партиях, как «Выбор России», «Яблоко», «Демсоюз» и им подобных партиях сторонников криминально-космополитического режима. Подавляющее большинство этих депутатов, естественно, считали себя не представителями русского народа, а выразителями воли евреев.

Депутат Госдумы от партии «Выбор России» А. Гербер в интервью газете «Москва — Иерусалим» заявила, например, что считает себя в Думе представителем российских евреев, что она «постоянно тоскует по Израилю», что для нее Россия — «эта страна, а Израиль — моя страна...»

Засилье евреев в правительстве, администрации президента и Госдуме дало основание еврейскому публицисту Л. Радзиховскому заявить, что «евреи имеют больший удельный вес в русской политике и бизнесе, чем в политике и бизнесе любой другой христианской страны».

Первое правительство криминально-космополитического режима так же, как и еврейские большевики в 1917 году, заняло непримиримую позицию в отношении русского народа и его национальных интересов.

Для выполнения тех преступных задач, которые ставил перед собой Б. Ельцин, требовались люди именно таких

качеств, какие имели Гайдар, Чубайс или Козырев — не порядочные, нечестные, ненавидевшие страну, неразборчивые в средствах, равнодушные к страданиям десятков миллионов людей.

Гайдар, с которым мне несколько раз приходилось сталкиваться в 1980-е годы, — одна из самых отвратительных фигур второго-третьего ряда российской истории по своему «нравственному» потенциалу, близкая таким проходцам на русской политической арене, как Гришка Отрепьев. Внук садиста-большевика А. Гайдара, дитя советской номенклатуры, любимый ученик афериста от экономической науки С. Шаталина, приспособленец и карьерист, мало чем выделявшийся из многих подобных ему космополитических служителей аппарата, Гайдар первоначальную ставку делал только на КПСС, сумев достигнуть к 33 годам должности одного из руководителей коммунистической газеты «Правда». Главный редактор «Правды» Фролов назвал Гайдара «надеждой партийной журналистики» и поставил его заведовать отделом экономики. Тесно связанный с американскими должностными лицами и спецслужбами, Гайдар уже в конце 80-х годов вступил на путь измены, став одним из важных звеньев агентуры влияния США.

Обучение в качестве агентуры влияния получили и многие другие члены команды Гайдара. Тесно связанный с ЦРУ сотрудник израильской спецслужбы «Моссад» Д. Сорос организовал за «свой счет» пребывание и обучение команды Гайдара в США.

Внешняя и внутренняя политика криминально-космополитического режима первые два года своего существования полностью подчинялась национальным интересам США. В 1992 году руководитель правительства Е. Гайдар каждые три недели приезжал в американское посольство на конфиденциальные встречи с послом Р. Страусом для отчета и инструкций. Нередко вместе с Гайдаром на ковер к американскому послу приезжали и другие министры российского правительства, а нередко и сам президент Ельцин, которого Страус, в частности, инструктировал перед выступлением в американском конгрессе.

Выполняя установку американской администрации на ликвидацию России как великой державы и расчленение ее на ряд самостоятельных обособленных территорий, Гайдар открыто провозглашал: «Мы выступаем за дешевое, небольшое государство...» Внешняя политика Рос-

сии потеряла самостоятельность и пошла в фарватере американской. Российское Министерство иностранных дел стало своего рода одним из подразделений Государственного департамента США, а министр Козырев — подчиненным американского госсекретаря. Переписка Козырева с госсекретарем США, частично опубликованная в печати, напоминала диалог начальника и подчиненного.

Не менее пикантные отношения складывались у команды Гайдара и с правительствами других стран Запада, настаивавших на односторонних уступках России. Министр гайдаровского правительства, проводя в Японии тайные переговоры о передаче этой стране российских Курильских островов, жил в гостинице, питался и приобретал вещи за счет японского правительства.

На работу в федеральном аппарате были приглашены сотни американских советников, многие из которых были одновременно и кадровыми сотрудниками ЦРУ. Особенно много таких «советников» работало в Госкомимуществе, Министерстве по внешнеэкономическим связям, Министерстве экономики. Российский центр по приватизации при правительстве РФ возглавляли два гражданина США (в частности, Б. Гарднер).

В Госкомимуществе, которым руководил А. Чубайс, по программам этих советников была осуществлена приватизация общегосударственной собственности русского народа, значительная часть которой попала в руки зарубежных (прежде всего американских) корпораций, расхищенная государственными чиновниками и представителями различных теневых и мафиозных структур.

Мне приходилось слышать рассказ одного арабского коммерсанта Шаабана о его посещении Госкомимущества с деловым предложением. Шаабан позвонил в приемную Чубайса, где ему ответили: прежде чем идти на прием, надо сначала встретиться и изложить свое дело Джону Хею. «Кто это такой?» — с удивлением спросил коммерсант. Ему ответили, что это американец, эксперт-советник Чубайса. «Что за странный порядок, — подумал Шаабан, — хочешь обсудить государственный вопрос с российским министром — доложишься сначала американскому советнику. В это трудно поверить». Но, явившись утром в Госкомимущество, Шаабан действительно встретил названного американца. Этот Джон стоял у лифта и деловито объяснялся с другим американцем. Поднялись в лифте, пришли в кабинет Джона, он занял рабочее место и изъяснил жела-

ние выслушать «просителя». Но тут зашел еще один американец... Беседа длилась минут 12, и в комнату заглянули несколько американских коллег Джона.

Джон Хей разъяснил коммерсанту: мы будем продавать на приватизационные чеки все имущество на аукционах, следите за объявлениями. И добавил еще: изложите, мол, суть вашего проекта на бумаге, а я доложу Чубайсу... Ошарашенный таким приемом, Шаабан никак не мог уяснить, где все это происходит — в Москве или Вашингтоне? «Неужели народным российским имуществом распоряжаются вот эти молодые американские ребята? Почему их здесь так много? Кто их пригласил? Кто им платит, этим американским экспертам-советникам, — они ведь занимают ключевые посты? И откуда они так хорошо знают русский язык? Кстати, все институты по изучению русского языка в США находятся под опекой ЦРУ и ФБР...»

Если до августа 1991 года представители космополитической власти захватывали в свою собственность квартиры, дачи, особняки, то после августа — заводы, фабрики и комбинаты, институты, нежилые и жилые здания и другие виды общегосударственной собственности русского народа.

Подобно большевикам, создавшим институт комиссаров, наделенных абсолютной властью и направлявшихся на определенные участки военной, хозяйственной, финансовой и культурной жизни, криминально-космополитический режим воссоздал систему тех же комиссаров под видом так называемых «уполномоченных», т.е. лиц, облеченных от имени государства особыми правами для деятельности в определенной области экономики, торговли, туризма, «шоу-бизнеса». Уполномоченные эти были людьми, близко стоящими к власти предрежащим, нередко связанными с ними давними незаконными махинациями, а то и просто сговорившимися с теневиками или представителями преступных группировок, получавшими право «стать уполномоченными» за огромные взятки. Немалую долю уполномоченных составляли родственники, друзья, близкие знакомые власть предрежащих.

Еще до начала так называемой массовой (чековой) приватизации все ключевые составляющие российской государственной экономики были захвачены фактически в личную собственность бывшей советской номенклатурой (высшим государственным чиновничеством) и теми, которых эта номенклатура «уполномочила» осуществить захват.

В первую очередь была захвачена (приватизирована) вся инфраструктура российской общегосударственной экономики — управление промышленностью, банковская система и система распределения. Вместо министерств появились концерны, вместо государственных банков — на основе их капиталов — коммерческие (по сути дела, частные) банки, вместо госснабов и торгов — биржи, совместные предприятия и торговые дома.

В исследовании, проведенном Институтом социологии РАН, подробно рассмотрено, каким образом происходил захват (приватизация) общегосударственной собственности в частные руки: министерство упразднялось, на его обломках создавался концерн в виде акционерного общества (в том же здании, с той же мебелью и теми же кадрами); министр уходил в отставку; контрольный пакет акций переходил в руки государства, остальные акции распределялись между руководством министерства; главой концерна становилось, как правило, второе или третье лицо упраздненного министерства. Так, например, появился на свет могущественный «Газпром», руководимый В.Черномырдиным.

Иногда на базе финансового управления министерства создавался коммерческий банк, председателем правления которого становился бывший начальник финансового управления министерства (или его заместитель). Так было с Нефтехимбанком, Промрадтехбанком и другими «отраслевыми» банками.

Большая часть крупных банков была образована с помощью приватизации отделений бывших спецбанков. Из семейства промстройбанков выделились Промстройбанк РФ, Промстройбанк Санкт-Петербурга, Московский индустриальный банк, Московский межрегиональный комбанк и сотни других. Из семейства жилсоцбанков произошли Мосбизнесбанк, Уникомбанк, КБ «Мурман», Свердловсоцбанк и др. То же самое произошло и с системой агропромбанков.

Кроме отраслевых и бывших спецбанков, на этом этапе приватизации были созданы так называемые «новые банки»: Инкомбанк, Менатеп, Кредобанк, Столичный и др. Уже при своем создании эти банки были «уполномоченными», и их капиталы в значительной степени имели государственное происхождение. Эти банки стали стартовой площадкой для крупнейших еврейских аферистов — Ходорковского, Смоленского, Фридмана и т.п.

Интегрировавшаяся в космополитический режим бывшая советская номенклатура без особых сожалений бросилась «продавать» свою власть за личное обладание национальной собственностью. Более того, совместно с космополитической властью бывшая советская номенклатура стала торговать общенациональной собственностью, предоставляя права уполномоченного на определенную деятельность тем, кто мог за нее больше заплатить. Такая «продажа» могла обставляться не только ценой огромной взятки, но и за счет устройства близких (жены, дочери, сына и др.) такого «продавца» (а иногда и его самого) на теплое место во вновь образуемой коммерческой структуре.

Как бывает в таких случаях, участники незаконного присвоения государственного имущества довольно быстро оказались в состоянии конфронтации друг с другом. Хотя государственный пирог был огромен, но алчность и жадность хищников, желавших завладеть им, были неизмеримо больше. Мы стали свидетелями кровавых разборок между хищниками. Ходорковский, Гусинский, Березовский, Смоленский, Фридман и прочие еврейские аферисты мечтали уничтожить друг друга и после первых покушений обзавелись на ворованные деньги десятками вооруженных холуев, выполнявших одновременно и роль киллеров. Все они занимали не только службы безопасности (которым могло позавидовать небольшое европейское государство), но и собственными информационными центрами, которые собирали сведения и компромат на своих конкурентов и государственных чиновников. Запуганные событиями простые люди с удовлетворением воспринимали сообщения об очередном убийстве того или иного дельца, банкира, финансиста, как информацию «из зала суда». После осени 1991 года преступность лавинообразно обрушилась на Россию. К сожалению, более всего от нее страдали не еврейские аферисты, а простые российские граждане.

Продолжение следует

Валерий ПОЗДНЯКОВ

РУССКИЕ «ИНОСТРАНЦЫ» В ПРИАМУРЬЕ

(О ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПРОГРАММЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ)

Нужно изменить национальную
политику, иначе здесь будут говорить
не по-русски, а по-китайски...

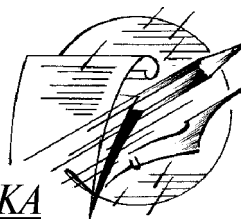
Владимир Путин.

Благовещенск, 21 июля 2000 г.

Возврат к репрессиям?

С начала XIX века до конца Второй мировой войны Япония расширяла свои владения за счет России и Китая. В Гражданскую войну меч самураев дотянулся и до Приамурья. Там в боях с интервентами участвовали не только русские, но и проживающие в Приамурье китайцы, не без основания считающие эту землю своей исторической родиной. После Гражданской войны многие китайцы женились на русских женщинах. Их дети считались русскими. Никто и подумать не мог, что не только обрусевшие китайцы станут жертвами политических репрессий со стороны власти, которую с оружием в руках защищали, но гонениям подвергнутся даже их дети....

24 февраля 1919 года со стороны поселка Бардагон в город Свободный Амурской области вошел отряд красных партизан Патрушева. В первых рядах на белом коне ехал усатый рослый китаец, Поздеев Михаил Александрович. А уже через два дня в боях с японцами под Чу-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

диновкой и Черновками, проходившими в сильный мороз, он отморозил икры обеих ног. Тогда он чудом остался жив, потому что после разгрома японцев все-таки ушел на обмороженных ногах вместе с отрядом в тайгу, а не остался с 59-ю своими товарищами, ранеными и обмороженными, в Чудиновской школе. Вернувшиеся с подкреплением японцы всех их перекололи штыками.

В «ежовщину» конца 30-х всех «иностранцев» из Свободного и других городов Приамурья выслали: корейцев — в Среднюю Азию, китайцев — в удаленные поселки Мазановского уезда. Не пожалели и красного партизана Поздеева. Он вместе с русской женой и тремя детьми был сослан в таежную глушь — на прииск Норск.

В райцентре Амурской области Свободном в 30-е годы располагалось управление БАМЛага (филиала ГУЛага). Через БАМЛаг прошли такие выдающиеся люди России, как ученый и философ П.А.Флоренский, маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский, писатели: В.Н.Ажаев, С.А.Воронин, Ю.О.Домбровский... При управлении БАМЛага работал спецлагерсуд, по приговорам которого только за 7 дней августа 1937 года было расстреляно 837 человек: 5 августа в 4 часа утра — 79, 7 августа в 3 часа ночи — 122, 9 августа с часу до трех ночи — 84, 10 августа с 12 до 4-х ночи — 127, 11 августа — 128, 14 августа — 145, 16 августа — 152. Эти страшные цифры взяты из материалов оперативного учета приведения в исполнение смертных приговоров только за полмесяца, но ведь БАМЛаг существовал целое десятилетие — с 1932 по 1941 год. И все это время шли расстрелы в БАМЛаговской «фабрике смерти». В 60-тысячном городке захоронено жертв репрессий во много раз больше, чем ныне живущих в нем жителей, и поэтому издевательски звучит данное городу имя — Свободный.

За городским кладбищем Свободного на месте расстрелов установлен скромный камень с надписью: «Невинным жертвам БАМЛага». Горожане предпочитают не говорить об этих жертвах. В городе еще осталось много тех, кто просыпался по ночам от грохота винтовочных залпов, доносящихся со стороны кладбища, слышал предсмертные крики и одиночные выстрелы, которыми добивали приговоренных. В души многих тогда поселился страх, от которого они не могут избавиться до сих пор: а вдруг вернуться ужасы расстрельного времени! И не является ли прелюдией возврата тех времен то, что происходит в России сегодня. Именно в России воссоздана и

ныне действует система слежки за людьми. В некоторых регионах страны (Москве, Московской области, Петербурге) даже граждане России не могут находиться более трех суток без регистрации. Что же касается соотечественников-«иностранцев», навещающих своих родственников или друзей, то скоро они перестанут их навещать. Куда бы они ни поехали, везде на них организована охота правоохранителей, сопровождаемая чиновничьим беспределом, узаконенными поборами и вымогательствами. И неважно, кто является объектом этой травли: заслуженный ветеран, дети ветерана, приехавшие к нему в гости, или дочь, приехавшая на похороны своей матери. Тех же, кто осмелился просить российского гражданства, например, русских «иностранцев», бежавших от притеснений националистов, еще ждут унижительные процедуры снятия отпечатков пальцев, сдачи анализов на венерические болезни, бесконечная бюрократическая волокита и бог весть, что еще придумают изощренные умы российских государевых людей с «чистыми руками». Возросшая до неимоверных размеров армия сотрудников ФСБ и милиции пытается сегодня в России установить контроль не только над русскими «иностранцами», но и над каждым из проживающих в России законопослушных граждан. Вот только многие из этих законопослушных об этом пока не догадываются. А в это время по всей стране бесчинствуют террористы: гремят в Москве и других городах взрывы, пылают подожженные дома и учреждения. И создается впечатление, что властям России даже выгодны теракты — в обстановке террора легче превратить страну в полицейское государство.

Сегодня дочь красного партизана, сосланная в 1938 году вместе с отцом на прииск Норск, пользуется льготами в соответствии со статьей 16 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». Фотокарточка реабилитированного «иностранца», красного партизана М.А.Поздеева, хранится в музее Свободного, но репрессиям подверглась уже его внучка, Позднякова Тамара Григорьевна, которую сделали «иностранкой» наши законодатели. Так неужели репрессии 30-х годов прошлого века возвращаются в век XXI?

Семья репрессированной «иностранки»

После визита участкового, лейтенанта милиции Гребенкина, Александра Михайловна почувствовала себя плохо. Нервы ни к черту! Сказывается 42-летний учи-

тельский стаж, ведь каждого ученика пропускала, что называется, «через сердце». Поэтому и сердце стало пошаливать, а стоит понервничать — срез приступ бронхиальной астмы. Но как можно не нервничать, когда приехавшую к ней в г. Свободный с Украины дочь, Позднякову Тамару Григорьевну, подозревают в наркомании, проституции, распространении проказы, терроризме и иных преступлениях. Все это, правда, не подтверждается. Тамара Григорьевна сдала анализы на 6 венерических болезней (сифилис, шанкроид и т.д.) и наркоманию, подтверждающих, что она не проститутка и не наркоманка. У нее в крови не обнаружили лепры, то есть она не прокаженная. Справка о несудимости доказывает, что она не замешана в правонарушениях. Но даже этой справке правоохранители не верят, и ей еще предстоит пройти государственную дактилоскопическую экспертизу, то есть сдать отпечатки пальцев. А вдруг она скрытая террористка? Вот поэтому все прошлое Тамары Григорьевны и ее ближайших родственников будет проверяться правоохранителями и спецслужбами. Причем растянуться процесс проверки может до года. Даже матерые рецидивисты столь тщательно не проверяются. А Тамара Григорьевна никак не подходит под эту категорию. Автобиография и подтверждающие ее подлинность документы свидетельствуют о том, что прошлое Тамары Григорьевны и ее родственников безупречно и легко прослеживается. У ее матери учились сотни свободненцев. В Свободном большую часть жизни прожил ее отец, инвалид войны, прошедший с противотанковой пушкой от Москвы до полей Маньчжурии. В Свободном родился ее сын, и родилась она сама. Муж — кадровый офицер, участник боевых действий в Афганистане. До 45 лет она моталась вместе с ним по гарнизонам Дальнего Востока и Урала. Целых три года была в Афганистане, как жена военного советника. В июле 1982 года она вывозила из Кабула самолетом 14-летнего сына, заболевшего малярией. Забирала с 40-градусной температурой прямо из-под капельницы из Кабульского военного госпиталя. Лечение сын продолжил в Москве и Ярославле, затем в больнице Свободного. Как и ее мать, Тамара Григорьевна — отличник народного просвещения. Так за что ее преследуют как преступницу наши правоохранители и спецслужбы? Оказывается, за то, что она стала «иностранкой». Муж при дележке Союза не пожелал получать украинский паспорт, а ей пришлось, так как нужно было доработать до пенсии. И вот теперь в родном

Свободном ее преследуют за этот «опрометчивый» шаг ревностные правоохранители. Участковый Гребенкин, оправдываясь, говорил: «Я тут ни при чем. Не я выдумал эти законы», и дал ей прочитать бумажку, свидетельствующую о том, что Тамара Григорьевна взята на милицкий учет. Отныне каждый шаг ее будет контролироваться. Ее приравнивали к приезжающим в Свободный китайцам и ограничили свободу перемещения. По прибытии в город она обязана была в течение 72 часов (!) зарегистрироваться. Если бы она не уложились в этот срок, что очень вероятно при постсоветской сверхбюрократии, то заплатила бы штраф за нарушение паспортного режима (от 500 до 1800 рублей). Если она решит навестить своего дядю в Благовещенске или брата в Хабаровске, то ей нужно будет сняться с регистрационного учета в Свободном и на новом месте пребывания вновь регистрироваться, то есть вновь стоять в очередях, платить деньги... Для этой цели Тамаре Григорьевне вручили миграционную карту, своего рода аусвайс, предназначенный для отслеживания ее перемещения по России.

В таких условиях «иностранцу» либо нужно стать «независимым» от своих родственников в «независимой» от него России, либо стать ее гражданином. Тамаре Григорьевне любимая идея наших правителей сделать ее «независимой» от родной матери, дочери, внуков, мужа и брата не понравилась, и она решила стать гражданкой России. Да не тут-то было! Только для получения разрешения на оформление гражданства ей пришлось в течение полугода (!) собирать свыше трех десятков документов для России и чуть меньше для Украины. Пришлось потратить свыше 7000 (!) рублей. Еще тысячу рублей она заплатит в виде госпошлины за оформление гражданства. Ей придется платить и за предстоящую дактилоскопическую экспертизу, и бог весть за что еще. Причем Тамаре Григорьевне еще повезло, так как она проходит процедуру «упрощенного» принятия гражданства, в соответствии с введенными перед выборами поправками в закон о гражданстве. Без этих поправок ей пришлось бы ждать российского гражданства минимум 8 лет: 3 года — на временном проживании и 5 лет — с видом на жительство.

Кто ответит за геноцид?

«Иностранка» Тамара Григорьевна — это моя жена. Я — гражданин России и ветеран ее Вооруженных Сил. Вмес-

те с ней и я не мог свободно перемещаться по стране, так как имел жену-«иностранку». Но ведь не только я и моя жена жертвы этой системы геноцида, системы уничтожения и ограбления тех, кто не по своей воле оказался за границами новых «независимых» государств.

78-летняя Шабалина Нина Андреевна еще в 2000 году приехала к дочке в Свободный из Донецкой области, после того, как в шахте погиб ее сын и умер муж. Но здесь ее ожидали новые потрясения. Ее заставили сдавать анализ на венерические болезни, проказу, СПИД...

Ну, какой СПИД может быть у 78-летней старушки?! Абсурд! Да еще у ветерана Великой Отечественной войны, с началом которой еще девчонкой Нина Андреевна пошла работать на железную дорогу, обеспечивая Победу. Также обеспечивала Победу и ее ровесница, Глафира Парфеновна Перегуда, а ее муж, инвалид войны 1-й степени Петр Леонидович Перегуда, пришел к Победе через ранения и увечья. После Чернобыльской катастрофы Перегуды оказались в зоне заражения и вынуждены были поменять украинский город Вишневый на Свободный. Они еще в феврале 2002 года сдали документы на гражданство и уже более двух лет — бесправные «иностранцы». Их лишили права выбирать себе президента, зато заставили сдавать анализы на СПИД и венерические болезни 80-летнего инвалида войны! Что может быть позорнее? А как можно понять бюрократические проволочки, благодаря которым инвалид войны 1-й степени третий год (!) не может получить гражданство? В войну Петра Леонидовича пытались уничтожить и сделали инвалидом гитлеровцы, затем травил радиацией Чернобыль, а теперь добивают мытари-чиновники.

По словам В.Путина, под Ленинградом был тяжело ранен его отец и умер в блокаде брат. У моей жены тоже отец был тяжело ранен и контужен на Ленинградском фронте. Возможно, он был однополчанином отца недавнего президента. Возможно, был однополчанином отца недавнего президента и инвалид войны Петр Леонидович. В Свободненском ОВИРе оформляют российское гражданство десятки русских «иностранцев», среди которых есть и другие ветераны и инвалиды войны или их дети.

К 60-летию прорыва блокады Ленинграда моей теще, как вдове фронтовика, воевавшего под Ленинградом, вручил подарок мэра города Свободного. Но самым лучшим

подарком Александре Михайловне было бы вручение российского паспорта ее дочери.

А почему бы не вручить к Дню Победы российские паспорта Перегуде и другим фронтовикам-«иностранцам»?

Меня, как и других «афганцев», поздравил президент с 15-летием вывода войск из Афганистана (15 февраля 2007 г.). Уж лучше бы он распорядился выдать к этой дате российский паспорт моей жене.

В Японии даже родившийся за рубежом ребенок этнических японцев при въезде в Японию уже считается равноправным гражданином этой страны. Имея в виду этот пример, я использовал рекламируемое по телевидению право на бесплатный звонок президенту и предложил ему «дать возможность беспрепятственно принимать гражданство русским людям на своей деруссифицирующейся Родине». И, словно в ответ, из уст президента прозвучало: «Те, кто говорит «Россия для русских»... — просто придурки либо провокаторы».

Когда я пишу эти строки, у меня перед глазами стоит 78-летняя Нина Андреевна, которая, смахивая слезу, запинаясь, говорит: «У меня... — анализы на СПИД... Стыдно, стыдно какой!» Но стыдно должно быть не ей, а потерявшим стыд и совесть создателям унижающего ее закона о гражданстве, а также депутатам Государственной думы, утвердившим этот закон.

Хождение по мукам

В паспортно-визовую службу УВД города обратилась молодая женщина по вопросу оформления российского гражданства для своей матери, гражданки Украины. В очереди к инспектору по гражданству женщина разговаривала с моей женой. Приведу некоторые фрагменты этого разговора.

— Подскажите, какие нужно собрать документы моей маме. Ведь вы приехали с Украины и прошли все этапы оформления российского гражданства.

— Какие там все этапы! Я даже не получила еще разрешения на его оформление, только собрала необходимые документы. Да еще сдала медикам анализы на венерические болезни и СПИД.

— Ну, моей-то маме это делать не придется. Ей 55 лет!

— Мне 56, и я сдавала все анализы. Кроме того, придется сдавать отпечатки пальцев.

— Вы, что... сидели?!

— Да нет. Бог миловал. Но из Свободного без разрешения выезжать запретили. Даже лейтенант милиции, участковый Гребенкин, приходил проверять, не сбежала ли я.

— Но ведь этого... этого не может быть!

— Я еще сдала справку, выданную МВД Украины и подтверждающую то, что я на территории Украины к уголовной ответственности не привлекалась и осужденной не значилась. Если ваша мама приедет без такой справки, то ей придется возвращаться обратно.

— Кошмар! И как долго ей придется ждать гражданства?

— До 10 лет, если нет льгот на упрощенное принятие гражданства. Только сбор документов займет не менее полугода.

— Но ведь за это время можно и умереть!

— Вполне возможно. Придуманное «хождение по мукам» способно свести в могилу кого угодно.

— Может, то, что мама приезжает к своему жениху, упростит принятие гражданства?

— Когда ваша мать выйдет замуж, начнутся неприятности и для ее мужа, а медовый месяц, в лучшем случае, превратится в кошмарный год.

— О, Господи! Расскажите подробнее...

О том, насколько молодая женщина была удивлена услышанным, свидетельствовали ее реплики: «Неужели такое может быть?.. Но это же полный абсурд!.. Какой ужас!..» А ведь моя жена проходит всего лишь «упрощенную» процедуру принятия гражданства. Что же так поразило в этой процедуре молодую женщину?

Для принятия российского гражданства (по согласованию с Россией) в бывших республиках СССР выдаются специальные загранпаспорта сроком на 10 лет. Именно на такой срок желали бы российские законодатели растянуть процесс принятия гражданства, чтобы ограбить своих бывших сограждан на возможно большую сумму. Следуют этому примеру и их коллеги из ближнего зарубежья.

Вспоминаю Крым, пограничный с Россией город-герой Керчь и наше 5-месячное обивание порогов различных учреждений. Наконец жена получает загранпаспорт на ПМЖ (постоянное место жительства) в Россию, потратив всего лишь 1200 рублей (200 гривен). Но в несколько раз больше составили затраты на добывание другой документации.

Вот мы в нотариальной конторе. За нотариально заверенную ксерокопию трудовой книжки жена платит 800 рублей (130 гривен). Затем приходится платить еще столько же за мое согласие на переезд жены в Россию. При этом я заполняю специальный бланк заявления, в котором указываю, что «не возражаю против переезда жены, Поздняковой Тамары Григорьевны, в Россию и претензий к ней (это после 37 лет совместной жизни!) не имею».

Такой же бланк, заверенный нотариусом, впоследствии пришлет моя теща из Свободного, в котором тоже указывается, что она не возражает принять родную дочь и претензий к ней не имеет. Кроме того, она пришлет нотариально заверенное свидетельство о смерти отца моей жены: а вдруг он жив и протестовать по поводу приезда дочери будет.

Вся эта казуистика нужна лишь затем, чтобы не только обобрать самого «иностранца», но и его родственников. При этом чиновники всегда найдут причину, чтобы обобрать как можно больше. Один из документов, свидетельство о рождении жены, нотариус отказывается заверять, мотивируя тем, что «печать слишком блеклая (еще бы не поблекнуть за 57 лет!)». У жены на глазах слезы, ведь если он не заверит свидетельство, то нужно через ОВИР (в частном порядке не разрешается) оформлять запрос в Свободный для получения дубликата. А это дополнительные расходы и месяцы ожидания. К счастью, в другой нотариальной конторе без разговоров заверяют документ, что свидетельствует о надуманности придираков с целью «потрясти» клиента.

Случайно узнаем, что многие «иностранцы», уехавшие в Россию, возвращались обратно за справкой об отсутствии судимости (в ОВИРе об этом — ни слова). Едем из Керчи в столицу Крыма Симферополь, где в агентстве «Таврика», специально для этого созданном, заказываем такую справку (сразу не дают) и через две недели получаем ее. С учетом двух поездок в Симферополь справка обошлась в тысячу рублей.

Можно долго перечислять все мытарства, которые запланировали «иностранцу» российские законодатели своим законом о гражданстве. Более двух десятков различных документов осталось в Керченском ОВИРе и еще больше их сдали в ОВИР Свободного. Причем те документы, которые выдает Украина, российские чиновники требуют переводить на русский язык и не где-нибудь, а в специаль-

но для этого созданных центрах перевода. В Свободном такого центра нет — нужно ехать в Благовещенск, где квалифицированные переводчики вам сделают перевод документа, а нотариус заверит. За перевод 4 строчек украинского загранпаспорта жена заплатила 400 рублей и ждала этого перевода 4 дня. Эти 4 строчки загранпаспорта, предусматривающего 10-летнее проживание в России, написаны на двух языках: украинском и... английском. Почему не на русском, ведь предназначен паспорт для проживания в России, а не в Англии? Очевидно, для того, чтобы обеспечить работой российских чиновников, хотя перевод украинских документов может сделать и первоклассник. Даже заполненное по-украински пенсионное удостоверение не прошло в Свободненском ОВИРе: инспектор, приехавшая в Свободный с целью проверки из Благовещенска, посчитала недопустимым написание граф удостоверения на украинском языке. Она рекомендовала моей жене поехать в Благовещенск, чтобы перевести на русский язык понятные любому русскому слова: серія, і'мя, прізвище, вид пенсії, розмір пенсії. Такая поездка в областной центр обходится в 250 рублей и занимает 6 часов, если ехать автобусом, а поездом — 12 часов.

А зачем вообще нужна заверенная копия пенсионного удостоверения? Оказывается, для того, чтобы подтвердить наличие средств для проживания в Свободном. Затем появилось сомнение в том, что пенсии жены для этой цели хватит. Пришлось писать заявление о том, что я берусь содержать свою жену и для подтверждения своих возможностей снимать копии с пенсионного удостоверения и военного билета. Мало того, пришлось отправлять запрос в Калугу, где мне начисляли пенсию. Но когда из военного комиссариата Калужской области прислали справку о размере моей пенсии, документы из ОВИРа уже ушли на проверку в ФСБ. Пришлось довозить эту справку в Благовещенский ОВИР, иначе даже на временное проживание в России жена бы разрешения не получила.

За что и за чей счет повысили оклады государевым людям?

После получения разрешения на временное проживание в России сроком на 3 года и зарегистрировавшись по адресу своей матери, жена по-прежнему получала пен-

сию на Украине. А в то, что украинская пенсия моей жены была значительно меньше прожиточного уровня (900 рублей или 150 гривен), чиновники не верили, просили предоставить справку. Но за справкой нужно ехать на Украину в далекую Керчь.

Впрочем, не только за справкой нужно было ехать. В Керчи у нас осталась непроданная квартира. Ее и все то, что мы нажили за свою жизнь, пришлось распродавать за полцены. Но мы и это могли бы потерять, так как квартира за время нашего вынужденного долговременного отсутствия могла подвергнуться разграблению. Ведь фактически по дискриминационному закону о гражданстве жена, подав собранные с большими материальными и моральными затратами документы на разрешение временного (!) проживания в России, становится невыездной и должна ждать решения своей участи неизвестно сколько времени. И здесь возникает новый аспект: а вдруг ей не разрешат стать гражданкой России?

Добиваясь права для жены не быть иностранкой на своей родине, я рассчитывал на то, что для нее, как жены гражданина России и участника боевых действий в Афганистане, а также как дочери инвалида Великой Отечественной войны, это не составит труда. Я и представить себе не мог, во что это обернется. Ну, ладно, националистическая Украина потрепала нервы, но то, чтобы Россия, громогласно заявляющая о защите прав соотечественников за рубежом, так «топтала» их в самой России! Допустим, что «иностранец» знал о том, что процесс принятия гражданства для него затянется на многие годы, и распродал свое имущество перед выездом в Россию. А вдруг по каким то причинам ему откажут в получении российского гражданства? Тогда он будет вынужден возвращаться туда, где все распродал, и будет жить там ограбленным российскими чиновниками, бездомным и нищим. Впрочем, унижений хватит на его долю и в том случае, если он все же получит российское гражданство.

В связи с этим, считая, что многие положения закона о гражданстве нарушают права человека, я обратился с жалобой в различные инстанции. Мое обращение поддерживали ветераны г. Свободного. На сайт президента по электронной почте были отосланы обращение к президенту ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, а также заявление ветеранов-железнодорожников, в которых выражалось возмущение уни-

женным положением ветеранов-«иностранцев» в России. Кроме того, я обратился к главному федеральному инспектору в Амурской области с просьбой через президентские структуры решить вопрос об отмене хотя бы для ветеранов и членов их семей унижающих человеческое достоинство процедур, а также разрешить временный отъезд моей жены в Керчь до сентября месяца. Главный федеральный инспектор не стал беспокоить свое начальство, а переправил предоставленные документы (копии отосланных обращений к президенту и др.) в УВД области. Через некоторое время пришел ответ сразу от правоохранителей и аппарата представителя президента, из которого следовало, что сделать исключения для ветеранов в отношении сдачи унижительных анализов и отпечатков пальцев не представляется возможным. По логике, если мою жену заставляют сдавать анализы на СПИД, венерические болезни и проказу, то и я, гражданин России, их должен сдавать и доказывать, что я не заразный и не прокаженный. Абсурдность происходящего понимают все чиновники, но проявлять инициативу и выходить на вышестоящие инстанции они не желают. Очевидно, им повысили в несколько раз оклады не за здравый смысл и проявление инициативы, а за слепое и бездумное выполнение предписаний.

Когда мою жену заставили сдавать отпечатки пальцев, произошел очередной казус: чиновники ОВИРА не умеют проводить дактилоскопическую экспертизу, и у них даже нет для этого соответствующих принадлежностей, а сотрудники отдела по борьбе с организованной преступностью вполне резонно отказываются брать отпечатки пальцев у человека, не являющегося преступником. Пришлось женщине, инспектору ОВИРА, под наблюдением сотрудников отдела по борьбе с организованной преступностью и в помещении этого отдела брать отпечатки пальцев у моей законопослушной жены. Но работники ОВИРА не уверены в том, что при самостоятельном проведении государственной дактилоскопической экспертизы им удастся ее качественно производить. Кроме того, в ряде случаев ее проведение, например, для ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, просто аморально, в других случаях — абсурдно. Например, в тех случаях, когда «иностранца» и его семью в городе хорошо знают и уверены, что он не преступник.

А как понять то, что массу одних и тех же документов

«иностранцу» приходится собирать трижды: при получении разрешения на временное проживание, при получении вида на жительство, при получении гражданства. И каждый раз нужно бегать к чиновникам ОВИРА, нотариусам, врачам... И везде платить и платить, то есть один раз «остричь» «иностранца» мало — нужно его «остричь» трижды. Таких «иностранцев» в нынешней России сотни тысяч, узаконенные поборы с которых значительно пополняют казну государства, наживающегося на грабеже своих же соотечественников. Вот поэтому все заявления, исходящие от наших государственных деятелей по поводу защиты прав соотечественников за рубежом, не более чем словоблудие.

Корни межнациональной розни и терроризма

В Свободном заканчивали ту же школу, что и моя жена, два брата, ставшие врачами, Сергей и Борис. Сергей и сейчас живет в Свободном, а Борис — в Узбекистане. Борис — врач-кардиолог и до развала Союза зарабатывал в Узбекистане больше брата. Ныне он и вся его семья (все русские) с трудом выживают, так как стали нацменьшинством, но уехать в Россию не решаются. Во-первых, нет средств на оплату поборов узбекских и российских государевых людей, а во-вторых, ждать получения российского гражданства им придется целое десятилетие, потому что родители Бориса уже умерли.

Русская пенсионерка-«иностранка», приехавшая из Казахстана в Свободный, год не получала своей пенсии. По счастью, у нее в Свободном есть любящий брат, который помог ей купить однокомнатную квартиру. Ей есть где жить, но несколько лет пришлось жить на иждивении родственников. В Казахстане, откуда она приехала, проживало (перед разделом СССР) 63 процента русских и 27 процентов казахов (остальные — нацменьшинства). После дележки Союза, в стране, где русские являются подавляющим большинством, они стали (с благословения Кремля) жить на положении нацменьшинства, управляемого казахами. Русским это не нравится. Они бегут в Россию.

В Туркмении в свое время туркменбаши Ниязов по соглашению с Кремлем запретил второе российское гражданство (после выхода закона о гражданстве в России) и у не согласных с этим русских жителей Туркмении конфисковывал дома и квартиры. Бездомные и ограбленные

русские бежали в Россию, где становились бесправными «иностранцами». Вот откуда возникает в России межнациональная рознь (избиения нерусских и ответная ненависть нерусских к русским) и, как следствие, создается благодатная почва для терроризма.

В Прибалтике миллионам русских запретили учить своих детей на родном языке. К этому же ведут националисты Украину. То же происходит в Молдавии. Русскоязычное Приднестровье, отколовшееся от Молдавии, Россия официально не признает. Российская таможня не пропускает товары приднестровских предприятий и сельхозпродукцию. Обнищавшим приднестровцам даже бежать в Россию не позволяют поборы российских чиновников, узаконенные законом о гражданстве. Зато масса разбогатевших в России азербайджанцев, армян, таджиков... стали гражданами России. Из освещения в СМИ итогов переписи населения следует то, что в столице России Москве проживает всего 32 процента русских. Остальные: 1 миллион 700 тысяч азербайджанцев, полмиллиона армян, полмиллиона чеченцев... Причем, многие из них живут здесь нелегально. Но и те русские, которые не имеют средств на взятки государевым людям, тоже пополняют ряды нелегально проживающих в России «иностранцев» и становятся дешевой рабочей силой для своей этнической Родины. Кроме того, обособленные и многочисленные национальные диаспоры, не желающие ассимилироваться в России (в том числе и в Москве), являются прикрытием и источником финансирования для террористов.

Даже единичные аресты в ходе широкорекламируемой в предвыборных целях операции «Чистые руки» выявили, что только в Новосибирской области и Красноярском крае непосредственно сотрудниками паспортно-визовой службы продавались тысячи российских паспортов жителям Средней Азии и Кавказа по цене 1500 долларов за паспорт. А в райцентре Безенчук начальник паспортно-визовой службы майор Саржана выдал жителям Закавказья 400 российских паспортов, в том числе и террористу Бараеву, захватившему в заложники зрителей «Норд-Оста» («Аргументы и факты», № 8, февраль 2004 г.).

В Москве живет семья моей дочери. Когда 6 февраля 2004 года произошел теракт в московском метро, жена бросилась к телефону... Через неделю в московском микрорайоне «Ясенево» под рухнувшей крышей аквапарка погибли 26 человек, в том числе 7 детей. А это рядом с

микрорайоном, в котором живет мой внук. И опять тревога... Версия теракта на этот раз опровергалась. А может, игнорировалась перед президентскими выборами?

Закон о гражданстве не помешал террористам под прикрытием российских паспортов подрывать дома москвичей и совершать теракты: в подземном переходе, в Тушино, у гостиницы «Россия», в метро. В кармане у террориста Бараева нашли новенький российский паспорт. Но этот же закон мучает миллионы русских людей, приезжающих из ближнего зарубежья в Россию. Он мучает сотни тысячи «иностранцев», которые годами ждут российско-го гражданства в России по вине законодателей.

Нужны ли Приамурью соотечественники из зарубежья?

К 2005 году Кремль наконец-то официально признал вымирание России. Демографический кризис больше всего ударил по Дальнему Востоку, где на 40% территории России проживает всего полпроцента ее населения. Приоритет развитию Дальнего Востока провозглашался президентами неоднократно, но при этом сокращение численности дальневосточников происходило быстрее, чем жителей других регионов России. По поводу такого «приоритета» Дальнему Востоку губернатор Хабаровского края Виктор Ишаев сказал: *«Все предшествующие руководители, как бы они ни относились к своему народу — и цари, и коммунистическое наше управление, — все-таки относились по-другому. И приоритет отдавали сюда, и развивали стройки, и привлекали умы. Наука тоже относилась по-другому. И давали вакансии сюда, на Дальний Восток, для привлечения и посылки специалистов... А сегодня нет таких возможностей»* (из пресс-конференции Ишаева 30 декабря 2005 года). И вот эти возможности с помощью целевой Программы переселения соотечественников из ближнего зарубежья ныне пытаются осуществить в Амурской области. По поводу предстоящего заселения Амурской области соотечественниками Амурское телевидение передавало: «Новая целевая программа — переселение наших соотечественников из-за рубежа. Амурская область — один из 12 субъектов России, которые вступили в эксперимент, предложенный президентом. Предполагается, что за три ближайших года в Приамурье переедут на постоянное место жительства около 800 человек... Приятно, что государство выделяет на эти цели почти полмиллиарда руб-

лей, в том числе 10 миллионов из средств областного бюджета» (ГТРК «Амур», август, 2007). Ставится задача переселить в Приамурье, «потерявшее» за годы реформирования 200 тысяч своего населения, всего восемь сотен человек. Почему же быстрее чем за три года эту задачу решить невозможно, и почему в Калужской области, имеющей в 12 раз более высокую плотность заселенности, чем Амурская область, квота на переселение 6 тысяч соотечественников на 2007 год оказалась исчерпанной всего за месяц. Что мешает такому же интенсивному заселению обезлюженного Приамурья? Подобный диспаритет в ликвидации последствий демографического кризиса тоже следствие «приоритета» Дальнему Востоку.

В 2001 году Путин своим указом утвердил закон «О гражданстве», сделавший моментально иностранцами по отношению к России половину населения Советского Союза, в том числе 40 миллионов русских. На ограблении своих соотечественников за счет их разделения стала наживаться и множится чиновная рать. Стала иностранкой по отношению к своим родителям, детям, внукам и даже к собственному мужу моя жена. После прохождения полуторагодичной унижительной и грабительской процедуры принятия моей женой российского гражданства слова В.Путина «Кто хотел определиться — давно определился» мы расценили как проявление геноцида по отношению к своим соотечественникам. В 2007 г. В.Путин уже сам предлагал переселяться соотечественникам в Россию. Основной заслугой своего предшественника, Ельцина, он называл то, что «Борис Николаевич дал народу свободу». Неужели перед окончанием своего президентства Путин осознал, что разделение народа называть его освобождением невозможно?

Именно в результате этого разделения, изолированные от своих родственников, в 2004 году мы решили переехать из русского Крыма, ставшего принадлежностью «нэзалэжной» Украины, к дочери в Москву. Продав за 11 тысяч долларов трехкомнатную квартиру в престижном районе города-героя Керчи, в Москве за эти «копейки» мы не могли бы купить даже туалета. Оставалось одно — жить в духомнатной квартирке площадью в 30 квадратных метров вместе с дочкой зятем и внуком. Как говорится — «в тесноте, да не в обиде». Но мне, гражданину России с калужской пропиской, ни в Калуге, ни в Москве не удалось оформить гражданство своей жене. Слишком вели-

ки были аппетиты коррумпированных государственных чиновников, наживающихся на разделении своего народа. Тогда я, отчаявшись получить гражданство для своей жены в Москве и Калуге, привез ее на родину в дальневосточный город Свободный. Там она после полуторогодичных мытарств (полгода на Украине и год в России) и получила заветное российское гражданство. Но кого интересовали эти мытарства?

Ни одно центральное российское издание, включая и некоторые оппозиционные (я пытался осветить эту тему в газете «Завтра»), положение русских переселенцев в России, а точнее сказать, беженцев, не интересовало. Лишь в 2006 году московский еженедельник «Патриот» опубликовал мой очерк на эту тему — «Россия не для русских». В нем я напомнил президенту его слова «Кто хотел определиться — давно определился», сказанные им перед принятием дискриминационного закона «О гражданстве». И что вы думаете? На этот раз президент, условно говоря, откликнулся: через телеканал РТР он извинился перед соотечественниками. И... выдвинул проект сбережения народа. Частью этого проекта является Программа переселения соотечественников. Конечно, вряд ли на президента повлияли мои и чьи-либо статьи (вряд ли он их читал). Сама же Программа переселения соотечественников не что иное, как шаг отчаяния, но, возможно, шаг необходимый. Надо же как-то компенсировать брешь, пробитую «демократическими» реформами в народонаселении России. Когда еще меры по повышению рождаемости дадут результат, когда еще национальные проекты остановят беспрецедентное в истории России ее вымирание...

Тем, кто пожелает переселиться, готовы даже платить подъемные 40 или 60 тысяч рублей, в зависимости от региона, принимающего переселяемых. Даже Высочайшая комиссия прилетала на космодром «Свободный» для того, чтобы оценить возможности «космического» городка по приему и трудоустройству переселенцев. А затем в город Свободный прибыла группа ученых из Института демографии. Я взял небольшое интервью у сотрудника этого института Крупнова Бориса Валентиновича. Он пояснил мне, что хотя такая программа и существует, но в Приамурье она трудно реализуема из-за низких зарплат и неразвитой инфраструктуры. «Это порок всей Программы переселения. По этой Программе людям выделяются ка-

кие-то средства для первоначального устройства в местах, намеченных для переселения. Даже если они приедут из других стран, где их положение еще хуже (чем у жителей Приамурья), то при тех зарплатах, при тех условиях, которые существуют здесь, они все равно уедут в более благополучные регионы». Крупнов назвал два района, намеченных для переселения: Шимановский и Тамбовский. Как затем сообщили по телевидению, «за ближайшие три года в Приамурье переедут на постоянное место жительства около 800 человек»... Но что-то никто пока в Приамурье не переселяется. Зато квота на 2007 год по переселению в Калужскую область 6-ти тысяч (!) переселенцев была исчерпана уже в начале года.

Мой знакомый русский «молдаванин» Слава уже 8-й год работает на строительстве и по обслуживанию двorcов для «новых русских» в Подмосковье. Он купил участок земли в деревне Романово Медынского района Калужской области и решил там поселиться с семьей. И то, что он мне рассказал, означает полный провал Программы переселения. «Женщине, начальнице паспортного стола объясняю: «Я русский человек. Живу в Молдавии. Купил здесь участок и хочу вместе с семьей здесь жить». Она говорит: «Да, вы попадаете под квоту. Но квота у нас уже закончилась на этот год». Я говорю: «Как закончилась? Год-то еще только начался! И что мне теперь делать?» Она: «Ну, я не знаю. Могу только посоветовать. Ты собери все необходимые документы и попробуй обратиться напрямую в Калугу. А если тебе откажут, придется еще год ждать». То, что в начале января еще ничего не было известно о квоте на 6 тысяч переселенцев, а в конце февраля квота закончилась, Слава посчитал каким-то фокусом. Но «фокус» легко объясним — желающих поселиться в тех краях без всякой квоты предостаточно. Возможен и другой «фокус» — чиновники могут сделать квоту «резиновой». Ведь те, кто покупает землю вблизи Москвы, по их мнению, не могут быть бедняками и просто обязаны с ними делиться. А то, что приезжий из самой нищей республики ближнего зарубежья (Молдова и Таджикистан имеют, по данным МВД, самый низкий доход на душу населения) далеко не бедняк, следует из его же рассказа: «Я участок купил. С одной стороны участка — почта, с другой — детсад бывший. Там сейчас работают живут. Тоже русские иностранцы. И неплохо, говорят, получают. В среднем по 400 — 500 долларов. Дома

местным строят. Домики красивые, цветным кирпичом отделанные. И заборы красивые. Я, когда искал участок, и в Юхновский район заезжал, и Медынский район полностью объездил (Слава специально для этого купил подержанные «Жигули»). И понял, что там москвичи скупают все земли. И сразу цена поднялась. Парень, у которого я купил землю, за 50 тысяч долларов, купил за мои 50 тысяч участок с хорошим домом. А сейчас его участок уже все 100 стоит. У меня же — развалюха, к жилью непригодная».

Из рассказа «молдаванина» Славы следует, что даже за 200 километров от Москвы русские иностранцы зарабатывают по 400—500 долларов. Слава же зарабатывает в Подмосковье столько, что имеет возможность купить 25 соток в Калужской области за 50 тысяч долларов. Слава — живет вместе с семьей на подмосковной даче в домике для прислуги в 40 километрах от Москвы. Охраняет и обихаживает дачу хозяина. Его беременная жена подрабатывает уборщицей на окрестных дачах, и если Слава успеет оформить российское гражданство, то получит материнский сертификат (один ребенок уже есть). Но относятся к приезжим не очень-то дружелюбно даже в Подмосковье, обвиняя соседнюю Москву в потере рабочих мест. В администрации подмосковного станционного поселка Селятино, куда я зашел, чтобы выписаться, а затем прописаться в Москве, женщина возмущалась: «Москва зажала! Приезжих прикормили. Приезжают, дома покупают, землю. Работу отнимают. По утрам в Москву — полные электрички...» Действительно, таких, как Слава, составляющих конкуренцию местным жителям, в Подмосковье десятки тысяч. Если они и поедут в далекое Приамурье, то только для того, чтобы получить российское гражданство. А там — поминай как звали! То, что это будет так, доказывает и приведенный мной пример заселения Калужской области русскими «иностранцами». Всего за один месяц туда переселилось 6 тысяч соотечественников из зарубежья, а для переселения в Амурскую область лишь 800-там человек отводится целых три года и полмиллиарда рублей! При существующей социальной несправедливости в российском обществе есть серьезные сомнения в отношении реализации этой труднейшей задачи.

Вот поэтому сотрудник Института демографии Крупнов считает: «Программа переселения должна быть пере-

смотрена и жестко увязана с теми проектами, которые должны быть реализованы». Вот только нужна ли эта программа вообще. Зачем проводить дерусификацию значительной части существовавшей с петровских времен Великой Руси? Но если из ее отрубленных «реформаторами» частей продолжают бежать от преследования националистов русские «иностранцы», то не в перенаселенную благополучную Московию или пограничную с ней Калужскую область должны они переселяться, а в пограничное Приамурье. Но как их удержать, как создать такие условия, чтобы они не захотели уезжать из Приамурья? Для этого необходимо, чтобы приоритет у Дальнего Востока осуществлялся не на словах, а на деле и был для Амурской области не меньше, чем для Московии и Калужской области. Пока же этот «приоритет» в финансовом выражении примерно в 100 раз (!) меньше приоритета олимпийского Сочи.

О несправедливости в приоритетах.

В Москве цены на продовольствие примерно такие же, как в Приамурье. Но даже у пенсионеров уровень жизни значительно выше. Почему пенсионеры в Москве не идут на низкооплачиваемую работу, предпочитая вообще не работать? А зачем им работать, если им к пенсии приплачивают так называемые «лужковские». Заработал, к примеру, пенсию 2500 рублей — приплатят к ней еще полторы тысячи за московскую принадлежность. По социальной карте москвича или жителя Московской области пенсионеры Москвы и Подмосковья могут бесплатно разъезжать на всех видах городского транспорта и даже пригородными автобусами в пределах Московской области. Пенсионеры льготники (ветераны труда, инвалиды и т.д.) имеют право бесплатного проезда на пригородных электричках. А, например, в дальневосточном городе Свободном даже пенсионеры-инвалиды и ветераны Великой Отечественной войны (не фронтовики) не пользуются правом бесплатного проезда на городском автотранспорте, не говоря уже о пригородных поездках. Да и возможностей получения дополнительных доходов у пенсионеров Московии больше. Появилось немало пенсионеров-рантье, получающих, по меркам дальневосточников, огромные деньги за сдачу в аренду своей квартиры (или части квартиры). А в связи с тем, что количество желающих

платить эти деньги все увеличивается, растет и арендная плата за квартиру.

Соседка моей дочери, проживающая в микрорайоне «Коньково», с 2000 года сдает свою 4-комнатную квартиру в наем, перебравшись на жительство к сыну. В 2003 году квартиросъемщики-таджики платили ей 800 долларов в месяц. По мере роста арендной платы менялись и квартиросемщики. Причем все — нерусские. После таджиков жили узбеки, затем азербайджанцы, сейчас живут корейцы. А уж насколько больше платят корейцы по отношению к их предшественникам-таджикам, старушка не говорит. В телевизионной программе Караулова «Момент истины» говорилось о том, что за аренду чердачного не благоустроенного помещения в Москве приезжие платят свыше тысячи долларов. Из этого следует, что у старушки доход ныне просто невероятный. Конечно, по меркам дальневосточников, но не москвичей.

В одной из телепередач Караулова говорилось о том, что в Москве проживает 180 тысяч долларовых миллионеров! И я этому верю. Например, на киевском направлении вся земля вплоть до Калуги уже раскуплена москвичами под дачные коттеджи. В 30 километрах от Москвы в дачных поселках у станции Селятино стоимость сотки земли достигла в 2007 году 30 тысяч долларов! Один из этих поселков (Новоглаголево) имеет даже собственную газету под названием «Новый глагол», по данным которой, в поселке около 3 тысяч коттеджей. Я бывал в этом поселке (а таких поселков в Подмосковье — сотни!) и утверждаю, что стоимость каждого из поместий не менее миллиона долларов. Минимальные участки — 15 соток, а есть и по гектару. Большинство из коттеджей напоминает дворцы, и кроме них на территории поместий располагаются хозяйственные помещения и помещения для obsługi, двухэтажные бани с бассейнами, искусственные озера, оранжереи, волейбольные и баскетбольные площадки, теннисные корты и т.д. Поместье известного эстрадного певца Градского с белокаменным дворцом имеет даже вертолетную площадку. Ну, понятно, что известные шоумены, спортсмены, чиновники и другие представители нынешней «элиты» — удачливые бизнесмены, но я знаю двух врачей, имеющих поместья в этом поселке, что говорит о том, насколько «бесплатно» ныне наше здравоохранение. Даже средний медицинский персонал имеет возможность неплохо зарабатывать в Москве. Беру

центральную газету объявлений «Работа в столице», которая бесплатно раздается у входов в метро, и читаю в разделе «Медработники»: «Требуется фармацевт или медсестра для работы в аптеке, з/п 20 000 рублей», «Аптечная сеть «ИТЕК» приглашает провизоров/фармацевтов для работы за первым столом или консультаций по телефону, з/п от 22 000 рублей в месяц». Самые низкие зарплаты у рабочих ЖКХ: «В Ремспецсервис-ЧН (ЖКХ) требуются: мастер текущего ремонта — от 21 000 рублей, инженер-энергетик — от 30 000 рублей, электрики — от 14 000 рублей, сантехники — от 14 000 рублей, штукатуры — от 15 000 рублей (сдельная)». Но когда пишут, что зарплата от такой-то суммы, то обычно она бывает намного больше. Если, например, пишут что «зарплата в зависимости от результатов собеседования», то зарплата неприлично большая. А вот когда я у заместителя начальника управления ЖКХ города Свободного захотел узнать размер зарплаты у рабочих ЖКХ, то он в отсутствие начальника отказался мне назвать их зарплату. Очевидно, по отношению к Москве она у здешних сантехников, электриков, штукатуров, мастеров неприлично низкая.

Но откуда берутся средства в Москве платить высокие оклады, выплачивать пенсионерам значительные добавки к пенсии и обеспечить всем категориям бесплатный проезд на городском транспорте? Откуда берутся средства у десятков тысяч москвичей покупать дорогостоящие подмосковные земельные участки? Откуда взялись в Москве 180 тысяч долларовых миллионеров?

Вернемся снова к совещанию столичных ученых с управленцами Приамурья в городе Свободном. Приглашенные на это совещание руководители областной администрации, районов и муниципальных образований (сорок руководителей) отлично знают ответ на эти вопросы. Начальник отдела экономики Шимановского района С.В. Петраш сказала: «В областной и федеральный бюджет идет все, а мы при наличии богатых природных ресурсов от их использования ничего не имеем». В конце совещания, когда ведущий совещание глава города Свободный Роберт Каминский спросил, кто еще хочет выступить, слово попросил глава поселка Серышево Алексей Михайлович Корниенко и сказал следующее: «Все говорят о развитии программ, президентских программ в том числе. О том, чтобы эти программы шли на развитие, на улучшение жизни населения, людей, которые здесь проживают. Но

мы ничего от этих программ не имеем. Ни жилья, ни дорог, ничего не могут нам дать! Мы ничего из этих программ не имеем как люди! Свет 12 копеек стоит, а платим — рубль сорок пять. За что? Все идет мимо наших карманов! Грабят нас! Забирают все к чертовой матери в Москву и потом распределяют по копейкам, на которые невозможно жить».

Дальневосточный регион, включающий в себя 13 субъектов Федерации и 40% территории России, еще в начале президентства Ельцина объявлен приоритетным регионом. Затем Путин дважды подтверждал этот приоритет. Но на словах. На пресс-конференции в Кремле, проходившей 24 июня 2002 года, на вопрос журналиста из Амурской области о решении проблем Дальнего Востока, он ответил: «Если вы обратили внимание, мы значительно сократили неэффективные федеральные программы, но одну из них — по развитию Дальнего Востока — оставили, именно исходя из необходимости особого внимания к развитию Дальневосточного региона». 31 декабря 2006 года на новой пресс-конференции в Кремле журналист из Магадана задал президенту вопрос: «У Вас, Владимир Владимирович не изменилась позиция относительно Дальнего Востока, богатствами которого будет прирастать Россия?» Ответ был: «Конечно, не изменилась. Более того, как вы знаете, у нас всего практически две федеральные целевые программы, которые рассчитаны на развитие территорий. В качестве таких приоритетных программ выбраны две: это Дальний Восток и Северный Кавказ». Как бы в ответ на это губернатор Хабаровского края Виктор Ишаев на пресс-конференции в Хабаровске 30 декабря 2005 года как президент ассоциации «Дальний Восток — Забайкалье» сказал о том, как осуществляется «приоритет» дальневосточному региону: «Все предшествующие руководители, как бы они ни относились к своему народу — и цари, и коммунистическое наше управление, — все-таки относились по-другому...»

И вот, наконец, приоритет Дальнего Востока начал реализовываться не только на словах. Президент пообещал выделить Дальнему Востоку на его развитие 600 миллиардов! К сожалению, не долларов, а рублей. Примерно столько же, сколько отобрали у «безвинно пострадавшего» олигарха Ходорковского. И все же сумма внушительная. Если ее разделить на всех жителей Даль-

него Востока, то каждый дальневосточник получил бы сто тысяч! К сожалению, рублей, а не долларов. Но все равно, сумма большая. Вот только почему-то одни дальневосточники получают львиную долю этой суммы, а другие — мизерную. Житель Амурской области, если поделить выделенные ей 6 миллиардов, получит что-то вроде подаяния нищему — 7 тысяч рублей! А вот программа развития Владивостока по объему финансирования даже соизмерима с программой развития олимпийского Сочи. Если бы выделяемые Владивостоку миллиарды дошли до каждого его жителя, то он бы стал городом миллионеров, пусть даже не долларовых, а рублевых. Очевидно, в расчете на благодарность будущих миллионеров на традиционной встрече Путина с представителями российских СМИ слово предоставили главному редактору владивостокской газеты «Народное вече» Марии Соловьевко. Но вместо благодарности от будущих «миллионеров» президент услышал жалобу: «Дорогой наш президент! Несравненный Владимир Владимирович! Вы все знаете, все умеете. Нам многое что пообещали: у нас будет и казино, у нас будет и океанариум, и 50 самолетов в день, и мост на остров Русский. И такая райская-райская жизнь у нас, наверное, начнется... Но Вы знаете, вот только Вы улетели из Владивостока, а масса всяких референтов-помощников: бывшие депутаты-контрабандисты, бывшие сенаторы, бывшие вице-губернаторы, которые разворовали наш бюджет, они уже делят вот эти **сто миллиардов**, которые правительство нам пообещало...» Ни одна из центральных газет эту крамольную речь главного редактора «Народного веча» не опубликовала. Даже региональные издания промолчали, как будто ничего не слышали.

Но президент меры по защите выделенных на развитие Владивостока 100 миллиардов принял, и на мэра Владивостока Николаева завели уголовное дело. Но ведь заместитель секретаря регионального отделения партии «Единая Россия» Владимир Николаев по кличке Вيني Пух уже был судим, а затем после амнистии стал партийным функционером-единороссом. Если Фемида ранее Вيني Пуха осудила, то партийному функционеру-единороссу Николаеву она помогла убрать через суд основного конкурента, депутата Госдумы Виктора Черепкова, обвинив Черепкова в использовании депутатского положения. Впрочем, устранение неугодного кандидата через суд —

лишь запасной вариант, основным должно было стать его физическое устранение. Но растяжка с гранатой отпавила Черепкова не в гроб, а на больничную койку. Тем не менее можно сделать вывод о том, что кроме использования административного ресурса и подтасовок на избирательных участках в ход пошли и теракты против неугодных кандидатов. Какая уж тут борьба с терроризмом, если терроризм становится оружием в предвыборной борьбе! Ныне перед очередными парламентскими и президентскими выборами Фемида отвернулась от Вини Пуха. Надолго ли?

И даже в Амурской области начали раскручивать уголовное дело на губернатора Короткова — вдруг обделенные жители Приамурья обидятся: их огромной по территории области выделяют 6 миллиардов, а какой-то крошечной припортовой зоне Владивостока целых 100! Населения в области в два раза больше, чем во Владивостоке, значит, выделять ей надо не 100, а 200 миллиардов рублей. Область по заселенности и экономическому развитию по сравнению с припортовой зоной Владивостока — пустыня. Да для ее развития, хотя бы до уровня 90-х годов прошлого века, не только 6 миллиардов, но и 600 миллиардов не хватит! К тому же главный финансист программы развития Дальнего Востока Алексей Кудрин заявил, что на ее реализацию до 2013 года будет выделено только 427 миллиардов рублей. Очевидно, произошло перераспределение в пользу олимпийского Сочи, который получит 313 миллиардов, а с учетом вложений наших олигархов (Дерипаски и др.) финансирование олимпийского Сочи значительно превзойдет финансирование всего Дальнего Востока.

Даже новая должность появляется — представитель президента по возведению объектов олимпийского Сочи. Но источники финансирования можно найти. Чукотке что-то выделять не нужно — ей и благодетеля Абрамовича хватит. А вот Олег Дерипаска, превзошедший по богатству благодетеля Чукотки, сам заявляет о готовности поделиться: «Если государство скажет, что мы должны отказаться от компании, мы откажемся. Я не отделяю себя от государства» (еженедельник «Собеседник», №28, июль 2007 года). Вот если бы Дерипаску назначил президент губернатором Амурской области и тот вложил бы свои капиталы в развитие Приамурья, то можно было бы его жителям не завидовать жителям Владивостока. Но он на-

значил его благодетелем олимпийского Сочи. Толк от этого несомненно будет как для Сочи, так и для Дерипаски (он еще более обогатится). А от того, что президент назначил благодетелем Приамурья крупнейшего бизнесмена Татарии Николая Колесова, — никакого толку. Вместо того, чтобы перевести свой бизнес в Приамурье, Колесов передал его своим детям. Дети стали долларовыми миллионерами, а их отец стал беднее, чем муж миллиардерши Батуриной. Стремясь показать себя с лучшей стороны перед амурчанами, Колесов пытался уговорить Чубайса уменьшить для них плату за электроэнергию. Бесплезно! Чубайс всегда лазейку найдет, чтобы свои прибыли не уменьшить. Он и Колесова научил, как население перед выборами уболаговорить без ушерба для компании Чубайса. Колесов договорился с руководством ОАО «Дальневосточная энергетическая компания», чтобы брать с жителей Приамурья в течение последнего квартала года плату за электроэнергию меньше, но чтобы и тарифы на электроэнергию для области не уменьшать. Прямо загадка какая-то: брать с мужика меньше, но чтобы барин не пострадал. Оказывается, барин в лице ОАО «ДЭК» получит за недобор с мужика компенсацию из внебюджетных источников. А что это за внебюджетные источники? Уж не те ли 6 миллиардов, которые Амурской области на ее развитие правительство пообещало? В таком случае опять пострадает мужик!

Китайцы за поставляемую электроэнергию с Бурейской и Зейской ГЭС платят 60 копеек, а мы рубль двадцать. Но то ж китайцы! Держава! С ними считаться надо. Еще недавно они платили 45 копеек. Теперь «бедные» китайцы платят Чубайсу больше, а мы меньше. Восемь лет назад «Амурская правда» в период посещения Путиным Благовещенска (2000 год) писала о том, что, по словам сопровождающего Путина министра эконоразвития Германа Грефа, после пуска Бурейской ГЭС электроэнергия для жителей Приамурья будет 45 копеек стоить. Ровно столько — сколько для китайцев. А она, наоборот, подорожала. Может она станет стоить столько же, как у китайцев, когда Граматухинскую ГЭС построят... для китайцев. Приамурью-то зачем она нужна, если электроэнергию и сейчас девать некуда? Путин назначил Абрамовича верховным вождем чукчей на второй срок. Когда же скромный Абрамович стал умолять освободить его от этой высокой чести, президент ему отказал. Ныне Абра-

мович мужественно продолжает руководить Чукоткой из Лондона. И Дерипаска мог бы Приамурьем из Лондона не хуже руководить. У него там самый дорогой во всей Англии дворец. А что может сделать «бедный» Колесов на выделенные Амурской области крохи? По словам начальника отдела экономики Свободненского района, экономике ее района **«при всех усилиях, больше чем к 50 процентам прежнего уровня (уровня 1990 года) не выйти»** (совместное совещание сотрудников Института демографии, миграции и регионального развития с руководителями муниципальных образований Приамурья. 18 июля 2007 года).

Все средства, выделяемые Дальнему Востоку на развитие, в основном направляются в припортовые зоны. Через 10 тихоокеанских портов, связанных с железной дорогой, вывозятся из России природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока. Но их распродажа обогащает не Дальний Восток, а Москву, и что-то выделяется на развитие припортовых зон. Железная дорога проходит через территорию Амурской области, но Амурской области ничего от этой распродажи не достается. Должна реализовываться программа развития всего Дальнего Востока, а не только некоторых его районов. На совместном совещании руководителей Приамурья и столичных ученых глава «космического» городка, в недавнем прошлом заместитель начальника космодрома «Свободный» Ю.В. Токарев отметил: «Программа развития Дальнего Востока существует давно, но толку от этого мало. Должна быть не программа развития узкой полосы Приморского края (остров Русский, база подлодок...), а комплексное развитие всех дальневосточных субъектов Федерации. В первом случае мы будем радоваться развитию Сочи, но никакого развития Дальнего Востока не будет. Если не будет программы, объединяющей желания каждого района, то ничего не будет. Правительство Амурской области должно ехать в Москву и доказывать президенту и правительству, что развитие должно быть многостороннее. Надо объединенными усилиями стучаться в двери государственных чиновников. При этом должна быть четкая позиция правительства Амурской области о комплексном ее развитии. Дальше отступать некуда...» Но понимают ли в Москве, что приоритет в развитии Амурской области должен быть не меньше, чем Москвы или, по крайней мере, олимпийского Сочи?

Пока что Амурская область по отношению к федеральному центру на положении колонии. Москва собирается в ближайшие три года переселить в Приамурье 800 соотечественников из зарубежья и дать им российское гражданство. Но, во-первых, правила оформления этого гражданства осуществляются по тому же мерзопакостному закону «О гражданстве» как для Калужской области, так и для Приамурья. А во-вторых, все жители Амурской «колонии» по отношению к москвичам, по сути, тоже русские иностранцы. И если такой «приоритет» для дальневосточников будет продолжаться, то скоро не будет у России Дальнего Востока.

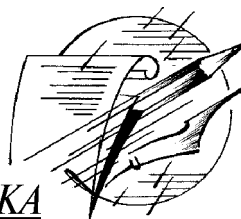

Игорь РОДИОНОВ

ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ ЯДЕРНЫЙ ЩИТ?

В далеком 1946 году в окруженной глухими лесами деревне Сарова лучшие специалисты и ученые со всего Советского Союза приступили к разработке и изготовлению советской атомной бомбы. Всего через три года первый образец грозного оружия — атомная бомба РДС-1 — успешно прошел испытания на Семипалатинском полигоне в Казахстане. Это означало, что, во-первых, монополия США на атомное оружие окончилась, и, во-вторых, что СССР получил статус ядерной державы. С тех пор именно это оружие на десятилетия гарантировало и пока еще гарантирует глобальную стабильность самим фактом своего существования. Многие ученые и некоторые политики разделяют мнение, что ядерное оружие должно стать не первым, а последним, с которым человечество рано или поздно расстанется, когда полностью откажется от насилия как от инструмента межгосударственных отношений.

В течение примерно 50 лет в Советском Союзе создавался мощный ядерный арсенал, адекватный по своим возможностям вооружениям США.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В этом заслуга не только города Арзамас-16 (нынешнее название Сарова) и его многотысячного коллектива ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции Федерального ядерного центра — Всесоюзного (сегодня Всероссийского) научно-исследовательского института экспериментальной физики (РФЯЦ-ВНИИЭФ), но и десятка других закрытых городов некогда могущественного Министерства среднего машиностроения. Именно сотрудники этого министерства — рабочие, специалисты, ученые, — самоотверженно выполняя задание государственного значения, осуществляли всю технико-технологическую цепочку изготовления ядерного оружия.

К сожалению, проблема утраты Россией ядерных оружейных технологий из-за замалчивания этой проблемы средствами массовой информации не воспринимается пока обществом как катастрофа или как национальная проблема номер один. А ведь ядерные вооружения России, если учесть степень развала армии, уже сейчас оказываются единственным абсолютно надежным гарантом нашей независимости и исключения внешней агрессии. Для каждого думающего россиянина понятно, что без этого оружия в современном мире существование России, несмотря на ее тысячелетнюю историю, весьма проблематично. Уж больно много желающих заполучить ее несметные богатства и огромные территории.

Причин деградации ядерных вооружений России — и внутренних, и внешних — достаточно. Но, пожалуй, одна из наиболее существенных в настоящее время — отсутствие уже в течение полутора десятка лет натурных испытаний.

Вряд ли можно найти человека, который усомнился бы в справедливости знаменитого выражения: практика — критерий истины. Только эксперимент может подтвердить или опровергнуть верность выдвинутой гипотезы или технического решения. Например, несмотря на ее более чем вековую историю, в авиации и сегодня каждый новый самолет, прежде чем его передать в эксплуатацию, проходит весь комплекс проверок — от поэлементной отработки до летно-технических испытаний. Атомная бомба или термоядерный заряд — сложнейшие технические системы, к тому же содержащие весьма специфические материалы, которые, кстати, в ходе эксплуатации могут существенно менять свои свойства. Доказать, подтвердить задаваемые тактико-технические характеристики созда-

ваемого оружия или прошедшего соответствующий период эксплуатации можно, естественно, только натурным испытанием. Пятнадцать лет тому назад так и было. Советским Союзом, как и другими ядерными державами, периодически проводились такие испытания. При этом результаты свидетельствовали не только о соответствующем качестве изделия, но и о профессионализме его работников.

Справедливости ради необходимо напомнить, что Советский Союз с самого начала был противником раскручивания ядерных вооружений и испытаний. Первые практические политические шаги в этом отношении были сделаны в марте 1958 года, когда СССР впервые объявил о введении одностороннего моратория на ядерные испытания. Однако США и Великобритания уже в апреле того же года начали выполнять крупную испытательную программу. Если бы США поддержали тогда мораторий и взяли на себя обязательство сократить свой ядерный арсенал примерно до уровня СССР, то, скорее всего, изматывающая гонка вооружений 60—70-х годов просто не стала бы фактом реальной истории. Вышло иначе, и стороны провели сотни испытаний во всех средах — в атмосфере, на земле и под водой.

По мере выявления экологического вреда, наносимого окружающей среде, идея ограничения ядерных испытаний все же стала претворяться в жизнь: были запрещены подобные испытания в трех средах, и было ограничено энерговыделение подземных ядерных взрывов. Не раз поднимался и вопрос о полном запрете ядерных испытаний, но он оставался открытым как из-за разногласий по вопросам контроля, так и по другим причинам.

Наиболее обоснованным с военно-технической (да и, пожалуй, политической) точки зрения был бы вариант постепенного ограничения как «потолков» энерговыделения, так и количества испытаний. Но Соединенные Штаты с первой половины 90-х годов все более активно начали проводить курс на заключение Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). При этом следует подчеркнуть, что США, Китай и Франция уже в ходе переговоров по ДВЗЯИ провели серии испытаний, в которых был решен ряд крупных проблем разработки ядерного оружия, обеспечив тем самым примерно десятилетний временной «запас прочности» своих арсеналов.

Так, например, США провели в период с 1989 по сентябрь 1992 года 32 испытания и только после этого объявили мораторий.

Франция до объявления моратория в период с 1989 по 1996 год также осуществила масштабную серию из 26 испытаний, а Китай за этот же период времени провел более 10 испытаний своего ядерного оружия.

В СССР же, напротив, эта деятельность все более сворачивалась. Советский Союз, охваченный «перестройкой», последний раз испытывал ядерное оружие в октябре 1990 года, объявив в очередной раз в одностороннем порядке мораторий. В предыдущем 1989 году испытаний было всего лишь 8.

Понятно, почему США в этот момент настаивали на всеобщем запрещении ядерных испытаний. Во-первых, получив преимущества в решении технических проблем, США одновременно, и не без оснований, надеялись подорвать ядерно-оружейный комплекс России. Они знали, что он технически не готов к ведению оружейной работы без испытаний, кроме того, монетаристская политика пришедших к власти демократов привела к хроническому недофинансированию всего ВПК. Во-вторых, СМИ нагнетали в обществе страх, говоря о распространении ядерного оружия и указывая, в частности, на Индию и Пакистан, которые к тому времени вошли в члены «атомного клуба». ДВЗЯИ в этих условиях подавался как некая гарантия для неядерных государств. А в это время администрация США сумела добиться огромных средств для модернизации неполигонной испытательной базы, совершенствования математических методов расчета зарядов, повышения информативности и разработки новых методик неядерных взрывных опытов и создания новых лабораторных моделирующих физических установок с характеристиками, близкими к параметрам ядерного взрыва.

В конце XX века ДВЗЯИ был подписан основными ядерными державами. В 2000 году, несмотря на возражения военных, специалистов и ряда депутатов, этот договор был ратифицирован большинством Государственной думы РФ. США — инициатор договора — и Китай так и не сочли нужным это сделать. И тем самым Россия сама ввела самоограничение на свою деятельность в области ядерных вооружений.

Интересно отметить, что в ходе обсуждения ДВЗЯИ в сенате США сенатор-республиканец Дж. Хелмс, отвечая

на обращения Т. Блэра, Ж. Ширака и Г. Шредера к американским парламентариям о ратификации этого договора, заявил: «Против договора высказались шесть бывших министров обороны, четверо советников по национальной безопасности, четверо директоров ЦРУ, к ним сегодня присоединился и Генри Киссинджер. Кто по сравнению с ними трое из-за океана, которые ничего не понимают в наших делах?» Высказанная позиция жесткая, но заслуживающая внимания и уважения с точки зрения национальных интересов США.

Мнением наших специалистов российская власть пренебрегла. В свете сказанного целесообразно привести высказывание начальника 12-го ГУМО РФ с 1992 по 1997 год генерал-полковника Е.П. Маслина: «Заклучение ДВЗЯИ — это, конечно, политическое решение. Принималось оно, так сказать, через колено. Специалисты-ядерщики как раз и ломались через это колено, понимая, что им придется столкнуться с серьезной проблемой безопасности и надежности ядерных арсеналов».

Собственно, Соединенные Штаты Америки никогда не замораживали свои научно-технические и материальные возможности по всеобъемлющей и достоверной проверке надежности и безопасности ядерного арсенала. Напротив, все последнее десятилетие они активно и последовательно наращивают такие возможности в рамках финансирования и реализации ряда программ по коренному обновлению неполигонной лабораторной испытательной базы и по поддержанию Невадского атомного полигона. Ежегодный объем ассигнований только на эти цели составляет примерно 4—5 млрд. долларов. Причем в этой сфере весьма согласованно действуют все заинтересованные стороны — администрация США, сенат и разработчики ядерного оружия.

Принципиальное видение научно-технического характера и методов деятельности ядерно-оружейного комплекса США было и остается в США (в отличие от России) схожим как у исполнительной и законодательной власти, так и у профессионалов. Все, кто причастен к принятию решений, убеждены, что Соединенные Штаты в любой момент должны быть готовы начать ядерные испытания вновь.

Вопросу обеспечения надежности и безопасности ядерного арсенала придается настолько важное значение, что даже в резолюции сената США о ратификации договора

СНВ-2, который, кстати, тоже, в отличие от России, США не ратифицировали, заявлено: «При возникновении проблем конструктивных изъянов или старения, которые не могут быть разрешены с помощью надежной программы по поддержанию ядерного боезапаса, Соединенные Штаты резервируют за собой право возобновить подземные ядерные испытания, если это необходимо для поддержания уверенности в запасах ядерных боеприпасов. Соединенные Штаты обязуются поддерживать испытательный полигон в Неваде на уровне, при котором смогут возобновить испытания в течение года после принятия решения об этом.

Соединенные Штаты резервируют за собой право ссылаться на высшие национальные интересы для выхода из любого договора, затрагивающего контроль над вооружениями и предусматривающего ограничение подземных ядерных испытаний».

По сообщениям американской печати (явно имеющим зондажный характер), администрация Джорджа Буша рассматривает возможность обращения к конгрессу с запросом о предоставлении ей права возобновить подземные ядерные испытания.

Казалось бы, что в России, в принципе, подходы должны быть аналогичными. Более того, надо иметь в виду, что оружейные комплексы основных ядерных держав не имеют проблем, связанных с развалом страны, с которыми в последние 15 лет сталкиваются российские ядерщики. Это разрыв связей в кооперации, вынужденная замена материалов, ухудшение качества материалов и комплектующих изделий, изменение ГОСТов, замена поставщиков и т.д. В итоге даже небольшие изменения к худшему могут дать качественно новые результаты, резко снижающие уровень эксплуатационной и боевой надежности ядерного арсенала. Естественно, что выявить и нейтрализовать эти отрицательные тенденции можно, лишь возобновив натурные испытания.

Однако, к сожалению, картина наблюдается иная. Отечественные возможности в ядерной оружейной области все более утрачиваются. С распадом СССР Россия потеряла основной испытательный полигон в Казахстане под Семипалатинском. На нем теперь хозяйничают американские специалисты. Лабораторно-испытательная база, созданная в советское время, физически и морально устарела. Стареют кадры, и им нет адекватной замены, мно-

гие специалисты вынуждены выполнять работы по договорам с иностранцами, в том числе американскими, заказчиками по темам, не связанным с оружейной проблематикой и т.д. И ядерная оружейная работа, мягко говоря, все более «провисает». Не будет преувеличением сказать, что сейчас у нас нет моделирующей базы, сравнимой с возможностями США, способной хоть как-то заменить испытания. Ее надо создавать и тратить много средств. Сегодня государство располагает огромными средствами, в частности, сосредоточенными в Стабилизационном фонде, в золотовалютных резервах. Но тратятся они на погашение долгов Западу, долгов, неведомо кем взятых и на что потраченных. На нефтяные деньги покупаются футбольные клубы, роскошные яхты и даже золотые яйца. И только на обеспечение национальной безопасности и суверенитета России у власти денег нет.

С военно-технической и экономической точки зрения проще и дешевле изредка проводить испытания на оставшемся единственном Северном полигоне на Новой Земле. Но даже если сегодня возникнет необходимость натурных испытаний, реализовать эту задачу, по сути, уже некому. Полигонные подразделения в структуре разработчиков ядерного оружия фактически ликвидированы, кадры испытателей переквалифицированы или они уже находятся на пенсии. Ликвидированы мощные строительные, горнопроходческие подразделения в структуре Минатома, которые были призваны обеспечивать подготовительный этап испытаний и т.д. Ситуация осложняется особой кадровой спецификой ядерного оружейного комплекса. Специалистом-оружейником (теоретиком, экспериментатором, проектантом, конструктором, технологом) выпускник вуза становится лишь через 5—10 лет в процессе активной реальной работы, прямого общения с опытными профессионалами и знакомства с закрытой документацией. Без натурных испытаний невозможно воспитать полноценного специалиста, способного освоить все тонкости весьма специфической сферы создания современного ядерного оружия. Надо заметить, что и высший руководящий пост в Минатоме уже почти десять лет занимают люди, весьма далекие от оружейной тематики. Последним министром, занимавшимся непосредственно разработкой и испытанием ядерного оружия, был В.Н. Михайлов.

В настоящее время Северный испытательный полигон на Новой Земле, в отличие от Невадского полигона США,

находится в критическом состоянии. Инфраструктура полуразвалена, квалифицированные кадры уходят. Фактически на уровне более чем двадцатилетней давности законсервированы научно-технические возможности аппаратуры подрыва, средств телеметрического контроля и измерительного комплекса. Для ликвидации образовавшегося провала как в научно-техническом, так и в материальном оснащении полигона необходимы целевые значительные средства на его восстановление и разработку современных измерительных комплексов.

Сложившаяся ситуация дает хороший повод для нового осмысления рациональной ядерной оружейной политики России и усиления внимания к проблемам этого комплекса. При этом следует отдавать себе ясный отчет в том, что принципиальные научно-технические задачи ядерных комплексов США и России примерно одинаковы. Поэтому и научно-технические меры российской стороны по обеспечению уверенности в отечественном ядерном арсенале должно хотя бы минимально соответствовать тем усилиям, которые предприняты в этом отношении в Соединенных Штатах за последние годы. Предельно кратко проблема формулируется так: перспективная уверенность в ядерном арсенале тождественна периодическим ядерным испытаниям и крупным, масштабным мерам по обновлению материальной базы комплекса. Главное — это быть или не быть России державой с ядерным статусом.

* * *

В продолжение темы безопасности России публикуем выступления И.Н. Родионова в Государственной думе 18 ноября и 16 декабря 2005 года. (Ред.)

В 1993 году Минатом и Пентагон заключили соглашение о строительстве в Челябинской области хранилища делящихся материалов, полученных в результате уничтожения ядерного оружия в России, — сокращенно ХДМ. В 1995 году началась стройка стоимостью 1,2 миллиарда долларов, 800 миллионов долларов выложил Пентагон. По расчетам, на протяжении ста лет в нем должно храниться до 400 тонн оружейного урана и плутония. Секретности не было, но вся информация жестко блокиро-

валась. В день пуска в эксплуатацию в 2003 году по требованию американцев не был приглашен ни один представитель СМИ России. Сегодня идет его загрузка.

Объект уникален и не имеет аналогов в мире.

Во-первых, хранилище наземное, высотой 18 метров, площадью четыре футбольных поля.

Во-вторых, впервые в практике ядерных держав нарушена базовая концепция обязательного территориального рассредоточения ядерной взрывчатки при хранении.

В-третьих, взрывчатка загружается в контейнеры, изготовленные в Штатах и под полным контролем пентагоновцев. Нам запрещено вскрывать контейнеры даже в случае, если контрольное просвечивание зафиксирует отклонения от нормы или посторонние предметы в них. Более того, контейнеры не лицензированы.

В-четвертых, уран и плутоний закладываются на хранение в виде металлов, а не окислов. Металлический уран и плутоний — это пирофоры, то есть вещества, которые на воздухе при обычной температуре самовоспламеняются. Сегодня нет ни одного химического средства, способного погасить или локализовать ядерный пожар.

В-пятых, в ответах на вопрос о степени безопасности ХДМ министр Румянцев, сменивший Адамова, зачитывал абзац из технической документации: степень безопасности ХДМ отвечает всем мировым стандартам, ХДМ опережает в этом все аналогичные хранилища в мире. Но Румянцев не читает дальше: при проектировании здания учитывалось падение самолета массой до 20 тонн со скоростью 200 метров в секунду и тому подобное, то есть это могут быть самолеты, авиабомбы, снаряды времен Второй мировой войны. «Ту-154» весит 100 тонн, «боинги» — 140—180, не говоря о боевых средствах поражения, а ХДМ рассчитано на сто лет!

В-шестых, ХДМ проектировалось и строилось без экспертиз Госатомнадзора, Госкомприроды, то есть тихо, само по себе. Попытку свалить ответственность за контроль на Министерство обороны я лично категорически отрицаю, так как в 1996—1997 годах, возглавляя Министерство обороны, и понятия не имел об этом объекте.

В-седьмых, проблеме ХДМ скоро пятнадцать лет. За это время проведен десяток мероприятий с целью разобраться, что это такое, но все они проходили в закрытом режиме и без какого-либо ответа на поставленные вопросы. На все мои официальные обращения к президенту, к

Фрадкову, к Патрушеву, Устинову, Иванову (одному и другому), остальным силовым министрам в ответ либо молчание, либо пустая отписка в духе Румянцева. Так же ведет себя и Комитет Думы по безопасности.

Концентрация десятков тонн ядерной взрывчатки под Челябинском создала невиданную угрозу для России. Вполне вероятный теракт доморощенных террористов или теракт по сигналу из Пентагона приведет к пожару. Ядерный пожар разорвет Россию пополам, парализует транспортную систему и экономику Урала и Сибири, поставит под вопрос целостность страны. Миллионы жителей будут отрезаны от европейской части. Зона заражения охватит Челябинскую, Свердловскую, Курганскую, Тюменскую области и обширные районы Казахстана. Возникнет проблема эвакуации миллионов людей. На сто лет Россия обрекает себя быть заложницей создаваемого ядерного фугаса с вполне вероятной системой подрыва из-за океана. Чудовищно! Кстати, в России давно разработана и запатентована совершенно безопасная технология хранения ядерной взрывчатки, но она лежит невостребованной на полке, а автор влачит полунищенское существование.

Уважаемые депутаты, я обращаюсь к вам с просьбой проникнуться ответственностью и тревогой за происходящее в системе Росатома, приобщив к проблеме ХДМ и тайну продажи за бесценок и вывоза за океан 500 тонн оружейного урана, половину которого уже вывезли. Приглашение в Думу Михайлова, Адамова, Румянцева — пустая имитация беспокойности. Необходимо провести расследование, но без участия лиц, заинтересованных в сокрытии и замалчивании возможной государственной измены.

* * *

Продолжаю разговор о проблемах национальной безопасности. Тема: сделка ВОУ—НОУ между Россией и США. Пояснения: ВОУ — высокообогащенный уран, ядерная взрывчатка; НОУ — низкообогащенный уран, переработанный из высокообогащенного с целью использования в качестве топлива для атомных электростанций. 18 февраля 1993 года министром Минатома Михайловым и министром энергетики США в присутствии глав обоих государств было подписано соглашение о продаже 500 тонн ВОУ, переработанного у нас в НОУ, в США. 500 тонн

оружейного урана — это был стратегический запас СССР, наработанный за длительные годы, с большими материальными затратами. Стоимость сделки — 12 миллиардов долларов. Цена была определена Ельциным при встрече с Клинтоном. Цена устанавливалась от фонаря, ибо рыночной цены на этот материал не имелось, как не существовало и самого легального рынка оружейного урана, запрещенного Международным соглашением о нераспространении ядерного оружия. Его стоимость можно оценить исходя из энергетического эквивалента в перерасчете на нефть: 500 тонн оружейного урана эквивалентны примерно 1 миллиарду тонн нефти, стоимость которой составляет примерно 1 триллион долларов. Использование НОУ в своих реакторах могло обеспечить работу всех АЭС России в течение тридцати лет. Данное соглашение напрямую относится к вопросам национальной безопасности, но оно не было внесено правительством в Думу на ратификацию.

Соглашение сегодня продолжает выполняться за спиной народа и депутатского корпуса: на сегодня 250 тонн ВОУ переправлено в США. Валютные поступления составили 5,3 миллиарда долларов. По официальным данным чиновников Минатома, энергетический эквивалент продукции, поставленной в США, составляет 3 триллиона киловатт электроэнергии, на производство которых путем сжигания органического топлива пришлось бы затратить 750 миллиардов кубометров газа или 650 миллионов тонн нефти. Стоимость 3 триллионов киловатт электроэнергии составляет 4,5 триллиона рублей, или 200 миллиардов долларов. 650 миллионов тонн нефти сегодня стоит почти 300 миллиардов долларов! Итог: вырученные деньги за ядерную продукцию составили всего 2 процента ее истинной стоимости! Вот так распродается Россия! Вот так торгуют ее национальными богатствами! Цель соглашения со стороны США: первое — за бесценок получить энергетическое сырье; второе — лишить своего потенциального противника — в отличие от взглядов России на США — возможности воспроизводить ядерное оружие. К сему: за все годы в США также наработано примерно 500 тонн оружейного урана, но США им не торгуют и не перерабатывают в НОУ. Развал Советского Союза лишил Россию источников уранового сырья, оставшихся в Казахстане и Узбекистане. Разведанные запасы в самой России не освоены. Сегодня годовая потреб-

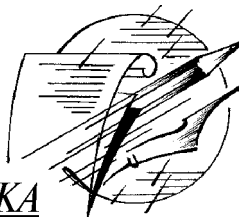
ность России в уране для АЭС составляет 15 тысяч тонн, промышленность выдает только 3 тысячи тонн. Уже сейчас ведутся переговоры с зарубежьем о поставках урана в Россию! Данное соглашение — уродливое дитя уродливой политики режима Ельцина и Черномырдина. Почему президент Путин решительно не вмешался и не остановил творимые против России преступления?!

Уважаемые депутаты, я призываю вас обратиться к президенту и правительству с требованием остановить и расторгнуть соглашение о поставке в США российского оружейного урана.

БОРИС КОВЕРДА

От редакции. 17 июля 2008 года исполняется 90 лет со дня зверской расправы над Царской Семьей. Одним из участников этого злодеяния был П. Войков, имя которого до сих пор носит станция Московского метро. Правда, рука справедливого возмездия в 1927 году покарала большевистского преступника, и сделал это Борис Коверда. Но мало кому известна дальнейшая судьба этого человека, как ни удивительно, дожившего аж до времени горбачевской «перестройки».

П. Войков (Пинхус Вайнер) прибыл в Россию в числе ленинских соратников в знаменитом «пломбированном вагоне», был командирован на Урал и стал одним из непосредственных участников убийства Царской Семьи 4/17 июля 1918 г., присутствуя при этом как представитель областного Совдепа, и потом как химик руководил уничтожением тел, обеспечив доставку кислоты. В 1924 г. Войков стал советским полпредом в Варшаве. Под новый, для него роковой, 1927 год, под влиянием выпитого на вечере сотрудников посольства, он рассказал будущему невозвращенцу Беседовскому жуткую историю убийства Царской Семьи в доме Ипатьева. *«Это была ужасная история, — говорил Войков, держа в руках перстень с рубином, переливающимся цветом крови, который он снял с одной из жертв после убийства. — Мы, все участники, были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровский, и*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тот под конец не вытерпел и сказал, что еще несколько таких дней, и он сошел бы с ума». Покарав этого палача Царской Семьи 7 июня 1927 г. на варшавском вокзале, юноша Борис Коверда (1907—1987) стал героем русской эмиграции.

Суд над Борисом Ковердой был проведен очень быстро: 7 июня было совершено покушение, а уже 15-го был вынесен приговор. Оба заинтересованных правительства, польское и советское, имели для этого основания. Польша не хотела осложнять отношения со своим опасным соседом, с которым она не так давно закончила войну. Для Советского же Союза долгое следствие и разбор причин покушения грозили превратить суд над Ковердой в обсуждение советского режима в глазах мировой общественности. Большевики боялись повторения суда над другим русским эмигрантом, швейцарским подданным Конради, застрелившим в 1923 г. секретаря советской делегации Воровского. Швейцарский суд оправдал Конради и тем самым в ходе процесса разоблачил и осудил большевистские злодеяния в России.

Для ускорения процесса польское правительство нашло возможным применение закона о чрезвычайных судах, относящегося к преступлениям против польских официальных лиц (Войкова как дипломата, пользующегося государственной защитой, причислили к таковым). В составе председателя и двух членов этот суд выносил скорые и суровые приговоры, которые являлись окончательными и обжалованию не подлежали.

С раннего утра 15 июня здание суда было окружено толпой лиц, желавших присутствовать в зале судебного заседания. Несмотря на строгий отбор, с которым производился допуск в зал, все скамьи для публики, проходы и места за судьями оказались занятыми. Польская и иностранная пресса были представлены значительным числом журналистов, количество которых достигло 120 человек. Среди них были корреспонденты «Правды» и «Известий», занявшие места в стороне от «буржуазных» журналистов.

Борис Коверда был введен в зал суда под сильным конвоем и сразу завоевал общую симпатию своей улыбкой и добрым выражением лица. В чистой рубашке и в скромном костюме он казался совершенно мальчиком. Свои показания Коверда давал, как и все свидетели, на польском языке. В первый момент он очень волновался, но все остальное время держал себя спокойно, несмотря на то, что до объявления приговора в напряженной атмосфере су-

дебного заседания возникали даже опасения о возможности вынесения смертного приговора... Обвинительный акт о предании Бориса Коверды чрезвычайному суду, в качестве обвиняемого по статье 453 уголовного кодекса, в интересующей нас части, гласит:

«Стрелявшим в посланника Войкова оказался Борис Коверда, девятнадцати лет, ученик гимназии Русского Общества в Вильно, который, опрошенный в качестве обвиняемого, признал себя виновным в умышленном убийстве посланника Войкова и заявил, что он, будучи противником настоящего политического и общественного строя в России и имея намерение поехать в Россию, чтобы там принять активное участие в борьбе с этим строем, приехал в Варшаву с целью получить разрешение Представительства СССР на бесплатный проезд в Россию. А когда ему было в этом отказано, он решил убить посланника Войкова, как представителя власти СССР. ...Ни к какой политической организации не принадлежит, и акт убийства он совершил сам, без чьего-либо внушения или соучастия».

После оглашения обвинительного акта председатель суда спросил Коверду, признает ли он себя виновным, на что тот ответил, что признает убийство Войкова, но виновным себя не признает, так как убил его за все то, что большевики совершили в России.

По окончании этого заявления были введены свидетели. Свидетель околоточный Ясинский дежурил на вокзале, услышал несколько выстрелов и *«заметил двух людей, стрелявших друг в друга из револьверов»*. Описав последующие обстоятельства, он закончил свое показание так: *«Будучи в помещении, в которое был отведен Коверда, я слышал, как тот сказал: «за Россию»*. Полицейский Домбровский, тоже дежуривший на вокзале, дал свою версию событий и подтвердил, что на вопрос, зачем он стрелял, Коверда ответил: *«Я отомстил за Россию, за миллионы людей»*. Он также отметил, что Коверда был совершенно спокоен, когда его арестовали, скрыться не пытался, то есть сознательно шел на эту жертвенную акцию, рискуя жизнью или свободой. Отметим немаловажное «случайное» стечение обстоятельств в происшедшем. Каждый день юноша ждал царевубийцу на вокзале, а деньги на пребывание в Варшаве кончились. Однако Господу Богу было угодно, чтобы в последний день, когда Коверда уже собрался возвращаться домой, Войков появился на вокзале для встречи с проезжавшим через Варшаву Розенгольцем.

Коверда не сразу попал в Войкова, хотя выпустил в него, убежавшего и отстреливавшегося, всю обойму пистолета — шесть пуль. В царубийцу попали лишь две, и он скончался от ранений в больнице. Ни один из выстрелов Войкова в Коверду не достиг цели.

Со стороны защиты выступали родители и сестра Бориса, директор гимназии, в которой он учился, его духовник, издатель антикоммунистического еженедельника «Белорусское Слово», в котором Коверда проработал три года, товарищи по гимназии, знакомые — всего 21 человек. Приведем наиболее существенные отрывки.

Мать Бориса, Анна Коверда, дала следующие показания: *«В 1915 году мы были эвакуированы властями из Вильны... Мы жили в России до 1920 года... То, что он видел в Самаре, не могло создать в нем благоприятного для большевиков настроения... Он был свидетелем разгула Чрезвычайки... Сын моей сестры был убит большевиками. Борис часто об этом говорил с моей сестрой... Борис в Самаре был свидетелем, как расстреливали на льду нашего знакомого отца Лебедева... Борис был впечатлительным, тихим и скромным. Он работал на всю семью... Когда Борис был еще 6—7-летним мальчиком, я иногда читала ему историю России... На него особенно сильное впечатление произвела история Сусанина. Он сказал мне: «Мама, я хочу быть Сусаниным»...».*

Директор гимназии Виленского Русского Общества сообщил следующее: *«В прошлом учебном году Коверда поступил в нашу гимназию в 7-й класс... Я знал, что Коверда находится в очень тяжелых материальных условиях, что он вынужден работать... Мы мирились с частым пропуском уроков... и он хоть с трудом, но был переведен в 8-й класс... Уже после Рождества он очень редко бывал в гимназии... Возник вопрос, что делать с Ковердой. 21 мая на заседании педагогического совета было принято решение об исключении Бориса... Исключение Коверды... было для меня тяжелой обязанностью... У него были слезы на глазах, когда он говорил, что хочет окончить гимназию, но не может платить... Коверда был тихим, спокойным, послушным, сосредоточенным и замкнутым... Как директор гимназии я могу сказать, что Коверда оставил в гимназии самые хорошие воспоминания... На этой неделе я разговаривал с товарищами Коверды. Они мне говорили, что встречались с Ковердой и рассказывали ему об экзаменах. Коверда загадочно говорил о том, что ему тоже предстоит сдать экзамен, и потом его товарищи объяснили, что этот экзамен — это его поступок. Общее мнение о*

Коверде гласило, что это человек безусловно идейный, не бросающий слов на ветер, сосредоточенный, впечатлительный, мягкий... Всем было ясно, что Коверда переживал что-то крупное, что-то ценное, какую-то тайну. Это было общее мнение товарищей Коверды по гимназии...»

Священник Дзичковский был духовником и законоучителем Бориса и охарактеризовал его как хорошего ученика и христианина: *«Борис Коверда был христианином не только на словах. Он относился к закону Божию с особенным вниманием. Посещал церковь. Я видел, что он в семье получил религиозное воспитание и этим отличался от остальных моих учеников...»*.

Арсений Павлюкевич, издатель еженедельника «Белорусское Слово», показал, что Коверда работал у него корректором и экспедитором, был трудолюбив, делал переводы, интересовался религиозным отделом и вступал в переписку с методистами, защищая Православие. Товарищи по гимназии Агафонов и Белевский пробыли с ним в одном классе два года и считали его замкнутым, набожным, скромным и симпатичным. Его любили и уважали. Он приходил в гимназию усталый от работы. Коверда был противником большевиков и в Вильне выступал против них. Коверда говорил, что он очень любит Родину, и Родина находится в тяжелом положении.

После окончания выступлений остальных свидетелей защиты, которые ничего по сути дела не добавили, суд перешел к слушанию обвиняемого.

Коверда поднялся со своего места и громко и отчетливо стал рассказывать на польском языке свои воспоминания и впечатления детства в России, передавая обстоятельства и сцены бесправия, насилия, жестокости и террора: *«Еще в прошлом году я хотел ехать для борьбы с большевиками в Россию. Я говорил об этом моим друзьям. Не знаю, почему они умолчали об этом здесь перед судом. Но пришло время материальной нужды, и мне не удалось осуществить мой замысел. Но когда мое материальное положение укрепилось, я опять начал думать о борьбе и решил поехать в Россию легально. Я собрал немного денег и приехал в Варшаву, а когда мне было в этом отказано, я решил убить Войкова, представителя международной банды большевиков. Мне жаль, что я причинил столько неприятностей моей второй родине — Польше»*.

Прокурор Рудницкий начал свою речь с утверждения, что Коверда является русским не только по происхождению, языку и вероисповеданию, но и по «*одушевляющей*

его экзальтированной, плохо понятой, ведущей на неверные пути, но, тем не менее, глубокой любви к своей стране». Затем он продолжил: «На какую бы ошибочную дорогу ни завела его эта любовь, мы не можем не принять во внимание той правды, которая в нем живет, руководит его непытным умом, его ошибочными, преступными шагами. Но, господа судьи, мы не можем преступление, убийство посланника Войкова, считать за спор сегодняшней России с завтрашней Россией или же России сегодняшнего дня с Россией вчерашнего дня, а тем более мы не можем считать, что наш приговор должен разрешить великий спор между двумя лагерями одного народа. Мы не можем ни минуты задумываться над вопросом, кто прав: сегодняшние правители России или же ее эмиграция, которая, измученная и раздраженная, как всякий лишенный своей земли человек, желает ввести какой-то другой порядок в России. Мы не можем ни разрешать, ни касаться этого спора не только потому, что никто из современников не в состоянии разрешить, за кем правда в великих исторических переворотах, но прежде всего потому, что это спор русских с русскими, спор внутри государства, борьба сил чуждого общества.

Мы не можем также поставить вопроса, был или не был террористический акт Коверды вызван и оправдан террором в России... Мы не можем ставить вопрос, кто первый начал применять террор... При этом подходе мы сталкиваемся сразу с понятием о вечной и никогда не исчезающей человеческой гордыне. Коверда убивает за Россию, от имени России. Право выступать от имени народа он присвоил себе сам. Никто его не уполномочивал ни на это сведение счетов, ни к борьбе от имени России, ни к мести за нее... Этот безумный и роковой выстрел, последним эхом которого будет ваш приговор, Польская республика, которая будет говорить вашими устами, должна осудить и сурово наказать. Слишком тяжелое оскорбление нанесено ее достоинству, чтобы она могла быть мягкой и снисходительной. Она обязана быть суровой в отношении виновного, значит, и вам нельзя не быть суровыми. Через несколько минут вы должны стать мыслью и совестью республики, болеть ее заботами, возмущаться ее гневом, карать ее мудростью. И если вы из-за милосердия, которое ей свойственно, захотите проявить снисхождение, взвесьте и помните, что это не вы, но она сама будет оказывать милосердие!»

Бориса Коверду защищали четыре адвоката: Недзельский, Андреев, Эттингер, Пасхальский.

Выступавший первым Недзельский сказал, что этим убийством юный христианин Коверда фактически встал на защиту принципа «не убий», покарав тех, кто возвел убийство в ранг государственной политики. Адвокат привел итоги большевистского владычества: *«...По подсчетам русского социалиста Мельгунова — уже в первый период большевистского господства пало по приказу кровавой Чека миллион семьсот тысяч людей. Проходят годы, и каждый день поглощает новые жертвы... За все время, в течение которого кошмар большевизма висит над Европой, — свершились только два акта мести: один в Швейцарии в 1923 г., когда убит был Воровский, другой — спустя четыре года на польской земле — убийство Войкова. Неужели эти две жизни являются таким ужасом в сравнении с миллионом семьями тысяч невинных жертв Чека? С десятками миллионов жизней, поглощенных по вине советского эксперимента, гражданской войной, голодом, нуждой и болезнями?..»*

Заканчивая свое выступление, адвокат Недзельский приходит к заключению, что столкновение между всемирной христианской культурой и попыткой большевиков вернуть человечество на путь варварства неустранимо, и, обращаясь к судьям, говорит: *«Вот почему бремя великой исторической ответственности падает не на личность Бориса Коверды, а на весь тот строй, на совести которого уже столько преступлений и совесть которого еще запятнана не одной катастрофой, прежде чем наступит в мире победа правды и справедливости... Пусть на чашу милосердия будет брошен символ, который Коверда хотел защитить, — крест, на котором написана заповедь «не убий». А если этого мало, то бросим на чашу весов любовь к Родине, которой Коверда посвятил свою молодую жизнь. И чаша милосердия должна перевесить!»*

Следующим выступал защитник Павел Андреев, который начал свою речь с оспаривания утверждения прокурора, что столкновение между Ковердой и Войковым — это борьба между двумя русскими, различно относящимися к состоянию своей Родины: *«Нет! Коверда страдал за несчастья своей родины, боролся за нее. Войков же не представлял родину Коверды, а созданное на крови и кровью питающееся государственное новообразование, которое даже со своих знамен сорвало имя России. Родина — это не только территория, не только совокупность людей. Родина — это комплекс традиций, верований, стремлений, святынь, культурных достижений и исторической общности людей и земли, ими на-*

селенной. Родина — это история, в которой развивается нация. А разве СССР может создать нацию? Нет!»

Опровергая следующую установку прокурора, Андреев говорил: «Борис Коверда — жалкая пылинка — выступил против ужасной силы не во имя гордости, не во имя ненужного реформаторства, как это хочет видеть господин прокурор. Гордость? Господа судьи, разве в этом мальчике, сидящем здесь на скамье подсудимых, можно усмотреть хотя бы тень гордости, этого сатанинского искушения? Разве вы не поняли, господа судьи, что Борис Коверда — это мальчик с чистой, кристальной душой, с голубиным сердцем; мальчик, способный на жертву, мальчик, которого на страшный поступок убийства толкнула не гордость, а любовь к неисчислимым массам сородичей, уничтожаемых, попираемых и убиваемых III Интернационалом».

Третья защитительная речь, адвоката Эттингера, была аргументацией против подсудности дела чрезвычайному суду.

Последним выступал адвокат Франциск Пасхальский, который сравнил суд над Конради в Швейцарии с судом над Ковердой в Польше. Он сказал, что Швейцария стала ареной процесса, во время которого прошел длинный ряд свидетелей, пополняя обвинительный акт против режима большевиков. «Никто, однако, не может нам запретить здесь говорить обо всем, что Коверда пережил и что толкнуло его на убийство», — сказал Пасхальский. Вернувшись к воспоминаниям детства Бориса в советской России, он подчеркнул, что, в отличие от взрослых, видевших многое, для детской души, которая впервые смотрит на мир, такая картина, как «ледяное крещение» в реке священника, оставляет неизгладимое впечатление и ложится в основу жизненного опыта ребенка.

Заседание суда открылось в 10.45 утра, а приговор был вынесен через 14 часов в 12.45 ночи. Судьям понадобилось 50 минут, чтобы принять решение. Приговор был выслушан Ковердой и всеми присутствующими стоя. Когда председатель суда дошел до слов о бессрочной каторге, вздох облегчения прошел по залу, а Коверда встретил приговор с выражением радости на лице.

Его отец подбежал к скамье подсудимых и крепко обнял и поцеловал сына, который сразу же, под конвоем полицейских, был отведен в тюрьму.

Месяц спустя в том же 1927 г. митрополит Сергей в своей Декларации о лояльности богоборческой советской власти осудил деяние Бориса Коверды следующими

словами: «Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому, создается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести», как учил нас Апостол (Рим. XIII, 5)».

Впоследствии президент Речи Посполитой заменил бессрочные каторжные работы теми же работами, но на пятнадцатилетний срок. Как мы сейчас знаем, Борис Сафонович Коверда провел 10 лет своей молодой жизни в тюрьме (освобожден по амнистии).

В китайском Харбине поэтесса Марианна Колосова посвятила Борису стихотворение:

РУССКОМУ РЫЦАРЮ

*С Дальнего Востока — в Варшаву,
Солнцу — привет из тьмы!
Герою, воспетому славой —
В стенах варшавской тюрьмы.*

*Золотыми буквами — Имя
На пергаменте славных дел.
И двуглавый орел над ними
В высоту голубую взлетел!*

*Зашептались зеленые дали...
Зазвенела Русская ширь...
Ты — литой из блестящей стали
Из старых былин богатырь!*

*И закорчился змей стоголовый,
Видно пули страшней, чем слова?
И под стены старой Варшавы
Покатилась одна голова...*

*Нам еще отрубить осталось
Девяносто девять голов...
Но нам ли страх и усталость?
На подвиг каждый готов!*

*И огнями горит золотыми
Путеводная наша звезда —
Дорогое, любимое имя:
«Русский рыцарь Борис КОВЕРДА!»*

В том же 1927 г. в Варшаве «Союзом Юристов с Восточных Окраин Польши» на польском языке была издана книга, переведенная сразу и на русский язык: «Дело Б. Коверды. Июнь 1927» (Книгоиздательство «Возрождение», Париж). Но сам Борис Сафронович был очень скромным человеком и, даже став героем русской эмиграции, не описывал публично свой подвиг. (В 1983 г., кажется, он приехал инкогнито на Посевскую конференцию во Франкфурт, и только по его просьбе, обращенной к одному из писателей, надписать книгу Наташе Коверде, его дочери, я догадался, кто был передо мной.)

Лишь в 1984 году, сознавая важность восстановления исторической истины и, возможно, предчувствуя, что его жизнь подходит к концу, он написал статью «Покушение на полпреда Войкова 7 июля 1927 года» («Русская Мысль», №3505—3506, февр. 1984 г., и журнал «Часовой»). Эта короткая статья, названная автором «свидетельским показанием», написана языком делового отчета и почти полностью ограничивается передачей фактов и событий. В ней он впервые раскрывает единомышленников, которые знали о готовившемся покушении и учили Бориса обращаться с оружием: это были издатель газеты «Белорусское Слово» доктор Арсений Васильевич Павлюкевич и белогвардейский казачий есаул Михаил Ильич Яковлев. (А.П. Павлюкевич и М.И. Яковлев погибли при захвате Польши немцами, оказав им сопротивление.)

Борис Сафронович Коверда скончался в США 18 февраля 1987 года, немного не дожив до своего 80-летия. Отпевание и похороны состоялись 20 февраля в монастыре Новое Дивеево.

Войков похоронен у Кремлевской стены и до сих пор оскверняет ее, а его имя — станцию метро и несколько улиц столицы. Все попытки православной общественности (Союза «Христианское Возрождение», Союза Русского Народа, депутатской группы «Возвращение») добиться хотя бы переименования станции метро «Войковская» были безуспешными. Нынешние властители чувствуют себя преемниками Войкова, а не Б. Коверды.

Геннадий ШИМАНОВ

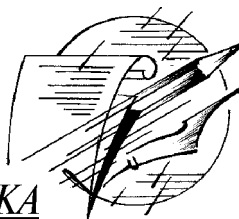
ДВА УСЛОВИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА В РОССИИ

Чтобы существующие в нашей стране проблемы получили свое правильное решение, они должны быть названы по имени и должны обсуждаться откровенно, без утайки какой-либо из них или каких-то связанных с ними сложностей.

Руководители РПЦ не ответили до сих пор в своих документах на один из самых острых и важных вопросов, волнующих граждан современной России. На вопрос о том, какой общественный строй они считают наилучшим, а какой наихудшим. И почему. В принятых Архиерейским Собором в 2000 году «Основах социальной концепции РПЦ» не только нет соответствующих ответов, но даже вопрос об их важности не поставлен.

И этот порок архиерейского документа сказался на Программе «Христианство-2000», принявшей названные «Основы» в качестве своей собственной основы.

Архиерейский Собор, принявший свой документ без предварительного его обсуждения в общецерковном масштабе, предпочел уклониться от оценки разных общественных строев и подменил эту тему заявлением о допустимости всех типов собственности. Хотя тип собствен-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ности и общественный строй — это разные вещи. Общественный строй определяется не наличием в нем того или иного типа собственности, а **господствующим в нем типом собственности**, подчиняющим себе все остальные.

Уклонившись от главной темы социального вопроса, Собор сосредоточился на его частностях и заслонил обилием своих рекомендаций по ним это свое уклонение от сути дела. Собор предпочел не увидеть в современном капитализме царства маммоны и, фактически, разрешил членам РПЦ выбирать любой социальный строй по своему вкусу. Оговорив, правда, это разрешение умасливающими словами о недопустимости при любом социальном строе всего, что может, так или иначе, коробить христианскую совесть.

«Основы социальной концепции РПЦ» объясняют свое безразличие к разным типам общества своей уверенностью в том, что Церковь способна жить при любом социальном строе. Но это ложное объяснение. Потому что из этой уверенности (если признать ее обоснованность) никак не следует, что любой социальный строй одинаково способен принимать истины Евангелия и осуществлять их на практике. А если у разных типов общества эта способность различна, то именно по этому критерию и следует определять степень совершенства (или, наоборот, порочности) того или иного социального строя.

Начать распознавание природы разных типов общества легче всего с ответа на вопрос, способен ли господствующий ныне капиталистический строй развиваться в сторону все большего усвоения им христианских целей и норм жизни. Но стоит только задать этот вопрос, как ответ на него возникнет сразу же. И будет он, конечно же, отрицательным. Потому что капитализм есть действительно не что иное, как царство маммоны, т.е. нечто прямо противоположное праведному социальному строю жизни на земле.

Если же царство маммоны и капитализм это нечто разное, то спрашивается, где же искать, в таком случае, это царство маммоны в истории? Какой общественный строй воплощал в себе его черты в наибольшей степени?

К сказанному можно добавить, что именно капитализм стал причиной окончательной катастрофы христианского мира, т.е. превращения его в мир антихристианский. Капитализм выедал христианство изнутри, он обессолил его, и в этом не было никакой случайности, потому что

сама идея, заложенная в основание капиталистического строя, полностью противоположна идее христианской.

Капиталистическая идея есть идея господства индивидуального начала над началом соборным. Господства, которое разрушает духовные связи людей (религиозные, семейные и национальные) и тем самым расчеловечивает их. Превращает людей в сознательных или бессознательных эгоистов, ведущих борьбу за, как им представляется, лучшее место под солнцем. Борьбу за деньги и связанные с ними преимущества: удобства и наслаждения, престиж и власть над другими людьми. Капиталистическая идея это не просто какая-то частная идея, это идея фундаментальная, ставшая фактически религией, противоположной по своему смыслу христианской религии.

Если сказанное выше есть правда, то, спрашивается, почему бы нашей Церкви в лице ее архиереев не сказать о ней в полный голос в своей социальной концепции? Сказать, чтобы правильно ориентировать православных христиан в этом вопросе. А если это неправда, то объяснить, почему.

В дополнение к сказанному еще несколько соображений. Вопреки расхожим словам о том, что «каковы люди — таково и общество», характер общества зависит не только и даже не столько от характера его членов, сколько от той или иной идеи, заложенной в его основание. Если эта идея правильна, то под ее влиянием и плохие люди будут меняться в лучшую сторону. А если в основание общества заложена идея ложная, то даже хорошие люди начнут под ее влиянием портиться и превращаться в людей все более плохих. Что бывает особенно заметно при смене поколений.

Без ориентиров, показывающих, какие общества спасительны для людей, а какие пагубны, люди обречены на социальную слепоту, а слепота есть бессилие. Из чего следует, что социальная слепота православных христиан закрепит уже окончательно их неспособность творить свое лучшее будущее. Которое будет твориться чужими для них руками. Или, правильнее сказать, враждебными им руками.

Даже для того, чтобы строить правильно свою личную жизнь, человеку надо знать, каким должно быть правильное общество. Не то, каким оно будет в Царстве Небесном (об этом мы можем знать лишь в самой малой степени), а то, каким оно должно быть здесь, еще на этой земле, где действует грех. Ибо личная жизнь и общественная

жизнь взаимосвязаны и взаимозависимы. А потому и слепота человека по отношению к обществу скажется неизбежно на понимании им самого себя.

Здесь, на этой грешной земле, человек не столько сам влияет на общество, сколько испытывает его влияние на себе. Чем он слабее духовно, тем больше его зависимость от общества, а чем он сильнее, тем больше его свобода от него. И тем больше его способность влиять на него.

А кто слабее духовно? Слабее, во-первых, дети и молодые люди, еще не успевшие о многом подумать. Слабее, во-вторых, неграмотные и обремененные трудом люди, которым условия их жизни не позволяют проснуться для жизни осмысленной. И, в-третьих, слабее вообще все бездумные люди, плывущие по течению. А таких, слабейших, пока еще подавляющее большинство. Из чего видно, как велико влияние общества на людей. И как ошибаются все пренебрегающие темой общества.

Сказанное позволяет догадаться о том, что сильные мира сего, живущие за счет подавляющего большинства населения, не просто заинтересованы в сохранении его духовного невежества, а заинтересованы в нем кровно. Это вопрос их жизни и смерти. А потому они должны делать все от них зависящее, чтобы изъять тему общества из поля зрения всех мало-мальски думающих людей. А если изъять ее полностью невозможно, то хотя бы скомпрометировать ее в их глазах или представить ее для них в ложном свете.

Вот причина того массового оглупления населения, которое совершается сегодня разными способами. Вот причина беспомощности науки дать правдивый анализ происходящего в жизни человечества и выработать разумные способы исправления нынешнего положения.

Тем, кто еще не догадывается о кровной заинтересованности главных хозяев капиталистического мира в постоянном понижении нравственного и духовного сознания народов, невозможно представить себе, какая громадная закулисная работа проводится в этом направлении. Какое скрытное давление оказывается на все общественные институты и, в первую очередь, на Церковь.

В связи с чем нелишне отметить тот факт, что социальная концепция нашей Церкви в ее нынешнем виде отвечает вполне этой политике сильных мира сего, заинтересованных в фактическом закрытии социальной темы под видом ее фиктивного раскрытия.

Отсутствие ясности в столь важном вопросе, каким является вопрос социальный, может быть или следствием простой неразвитости православной социальной мысли, или следствием тайной несвободы нынешнего руководства РПЦ.

Хотя нельзя исключить и третьего предположения. Отсутствие ясно выраженной социальной мысли у руководителей нашей Церкви может быть следствием не столько их полного социального безмыслия или полной их внутренней несвободы, сколько следствием их выжидательной политики. Их уверенности в том, что в столь сложное время, каковым является наше время, даже правильная идея, высказанная раньше, чем это нужно, может дать отрицательный эффект. Такой же отрицательный эффект, какой получился бы, если бы семя было высажено в мерзлую почву. Или если бы армия начала военные действия, будучи не готовой к войне.

И все-таки, думается, невыработанность православной теории общества объясняется, главным образом, тем обстоятельством, что в 1917 г. закончилась т.н. «Константинова эра» в истории Православной Церкви, после чего она вступила в новое для себя время, будучи совершенно не подготовленной к нему. Навыки социального мышления были атрофированы у нее задолго до 1917 года при давлении ее социальной мысли Государством старого типа. А выработать новую социальную теорию в погромные советские времена было нельзя и подавно. Как и после спланированного краха СССР, когда Церковь обступили с разных сторон самые неотложные практические вопросы.

А теперь обратим внимание вот на какое еще обстоятельство. Если равнодушие руководителей Церкви к праведной социальной идее делает Церковь бесплодной по отношению к обществу, если это бесплодие дискредитирует ее в глазах множества людей, сознающих необходимость праведной социальной идеи, и отталкивает их от Церкви, то разрушительные последствия такого ложного отношения к обществу не ограничиваются сказанным.

Всемирнопримиряющий, казалось бы, социальный плюрализм на самом деле не примиряет членов Церкви и не стягивает их в одно нравственное и умное целое, а усиливает в ней центробежные силы. Потому что нельзя примирить людей, имеющих разные представления о природе и назначении общества. Отсутствие праведного социального

ориентира (и даже, тем более, работы по его выработке) есть условие раскола Церкви в будущем.

В настоящее время отсутствие такого рода работы провоцирует внутренние расколы православных христиан на группы и группки, несогласные между собою в социальном и политическом отношении и вынужденные по этой причине вырабатывать свои собственные сектантские социальные и политические концепции. В дальнейшем эти внутренние расколы, если их почва не будет устранена добросовестным раскрытием темы общества, перерастут в расколы окончательные, закреплённые уже формально. А враги Русской Православной Церкви постараются этим расколам помочь и придать им необратимый характер. Потому что влиять на окончательно распавшиеся и враждующие между собою части бывшего единства им будет куда легче, чем влиять на теперешнее их еще сохраняющееся единство. Пусть даже непрочное единство, но все-таки единство, осуществляемое нынешними руководителями нашей Церкви.

Из чего следует, что наличие общего руководства, пусть даже и допускающего существенные ошибки в своей социальной политике, спасительно для нашей Церкви. Спасительно при том, разумеется, условии, что оно не отступает от основных догматов и устоев Православия. Наличие общего руководства сохраняет для Церкви возможность осознать в будущем его ошибки и выправить его социальное учение в подлинно православном духе. В то время как распад РПЦ на враждующие части сведет эту возможность, скорее всего, к нулю.

Следовательно, православным русским христианам, при всех их несогласиях с теми или иными словами и действиями нынешнего церковного руководства (когда такие несогласия у них есть), надо не доводить их до разрыва с ним. И не только не доводить, но заботиться об упрочении церковного единства.

А начальникам Церкви, согласно той же логике, следует, в свою очередь, не провоцировать подчиненных на расколы своими политиканскими заявлениями и действиями. Такими, например, как объявление евреев-талмудистов старшими братьями христиан или раздачей церковных орденов фактическим государственным преступникам.

И еще такая немаловажная подробность. Едва ли не вся социальность Церкви при ее социальном плюрализме вырождается в ее участие в разных видах общественной

благотворительности. Причем одним из объектов такой благотворительности, и едва ли не самым главным, оказывается она сама. А кто ее может благотворить по-настоящему? Конечно, богатые и очень богатые люди, в зависимости от которых она оказывается фактически.

Но если так, то ее клиру становится нелегко удержаться от оправдания деятельности своих благодетелей, имеющей капиталистический характер. При такой зависимости от христиан-капиталистов приходится не только оправдывать капитализм фактически, но даже, как можно предположить, молиться о коммерческих успехах своих благодетелей. Потому как не будет этих успехов — на что жить прикажете Церкви и ее клиру? Не птицы же они, в самом деле, небесные, чтобы не заботиться о том, что им есть и что пить.

Вот потому-то, при отсутствии праведной социальной идеи, складывается как бы сама собою новейшая «симфония» между Церковью и христианскими капиталистами. Да и не только христианскими. Потому что у христианских капиталистов есть, в свою очередь, свои благодетели, позволяющие им жить, если они знают свое место в общей системе и ведут себя правильно. А если христианские капиталисты поведут себя неправильно, то не трудно будет их придушить самыми разными способами. В том числе и вполне законными. Эти высшие благодетели могут и непосредственно помогать нашей Церкви на тех же самых условиях, что обозначены выше. Лишь бы она оставалась в полной зависимости от них в самом главном.

Если бы дело обстояло именно так, то, спрашивается, что потребовалось бы руководителям нашей Церкви в этом случае? Им потребовалось бы теоретическое оправдание этой новой своей «симфонии». Как бы ее богословское оправдание, способное замаскировать суть этого дела и представить его в наилучшем виде.

Но да не будет понято все вышесказанное как хула на чистосердечную и добросовестную благотворительность. Речь идет лишь о пограничном пространстве, за которым лепта вдовицы превращается в расчетливое отстегивание фарисеем части своих неправедных барышей в пользу якобы Бога.

В наше время, когда обнажилась, как никогда раньше, недостаточность частной благотворительности для совершенствования человека и общества, от благотворителей требуется уже гораздо больше, чем прежде. В наше время

необходимо уже сознавать, что даже самая благочестивая благотворительность, если она подменяет собою заботу о совершенствовании существующего общественного строя, есть не более чем косметическое его украшение. Подлинная благотворительность должна не подменять такую заботу, а сочетаться с нею.

Итак, первым условием действительного возрождения Христианства в России является преодоление традиционной социальной немочи православных христиан и осознание ими той простой истины, что фактический уход Церкви от социальной проблематики есть скрытная форма ее капитуляции перед миром маммоны. А для того, чтобы начать преодолевать эту свою социальную немочь, им следует объединяться для совместной работы по выявлению праведной социальной модели общества и путей приближения существующего общества к этому идеалу.

Общество не может выйти из катастрофы, если не осмыслит ее причины и не найдет способа самоорганизации на более высоком уровне, чем это было раньше. Общество не может выйти из катастрофы на том же уровне сознания, на каком оно скользило некогда к своей катастрофе.

Вторым условием действительного возрождения Христианства в России является осознание православными христианами важности национального фактора для судеб Православной Церкви. И соответствующее этому осознанию исправление привычных им целей и образа их жизни.

Мало осознать значение праведного социального строя для судеб Церкви. Надо осознать еще ту истину, что праведный социальный строй возможен только в той его форме, которая задана ему Богом. Задана в виде правильно построенной семьи и вырастающих из нее более крупных форм общественной жизни. Это и родственная семья по духу и плоти община, это и все более крупные объединения таких общин, это, далее, вся нация в целом, обнимающая собою отдельных своих представителей и разные виды их объединений.

А дальше? А дальше—национальное государство как инструмент воли нации. А дальше — союз народов против их разрушителей. И еще дальше—превращение этого союза в семью народов, охватывающую, в идеале, все человечество.

Вот против какой мысли бесятся наши космополиты, стремящиеся пересоздать мир Божий по их собственным

замыслам. Они хотят навязать православным христианам свое представление об обществе и во многом уже преуспели в этом.

И будут преуспевать до тех пор, пока бывшие христианские народы не поймут, что без Христианства им не возродиться, а самому Христианству не возродиться на прежней его духовной основе, на которой оно скользило к своей катастрофе. Скользило по той причине, что не имело своего развитого учения об обществе. А развитое учение об обществе невозможно без развитого учения о нации.

Христианские народы исчезнут из истории, если не осознают той простой мысли, что гражданское общество невозможно в космополитической его форме. Как невозможно горький сахар или квадратный круг.

Как не может быть духовного возрождения человечества при капитализме, так не может быть и духовного его возрождения при космополитическом строе жизни. Капитализм и космополитизм это взаимосвязанные вещи.

Капитализм разрушает народы, превращая их в скопление своркорыстных индивидуумов, организованных на основе частных их интересов; а космополитизм способствует этому делу с теоретической (или, точнее, с пропагандистской) стороны, внушая людям, что национальное самосознание есть вредная вещь, препятствующая всемирному их объединению.

Космополиты спекулируют на несовершенствах национальных форм жизни и стараются заслонить ими достоинства этих форм. Они скрывают от своей аудитории тот факт, что совершенства в этом мире нет ни в чем и что лучше иметь несовершенную, но, тем не менее, положительную идейную основу для организации жизни, чем не иметь никакой. Они скрывают тот факт, что национальная организация жизни способна совершенствоваться и, следовательно, путь к единству всего человеческого рода идет не через разрушение народов, а через их совершенствование и превращение их, в идеале, в семью народов.

Космополитизм выгоден правителям капиталистического мира, которые не могут не понимать, что реальной опасностью для них является не всемирное единство людей в каком-то мнимом их будущем, а совершенно реальное их объединение в настоящем на основе традиционных их ценностей, которые противоположны по их смыслу ценностям капитализма.

Начнись в человечестве такой процесс объединения людей по их религиозной и национальной принадлежности — и стала бы сокращаться сфера господства капиталистических начал и норм жизни вплоть до ее полного вытеснения из жизни народов их собственными принципами и нормами жизни. Вот чего боятся враги человечества.

Космополиты (или, точнее, те, кто стоит за ними), обещая людям духовное их единение после того, как они отвергнут свои национальные «предрассудки», на самом деле стремятся не к духовному их возвышению и объединению на духовной высоте, а к духовному их разоружению и превращению их в умственно близоруких и потому разрозненных одиночек. А где рознь, там и бессилие. А бессильными легко управлять. Вот где зарыта собака.

В человеке, выпавшем из национальной культуры, идут в рост эгоистические его интересы и способности, а высшие его интересы и способности отмирают. Это правило, из которого могут быть редкие исключения, но исключения — это и есть исключения. Делают погоду в человеческой среде правила, а не исключения из правил.

Человек, выпавший из национальной культуры, становится эгоистом, а эгоистами, как уже сказано, легко управлять. Они продажны и малодушны. Подкупая одних и запугивая других, хозяева мировых денег спокойны за свое господство: «Мы всегда можем нанять одну половину населения, чтобы она перестреляла другую».

Эгоисты представляют собою бесплодную почву не только для евангельских слов, но и для слов о ценности национального самосознания. Эгоисты ненавидят эти высокие слова, в которых видят — и правильно видят — осуждение своих вожделений. Эгоисты подобны песку пустыни, в котором не укоренится никакое доброе растение.

Вот почему на Западе, где не было (за исключением нескольких лет после революции 1793 г.) открытого гонения на Христианство, а шел только процесс все большей эгоизации населения по мере все большего втягивания его в капиталистическую гонку за личным успехом, стали пустеть христианские души. Показателем чего стали пустые христианские храмы.

Но если так, то не пора ли думающим христианам задуматься о том, о чем они раньше не думали никогда? Задуматься о правильных отношениях между Церковью и теми народами, трудами и духом которых она питается.

И догадаться о том, что с той же закономерностью, с какой исчезает растительность при разрушении плодородного слоя земли, исчезнет и Церковь, если питающие ее народы исчезнут, распавшись на самодовлеющие человеческие единицы.

Церковь действительно подобна растению в том отношении, что она питается не только сверху, но и снизу. Как растение нуждается не только в свете и воздухе, так и Церковь нуждается не только в Боге. Растению нужна еще и почва, а Церкви нужен еще и принявший ее народ.

Но если растение бессознательно спасает свою почву от разрушения и превращения ее в пыль, то Церковь должна спасти свой народ от разрушения сознательно.

Если речь идет о Вселенской Церкви, то она должна заботиться, в первую очередь, о тех народах, которые она питает сама и которые, в свою очередь, питают ее. А если речь идет о Поместных Церквях, то каждая из них должна заботиться, в первую очередь, о том народе, с которым она связана больше всего и от судьбы которого больше всего зависит. Молиться о нем. Благословлять его. И утверждать в нем понимание ценности его национальной организации и ценности его национального единства.

Двуединство Церкви и народа, принявшего Поместную Церковь в себя, — вот мысль, которая, кажется, не высказывалась никогда достаточно отчетливо, но как-то подспудно таилась все-таки и в Священном Писании, и в народном христианском сознании.

Как растение питается не только от солнца и воздуха, но также и от земли, так и Церковь питается не только от Бога. Она питается также от народов, с которыми связана общей верой. От них она получает свой человеческий состав, от них получает плоды их трудов, от них получает и внешний порядок, без которого ее собственная жизнь выродилась бы очень быстро. Национальная культура народов это необходимая подготовительная школа, без которой усвоение человеком истин Церкви было бы невозможно.

Вот какого важного обстоятельства не отметили «Основы социальной концепции РПЦ». Не замечали его наши церковные идеологи и в прошлом. А потому и изображали связь Церкви с народом односторонне. Всегда в том смысле, что состояние и судьба того или иного народа зависят от его верности Богу и Церкви. А о наличии обратной связи между Церковью и народом не говорили.

Помалкивали о том, что Церковь сама зависит от состояния народа и потому должна, в свою очередь, заботиться о нем. Не только о его религиозном состоянии, но и о национальном его состоянии.

А почему об этом помалкивали? Хотели, скорее всего, не уронить достоинства Церкви. Как правители государств, так и правители Церкви, предпочитали посматривать на народ свысока. Вот, думается, одна из причин того, что национальной теме не уделяли внимания ни богословы, ни даже философы бывшего некогда христианского мира. И лишь в восемнадцатом и девятнадцатом веках появились первые росточки христианской мысли о нации. Да и то, в основном, в Европе.

Но, говорят, была и другая причина замалчивания национальной темы. Это—крайняя нищета библейских и святоотеческих текстов на эту тему, не позволявшая богословам выстраивать учение Церкви о нации на столь слабой основе.

Но чем, в таком случае, объясняется эта крайняя нищета? Почему Бог, создавший народы, сказал об этом Своем творении так скупое в Священном Писании?

Или, может быть, дело не в скупости Бога по этой части, а в отсутствии интереса к этой теме со стороны читателей Священного Писания?

Поясню сказанное таким замечанием. Пока человек дышит свежим воздухом, он не задумывается о нем. И лишь когда воздуха начинает не хватать или когда он оказывается явно отравленным, человек начинает думать о нем и старается изменить положение к лучшему. Нечто подобное происходит и в отношениях человека с обществом. Пока устройство общества в ладу с нравственностью и умственным развитием его членов, они принимают это устройство как данность и не обращают на него особого внимания. Но если противоречия в обществе достигают такой остроты, что люди уже не могут их не замечать, то мысль об устройстве общества возникает у них как бы невольно и, так или иначе, выговаривается ими. То в частных их разговорах, то в малых или в больших собраниях. А то и в литературе.

Похоже на то, что именно так и обстояло дело у нашей Церкви в прошлом. Пока устройство общества не угрожало самому существованию народов и пока Церковь питалась их силою, она не задумывалась о том, что такое народы и зачем их создал Бог. И каковы правильные от-

ношения между Церковью и народом. Но после того, как народы бывшего христианского мира оказались в плену у антинациональных сил и стали разрушаться в условиях, созданных специально для их разрушения, подобного рода вопросы стали возникать в головах христиан как бы сами собою и вынуждать их искать на них ответы.

Итак, выше был поставлен вопрос: на самом ли деле так скудны библейские основания для выработки здравого учения о нации?

Думается, что не так уж скудны. Разве Библия не говорит о том, что все народы сотворены Богом? («все народы, Тобой сотворенные», Пс. 85, 9). А это уже много. Если сотворены Богом, то, значит, они не результат каких-то естественных процессов в истории человечества, не результат каких-то преходящих исторических обстоятельств, с исчезновением которых должны исчезнуть, но имеют действительно большое значение. По крайней мере, в пределах земной истории.

Далее. Библия говорит, что некогда Бог разделил обиход для всего тогдашнего человечества язык на разные языки, чтобы спасти человечество от гибели, которая заключалась в строительстве ими Вавилонской башни. А Вавилонская башня была для них символом их неприятия Бога. Чтобы не допустить этого коллективного духовного самоубийства, Господь разделил единый язык на множество языков и лишил тем самым безумцев общего понимания ими своего дела. Почему они и вынуждены были оставить свое дело и разойтись в разные стороны.

Комментаторы Библии, насколько я знаю, не комментируют соответствующий библейский текст, но лишь пересказывают его и создают тем самым впечатление, что Бог, создавая народы, не имел другой цели, кроме отрицательной,—не допустить окончания строительства Вавилонской башни. Но если бы это было так, то в последующие времена, когда народы распространились по всей Земле и забыли о былом деянии своих нечестивых предков, нужда в разных языках отпала бы сама собою, и они исчезли бы, уступив место единому всемирному языку. Этому простейшему способу общего взаимопонимания. Однако этого не произошло. Языки обнаружили свою явную живучесть, которая свидетельствует о том, что Бог, создавая их, преследовал не только отрицательную цель, но и положительную.

О том, какую она была, я уже высказал свою догадку: народы должны были стать почвою для произрастания

религий разного рода, от наилучших до наихудших, в зависимости от умонастроений и сердечных влечений каждого из них. И с этой мыслью хорошо согласуется тот факт, что строители «Нового Мирового Порядка» (этой новой Вавилонской башни, отличной от прежней по форме, но не по сути) стремятся разрушить не только Церковь Христову, но и народы, принявшие ее некогда в себя. Более того. Стремятся искоренить сам национальный характер человечества, созданный его Творцом, и вернуть к донациональному его состоянию.

Далее. Библия говорит о созидании Богом избранного Им народа — древнееврейского. И уже одно это обстоятельство делает несостоятельной всякую мысль о скудости библейского материала для выработки богословского учения о нации. Ничего себе скудость, если Сам Бог закладывает основы правильного национального бытия в виде национальной идеологии древних евреев и национальных норм их жизни. Не замечая этого обстоятельства, наши богословы уподобляются герою известной басни, который, побывав в кунсткамере, «слона-то и не приметил».

Мне могут возразить, сказав, что строительство Богом древнееврейского народа имело, прежде всего, религиозную цель, а не национальную. И, кроме того, что Бог, организуя ветхозаветных евреев, учитывал сравнительно низкий, по нынешним представлениям, уровень их нравственного сознания. Не говоря уж о том, что сами евреи, как о том свидетельствует Ветхий Завет, противились образу мысли и нормам жизни, заданным им Богом. Противились, а потому и не может ветхозаветная организация евреев быть примером для христиан.

Конечно, ответу я, не может, если понимать под примером слепое копирование, исключаящее учет самых существенных обстоятельств, отделяющих христиан от древних евреев. Но кто же ставит вопрос так нелепо?..

Ясное дело, что наша национальная идеология должна отличаться — и отличаться существенно — от ветхозаветной национальной идеологии; но **она должна у нас быть**. Вот какое наиважнейшее обстоятельство должно быть для нас примером. Наша национальная идеология должна строиться на православной основе, но иметь при этом существенные особенности, отличающие ее от национальных идеологий православных румын, православных греков, православных грузин и т.д. Ибо нация не может строиться только на религиозной основе. Она может — и

должна — строиться на религиозно-национальной основе. Вот чего бояться больше всего враги русского народа — соединения русской религиозной мысли с русской национальной мыслью.

Мне могут, далее, возразить, что ветхозаветная религия, в силу ее мононационального характера, не отделяла национального начала от религиозного, а потому и не может служить примером для нас, чья религия имеет характер общечеловеческий.

Но, как уже сказано выше, наша религия имеет характер не только общечеловеческий. Она сочетает в себе общечеловеческое начало с национальным. Это, во-первых. А во-вторых, и ветхозаветная религия была в прошлом не такой уж стерильно мононациональной. Она заключала в себе ростки грядущей всечеловечности Нового Завета. Утверждая праведного Авраама в качестве родоначальника еврейского народа, Бог сказал: «...утаю ли Я от Авраама, что хочу делать? От Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли» (Бытие, 18; 17-18). А если так, то, значит, Бог, Творец ветхозаветной религии, создал ее не только в качестве еврейской религии, но и как подготовительную ступень для последующего воспитания уже всего человеческого рода.

Стремление выскоблить из Ветхого Завета всечеловеческие черты и представить его наглухо замкнутой на одних евреев религией возникло не на христианской почве, а на почве, прямо противоположной Христианству. Такое ложное понимание Ветхого Завета возникло первоначально у тех, кого Спаситель назвал сынами дьявола («ваш отец диавол...», от Иоанна, 8, 44). Вот откуда идут современные ложные толкования Ветхого Завета как горе-христианами, так и неоязыческими противниками Христа.

Богословы-космополиты цепляются за особенности древнееврейского народа, чтобы заслонить ими то общее, что было у него с другими народами Земли. А было у них общим то самое, что космополиты так ненавидят и отрицают: у каждого из них была своя **национальная идеология** в виде своей собственной религии и дополнявших ее идей, которые объясняли историю и настоящее положение своего народа, его организацию, его характер, его способы хозяйствования и т.д. Кроме того, представители каждого народа имели свои собственные **национальные нормы жизни**, без которых существование никакого народа невоз-

можно. С исчезновением национальных норм жизни начинается разрушение народа.

Вот о каком важном обстоятельстве умолчали «Основы социальной концепции РПЦ» в своем разделе, посвященном нации. Их составители не только свели великую национальную тему к одним различиям между народами (их «самобытности»), но и различиям этим придали какое-то поверхностное значение. Хотя на самом деле различия эти имеют, как правило, значение огромное.

Вот какие у нас умелые богословы. Вот как они деликатно опустили национальную тему в разряд маловажных.

При чтении «Основ» и «Программы» как-то невольно бросается в глаза стремление их авторов дистанцироваться от уничтожаемого ныне русского народа.

Это уничтожение совершается разными способами, от пропаганды растленного образа мысли и растленного образа жизни до натравливания на русский народ других народов бывшего СССР. И оказания помощи их представителям при захвате ими фактической власти на территориях исконно русских. Названные выше церковные документы умалчивают о том, что русское большинство в нашей стране фактически лишено своей государственности и своих национальных средств информации, что уже, само по себе, разрушительно для любого народа. Названные церковные документы умалчивают, далее, о том, что господствующие в стране СМИ имеют не просто космополитический характер, а ярко выраженный русофобский, что проявляется, в частности, в изобретении и распространении ими клеветнического мифа о «русском фашизме». Мифа, которым казнится любая попытка русской самозащиты и русской самоорганизации.

В Программе «Христианство-2000» не раз и не два говорится о «нашем народе», но из контекста нельзя понять, какой народ имеется при этом в виду. То ли русский народ, который Программа боится назвать по имени, то ли все народы России, вместе взятые.

Казалось бы, какая разница? Казалось бы, чем масштабнее мысль составителей Программы, тем она и полезнее. Но это далеко не так, если широта мысли маскирует нечто очень важное.

В данном случае скрывается то важное обстоятельство, что русский народ это не просто один из народов России, но народ, являющийся ее **основой**, без которого невозможны ни Россия, ни сама Русская Православная Цер-

ковь. Скрывается, далее, то обстоятельство, что от физического и духовного здоровья русского народа зависит физическое и духовное здоровье всех народов России.

Идет уничтожение самой основы России, а «Программа», как и стоящее за ней руководство РПЦ, молчит об этом. Или говорит так туманно и столь тихим голосом, что невозможно понять, о чем идет речь. В недавнем советском прошлом наши церковные руководители отрицали факт гонения на нашу Церковь и умалчивали о своей несвободе. И только после того, как СССР рухнул, признались в этой своей былой несвободе. И, следовательно, признались молча в том, что лгали на весь мир о положении Церкви в СССР.

А потому и возникает сегодня вопрос: не повторяется ли опять нечто подобное в новых условиях?

С исчезновением государствообразующего русского народа Россия обречена на распад на мелкие государства, зависимые от могучих внешних сил, заведомо чуждых или даже враждебных Православию. Поэтому, не противодействуя уничтожению русского народа, РПЦ подготавливает свою собственную гибель в будущем.

Составители названных выше документов, скорее всего, понимают эти последствия исчезновения русского народа, но, тем не менее, предпочитают о них не говорить. Возможно, в надежде на то, что в будущем возникнут более благоприятные условия для разговора об этом.

Будущее, конечно, покажет, была ли оправданной такая надежда. Но в любом случае отрицательные последствия нынешней политики руководителей РПЦ надо учитывать трезво, чтобы знать, какой ценою она оплачивается.

То почти демонстративное равнодушие к судьбе русского народа, которое проявляет сегодня руководство РПЦ в его публичных выступлениях, отравляет национальным нигилизмом всю толщу РПЦ. Не говоря уж о том, что оно, это равнодушие, отталкивает от нее большинство болеющих за судьбу русского народа, которое могло бы, в противном случае, примкнуть к ней с пользой как для себя самого, так и для Русской Православной Церкви.

Молитвы в храмах РПЦ о спасении русского народа и заступничество за него наших церковных руководителей перед русофобствующими властями способствовали бы упрочению духовного единства нашей Церкви. Такое нравственное отношение к русскому народу увеличило бы многократно политический вес РПЦ в нашей стране. А

это последнее обстоятельство, в свою очередь, создало бы условие для изменения политики руководителей РФ в сторону здравого смысла.

Кроме того, обращение к проблемам русского народа разбудило бы церковную мысль, ныне, по большому счету, спящую как в издаваемой Церковью литературе, так и в речах наших иерархов. В речах, напоминающих своей помпезной пустотой выступления советских генсеков в «застойные» времена. Увядание мысли предшествует гибели государств и народов. Подумать же церковным мыслителям, как и всем думающим христианам, есть, конечно, о чем.

Ни Церковь, ни народ (повторю эту мысль еще раз) не могут выйти из общей их катастрофы с тем же уровнем своего сознания, с каким они скользили в нее. Выйти из катастрофы можно лишь с большим, и даже намного большим, пониманием исторической жизни, чем это было у них раньше. Выйти из катастрофы можно, лишь осознав ее глубинные причины и отыскав правильные способы исцеления от своих традиционных немощей. А где сегодня эти зрелые плоды размышлений о судьбах Православия и русского народа?

Программа «Христианство-2000» предусматривает собеседования представителей Церкви с учеными, общественными деятелями и государственными администраторами с целью выработки спасительного пути для нашей страны. Но что же это будут за собеседования и что же это будет за путь, если представителям Церкви будет нечего сказать вразумительного по самым важным и острым вопросам, разделяющим сегодня наше т.н. общество? Если у них не будет собственных продуманных и четких представлений о добре и зле в социальном вопросе? Как можно созидать что-либо, не зная, что именно созидать? Или имея о созидаемом самые разные представления, вплоть до исключаящих взаимно друг друга?

В дополнение к названным собеседованиям Программа «Христианство-2000» предусматривает установку «Юбилейных Поклонных Крестов» по городам России, один из которых уже установлен в городе Владимире. Но это дело будет разумным только в том случае, если оно будет сочетаться с работой по действительному возрождению русского народа, о чем нет в Программе ни слова.

Если же возрождения русского народа не будет, то он выродится и вымрет в ближайшие сто лет или еще раньше.

ше. А на бывшей его земле станут хозяевами иноверческие народы, которые, скорее всего, не потерпят на ней чуждых им символов. Произойдет примерно то же самое, что произошло в некогда христианской Северной Африке, народы которой были завоеваны мусульманами. После чего на этой земле не осталось ни христиан, ни памятников их религиозной культуры.

Чтобы эта история не повторилась в России, русские люди должны изменить свой теперешний образ мысли и образ жизни. Найти здоровые ориентиры и здоровые нормы жизни. Соединить заботу о своем Православии с заботой о национальном возрождении своего народа.

Сделать это, в первую очередь, должны русские православные миряне. Потому что созидание разумного и справедливого социального строя жизни на этой грешной земле есть дело мирское по преимуществу. По сравнению со стяжанием личной святости это дело сугубо мирское, но, вместе с тем, оно самое необходимое. Необходимое для того, чтобы Небо не покинуло Русскую землю уже окончательно.

Надо не ждать, когда наше священство начнет молиться в храмах о спасении русского народа. Надо самим молиться о спасении русского народа везде, где это возможно. И подкреплять свою молитву соответствующими ей делами. Главные из которых — проповедь социального Христианства, правильная организация русской семьи и созидание русской национальной общины. И, далее, все, что логически следует из этого начала.

Сергей РОДИН

ТВОРЦЫ «НОВОЙ НАЦИИ»

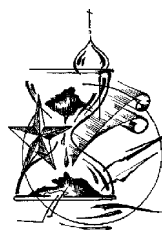
14 декабря 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в западных областях», в котором виновниками тяжелого положения в сельском хозяйстве указанных регионов назывались разного рода «контрреволюционные элементы» и в их числе... «петлюровцы». Более того, постановление указывало, что в УССР эти враждебные власти элементы проникли в партийные и советские органы вследствие «механического проведения украинизации». Поэтому ЦК ВКП(б) потребовал от украинского руководства «обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить механическое проведение ее, изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций»⁷¹.

Набор туманных и внешне лишенных всякого положительного смысла фраз официального партийного документа (одно только выражение «*правильное проведение украинизации*» чего стоит: «правильное» — это как?) — ли-

---

Окончание. Начало в №3 за 2008 г.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

шал возможности не посвященных в коммунистическую казуистику догадаться о направлении предполагаемых *перемен*, но фанатики украинства застыли в тяжком и мучительном ожидании дальнейшей своей участи.

Собственно, первый звонок прозвучал для них еще в ноябре 1929 г., когда органами ГПУ была раскрыта контрреволюционная организация «Союз Освобождения Украины» (СВУ). По этому делу приговор был вынесен 45 украинским деятелям, в их числе академиком С.Ефремову (как руководителю) и М.Слабченко, а также бывшему премьер-министру УНР В.Чеховскому, историку И.Гермайзе, писателям А.Никовскому и Л.Старицкой-Черняховской. Но этим дело не ограничилось. В июне 1930 г. XI съезд КП(б)У осудил «шумскизм» и «хвылевизм», призвав партийные организации усилить борьбу с «националистическим уклоном».

За этим последовало продолжение. В 1931 г. ГПУ раскрыло новую организацию — «Украинский Национальный Центр» (УНЦ), а в марте арестовало М.Грушевского. К делу об УНЦ привлекли 50 человек, в их числе 14 заезжих галичан. Грушевского, правда, выпустили, но знаменитый корифей самостийничества явно впал в немилость. Началось дружное разоблачение его исторических фантазий на тему «Украины-Руси». 4 мая 1931 г. работы Грушевского подверглись уничтожающей критике на объединенном пленуме философов и историков украинской Академии. Тогда же в шестом номере «Большевика Украины» за 1931 г. появилась статья А.Хвыли (Олинтера) «Буржуазно-националистическая трибуна», в которой было раскритиковано любимое детище Грушевского — журнал «Украина». А состоявшийся 18—22 ноября 1932 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У поставил жирный крест на советской карьере бывшего австрийского агента, включив его в число «контрреволюционеров-националистов». Жизнь и свободу ему, впрочем, оставили, да и академический спецпак сохранили в прежнем объеме. Но его труды и практическая деятельность на долгие годы были припечатаны к позорному столбу.

У коммунистов словно бы раскрылись глаза на ту потенциальную угрозу для страны, которую таило в себе украинство. Они, наконец, осознали, что проводимая ими политика тотальной украинизации Малороссии представляет собой исключительно благоприятную питательную среду для роста и развития местного *сепаратизма*. Коммунистические идеологи, в общем-то, прекрасно знали,

что украинство, возведенное ими в степень «нации» и «отдельного народа», на самом деле представляет собой обычный **областной сепаратизм**, а сепаратисты во все времена и при любом режиме легко шли на сотрудничество с внешним врагом. Большевики еще не забыли, что в предыдущую мировую войну 1914—1918 гг. украинские сепаратисты находились именно в стане врагов России — Австро-Венгрии и Германии, а в Гражданскую — на стороне той же Польши. Перспектива надвигающейся войны на фоне резко возросшего недовольства населения проводимой коммунистическим режимом политики вынудило его умерить пыл по интенсивному возвращению внутри страны украинской «пятой колонны».

Конечно, внезапно наступившее «прозрение» коммунистов носило вполне ситуативный характер и было обусловлено, в первую очередь, резко изменившейся внешнеполитической обстановкой. Тем более, что именно в этот момент к военной опасности со стороны Польши добавилась еще и *немецкая угроза*.

31 января 1933 г. рейхсканцлером Германии стал Адольф Гитлер. Возглавленное им правительство немедленно распустило рейхстаг, назначив новые выборы на 5 марта. А в ночь с 27 на 28 февраля здание рейхстага погибло от пожара, воистину символического: парламентаризм Веймарской республики превратился в пепел на глазах не только Германии, но и всего мира. Правительство Гитлера использовало этот провиденциальный пожар для решительного подавления в стране всех коммунистических организаций. Захваченный на месте преступления поджигатель, некий Ван дер Люббе, бывший голландский коммунист, представил все необходимые для этой цели показания: он коммунист, он совершил поджог «из протеста против международного капитала», он не только сочувствует коммунистической партии, но имеет также «связь и с социал-демократией». Именно то, что требовалось. Уже через день правительством был издан чрезвычайный декрет о борьбе с коммунистической опасностью, и по всей стране начался беспощадный антикоммунистический террор. И хотя на выборах 5 марта коммунистам удалось провести в рейхстаг 81 депутата, они фактически оказались вне закона. Избранных ими депутатов просто не пустили в парламент. Гитлер заявил: «Либо марксизм, либо германский народ. Через десять лет в Германии не будет больше никаких признаков марксизма»⁷².

Но это было только началом. День 5 марта национал-социалисты окрестили «днем пробуждения Германии». Всю ночь выборов горели символические огни вдоль Рейна и польской границы: символический жест в адрес немцев, отторгнутых от родины. А победу на выборах одержала национал-социалистическая партия Гитлера, которая вместе с другими немецкими националистами получила в парламенте абсолютное большинство. 23 марта Гитлер потребовал от рейхстага предоставления «правительству национальной революции» всей полноты власти на четыре года. «Заставлять правительство, — заявил он, — от случая к случаю выторговывать и выпрашивать у рейхстага согласие на необходимые мероприятия противоречило бы духу национального возрождения и поставленным целям». И добавил, что правительство использует закон о чрезвычайных полномочиях лишь для проведения жизненно необходимых реформ⁷³.

Рейхстаг пошел навстречу и закон о полномочиях был принят квалифицированным большинством в две трети депутатов (441 голос против 94), что позволяло внести необходимые изменения в конституцию. Принятый закон передал кабинету министров право издавать любые законы. Против его принятия голосовали только социал-демократы. На другой день, 24 марта, рейхспрезидент фельдмаршал Гинденбург подписал этот исторический акт, немедленно вошедший в силу. Исполнив свою задачу, рейхстаг разошелся на неопределенное время. Вся полнота власти, таким образом, сосредоточилась в руках Гитлера и его партии.

Произошедший в Германии политический переворот, самым непосредственным образом касался и СССР — этой мировой цитадели коммунистической идеологии, которой Гитлер объявил непримиримую войну. Но имелись и более существенные причины, помимо идеологических, для непримиримого противостояния. В своей программной книге «Mein Kampf», написанной им еще в 1924 г. во время заключения в тюрьме Ландсберг, Гитлер предельно ясно сформулировал задачи внешней политики национал-социалистической Германии:

«Целью всей нашей внешней политики должно являться приобретение новых земель»⁷⁴. «Само собой разумеется, что такая политика приобретения новых земель должна быть осуществлена не где-нибудь в Камеруне. Новые земли приходится теперь искать почти исключительно в Европе»⁷⁵. При этом

«необходимо отдать себе полный отчет в том, что достигнуть этой цели можно только **силой оружия** и, поняв это, спокойно и хладнокровно идти навстречу неизбежному»⁷⁶.

И куда же именно идти?... В первых главах книги Гитлер еще как будто находится в раздумье и высказывается в предположительной форме:

«Приняв решение раздобыть новые земли в Европе, мы могли получить их в общем и целом **только за счет России**. В этом случае мы должны были, препоясавши чресла, двинуться по той же дороге, по которой некогда шли рыцари наших орденов. Немецкий меч должен был бы завоевать землю немецкому плугу и тем обеспечить хлеб насущный немецкой нации». «Наше право на это было бы не менее обосновано, нежели право наших предков»⁷⁷ (здесь и далее выделено мной. — С.Р.).

Но в конце книги, потратив сотни страниц на обоснование своей правоты, Гитлер уже безапелляционен:

«Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, **расположенных на востоке**. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь **только Россию** и те окраинные государства, которые ей подчинены»⁷⁸.

И ради этих новых земель, которые предстояло завоевать в России, Гитлер призывает немецкий народ идти на любые жертвы:

«Мы будем неуклонно стремиться к своим собственным целям в иностранной политике, а именно к тому, **чтобы наш немецкий народ получил на этой земле такие территории, которые ему подобают**. Только в борьбе за такие цели смеем мы принести хотя бы самые великие жертвы и только в этом случае мы сможем оправдать эти жертвы как перед Богом, так и перед будущими поколениями. Перед Богом мы будем чисты потому, что люди, как известно, вообще рождаются на земле с тем, чтобы бороться за хлеб насущный, и их позиция в мире определяется не тем, что кто-либо им что бы то ни было подарит, а тем, что они

сумеют отвоевать своим собственным мужеством и своим собственным умом. Перед будущими поколениями мы будем оправданы потому, что при нашей постановке вопроса каждая капля пролитой крови окупится в тысячу раз. Нынешние поколения, конечно, должны будут пожертвовать драгоценной жизнью многих своих сынов, но за то на землях, которые мы завоюем, будущие поколения крестьян будут производить на свет Божий новые сильные поколения сынов немецкого народа и в этом будет оправдание наших жертв. Государственных деятелей, которые возьмут на себя ответственность за проведение предлагаемой нами политики, история не обвинит в том, что они легкомысленно жертвовали кровью своего народа»⁷⁹...

И этот человек, открыто звавший свой народ к завоеванию земель в России, невзирая ни на какие жертвы, теперь обладал безраздельной властью над Германией. Причем выдвигаемые им и его единомышленниками идеи и политические лозунги пользовались безусловной поддержкой подавляющего большинства немецкой нации, практически всех ее социальных слоев, в том числе рабочих и крестьян. Эта массовая поддержка уже сама по себе была верной порукой того, что внешнеполитические задачи, сформулированные в «Mein Kampf», начнут реализовываться в самое ближайшее время. Что, в свою очередь, для советского руководства означало одно: впереди **война**. Война беспощадная, война на уничтожение. Ввиду этой совершенно неизбежной перспективы Сталину и коммунистам пришлось в корне пересматривать проводимую в стране политику. Эта перемена взгляда на весь комплекс внутренних проблем коснулась и украинизации.

Состоявшийся 18 ноября 1933 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У констатировал:

«Установление фашистской диктатуры в Германии... открытая пропаганда *отторжения Украины* от Советского Союза в германской фашистской печати, публичные выступления ответственных польских фашистских кругов... за антисоветский блок Польши с фашистской Германией и, наконец, борьба между польскими и германскими фашистскими кругами за гегемонию в лагере украинской контрреволюции — все это, безусловно, стимулировало контрреволюционную активность остатков разгромленных капиталистических элементов на Советской Украине»⁸⁰.

Отрешившись от леворадикальной риторики документа, можно ясно увидеть, что коммунисты трезво оценива-

ли внешнеполитическую ситуацию: страна находилась в преддверии **войны**. Войны с Польшей или Германией, или с ними обеими, объединенными в военный союз. Рассчитывать в этой войне на «украинцев» не приходилось. Поэтому и возникла настоятельная потребность существенно «подправить» украинизацию с учетом вновь возникших обстоятельств.

* * *

Персонально миссия по искоренению «националистического уклона» в УССР была возложена на секретаря ЦК ВКП(б) П.П. Постышева (1887—1939). 24 января 1933 г. он был избран вторым секретарем ЦК КП(б)У и первым секретарем Харьковского обкома — и сразу же взялся за дело. В феврале того же года состоялся пленум ЦК КП(б)У, давший «зеленый свет» организации широкой кампании против «националистических элементов», проникших, вследствие *недостатков украинизации*, в партийные и государственные органы, научные и культурные учреждения. И первым демонстративным шагом начатой кампании стало снятие с должности Н.А.Скрыпника (23 февраля 1933), на которого и была возложена вина за «националистический уклон» в сфере «культурного строительства на Украине». В июне на очередном пленуме ЦК Постышев прямо указал, что «на этом серьезнейшем участке засело немало петлюровцев, махновцев, агентов иностранных контрразведок... Эти вредители и шпионы... насаждали... не нашу национальную по форме и социалистическую по содержанию украинскую культуру, а культуру националистическую, шовинистическую, буржуазную культуру Донцовых, Ефремовых, Грушевских». Цель такой «вредительской работы» заключалась в том, чтобы «ослабить пролетарскую диктатуру, лихорадочно готовя новые вылазки против СССР, не покидая мечты об отрыве Украины от Советского Союза». Персональную вину за это П.П.Постышев возложил на бывшего министра украинского просвещения: «Тот участок, которым до недавнего времени руководил тов. Скрыпник, я имею в виду Наркомпрос и всю систему органов просвещения Украины, — оказался наиболее засоренным вредительскими, контрреволюционными, националистическими элементами»⁸¹. Под грузом столь тяжелых обвинений Н.А.Скрыпник вынужден был признать, что «во многих случаях ошибался». Но это запоздавшее «раскаяние» мало помогло:

от него потребовали письменного признания «ошибок» для публикации в прессе. В течение месяца он тянул, отказываясь написать этот публичный акт капитуляции, а затем, осознав, что участь его предрешена, 7 июля застрелился.

Процесс внедрения в жизнь очередного зигзага «генеральной линии партии» начался. Теперь украинизация оценивалась совсем с иных позиций. 24 апреля 1933 г. уже знакомый нам А.А. Хвыля (Олинтер) написал докладную записку Косиору и Постышеву, в которой указывал на «большую вредительскую работу» «украинской контрреволюции» «в вопросах создания украинской терминологии» и на умышленную «ликвидацию общеизвестных в украинском и русском языках» научно-технических терминов.

Главными координаторами этой «вредительской работы» являлись скрыпниковское ведомство и Государственная комиссия для разработки правил украинского правописания при наркомпросе УССР. *«Общие в украинском языке с русским языком термины ликвидировали, выдумывая искусственные, так называемые украинские самобытные слова, не имевшие и не имеющие никакого распространения среди широких многомиллионных рабочих и колхозных масс».* В качестве примера Хвыля-Олинтер приводил замену в украинском языке слова «сектор» на «витинок», «сегмент» — на «утинок», «экран» — на «застувач», «экскаватор» — на «копалка», «штепсель» — на *«притичку»*, «аэрография» — на «марсознавство», «атом» — на «неділка», «завод» — на *«выробня»*. По мнению Хвыли, такие нововведения, проходившие под лозунгом замены «русизмов» «исконно украинскими» словами, обычно заимствованными из польского или других иностранных языков, крайне недопустимы. Так же как и предложенная ранее Скрыпником реформа украинского алфавита по введению двух латинских букв для обозначения звуков «дз» и «дж» (соответственно «s» и «z»).

Свою докладную записку Олинтер-Хвыля заключал следующим выводом:

«Процесс создания украинской научной терминологии, направление развития украинского научного языка — пошло по линии *искусственного отрыва от братского* украинскому языку — языка русского народа. На языковедческом фронте националистические элементы делают все, чтобы между украинской советской культурой и русской

советской культурой поставить барьер и направить развитие украинского языка на пути буржуазно-националистические. Это делалось для того, чтобы, *пользуясь украинским языком*, воспитывать массы в кулацко-петлюровском духе, *воспитать их в духе ненависти к социалистическому отечеству* и любви к казацкой романтике, гетманщине и т.п.»⁸²...

Неожиданное «прозрение» А.А.Олинтера носило вполне конъюнктурный характер. Ведь еще пару лет назад, как мы могли убедиться, именно этот борец с «националистическими элементами» в должности заведующего отделом агитации, пропаганды и прессы ЦК КП(б)У не только не видел в проводимой политике украинизации никакого «националистического уклона», но еще и настаивал на *тотальном* ее характере: «полной украинизации всего рабочего класса, украинизации прессы, школы, научной работы». А присутствуя на одном из партсобраний, сурово приструнил сотрудника Украинского института марксизма Скрипченко, попробовавшего указать на возрастающую опасность украинского шовинизма:

«Говорить так... это не видеть на Украине *русского* нэпмана, кулака, буржуа, бывшего царского чиновника, попа, городского мелкого буржуа-мещанина, который когда-то составлял часть армии *русской черной сотни* на Украине. Разве эта реакционная сила на Украине сгинула? Разве она не проводит всюду, каждый день своей работы?.. А раз эти контрреволюционные силы *русского шовинизма* имеют на Украине почву, то, значит, они и действуют. Они проводят активную работу против социализма не только по линии хозяйства, они ее проводят и по линии культурно-национальной... Они живут, организуются, меняют лицо, кожу, но живут со старым сердцем в груди, со старыми мечтами в голове. Как симптоматично, что расстрелянный контрреволюционер, один из главарей шахтинского дела, работая в Донугле, в столице Украины, говорил: «Плевать мне на вашу украинизацию»»⁸³.

Люди, не забывшие, что они — Русские и открыто выражавшие несогласие с тотальной украинизацией Малороссии, приравнивались А.А.Олинтером в 1929 г. к «классовым врагам», которых следовало немедленно «уничтожать», а теперь этот *еврей*, развернувшись на 180°, вдруг заговорил о «братском русском народе». Теперь в числе «нэпманов, кулаков, мелких буржуа и шовинистов» он числил уже не Русских, а сторонников тотальной украин-

низации... Удивительное превращение... Впрочем, легко объяснимое. Вряд ли ненависть А.А.Олинтера к Русским стала меньшей, но изменившаяся ситуация требовала на время сделать ее прикровенной. Кроме того, он был серьезно напуган. Поначалу персонально ответственными за «националистический уклон» в УССР были признаны он, Олинтер-Хвыля, и секретарь ЦК КП(б)У, редактор органа ЦК КП(б)У газеты «Коммунист» А.П.Любченко. В январе 1933 г. оба были сняты со своих должностей. Дальнейшее разбирательство сулило «уклонистам» мрачную перспективу. Любченко срочно помчался в Москву и сумел-таки добиться встречи со Сталиным и Кагановичем. Неизвестно, о чем шел разговор, но обвинения в «уклонизме» с Любченко и Хвыли были сняты, и они, естественно, обратились в самых ярких и непримиримых преследователей «украинского шовинизма».

В тот момент подобным образом «прозревали» многие. С.В.Косиор (1889—1939), например, возглавлявший украинскую компартию с 1928 г., внезапно осознал (ноябрь 1933!), что «линия Скрыпника» и «возглавляемого им уклона» была направлена на «ослабление хозяйственных, государственных и культурных связей Украины с другими советскими республиками, на *ослабление Советского Союза*», на *«максимальный отрыв украинского языка от русского, на замену сходных с русскими слов в украинском языке польскими, чешскими, немецкими»* и, наконец, на *«насильственную украинизацию школы»*⁸⁴. А что же, в предыдущие пять лет он, являясь *первым руководителем* республики, ничего этого не видел?.. Видел, конечно, но на тот момент первоочередной задачей коммунистов в Малороссии было *искоренение всего русского*: русской культуры, русского языка, русской истории, — и насаждение вместо них лживой «украинской истории», «украинской» псевдокультуры и искусственного «украинского языка». Теперь наступали иные времена. Соответственно и коммунистическая пропаганда приобрела другое направление.

Лейтмотивом многочисленных выступлений партийных деятелей в печати стал тезис о «принудительной украинизации», приведшей к насильственному вытеснению русского языка из школьного образования. Подобные «искажения ленинской национальной политики» создавали благоприятные условия для деятельности в УССР не только украинских, но и немецких, польских и прочих националистов. Поэтому весной 1933 г. Политбюро ЦК

КП(б)У поддержало предложение Наркомпроса УССР «провести перепись детей по признаку родного языка» в рабочих центрах и некоторых городах Харьковской, Донецкой, Винницкой, Черниговской, Киевской, Днепропетровской, Одесской областей. Через несколько месяцев, в августе 1933 г., Политбюро ЦК КП(б)У обязало Наркомпрос подготовить материалы о перераспределении «школьной сети в национальном разрезе». В апреле 1934 г. оргбюро ЦК КП(б)У создало специальные комиссии из представителей партийных и комсомольских организаций, Наркомпроса и органов госбезопасности, которые должны были к 1 июня проверить национальные районы и школы. Таковых в 20-е годы было создано в УССР немало, для самых разных национальностей, даже совсем миниатюрных и экзотических, для всех, кроме наиболее многочисленной и большой — **русской**. Поэтому русских детей насильно загоняли в польские, немецкие, еврейские, венгерские школы, где они были вынуждены изучать чуждые язык и культуру, а теперь все эти искусственно размноженные «национальные районы» и школы предстояло очищать от «антисоветских элементов». Очищали. Подготовительная работа в этом направлении уже была проведена, и в период с марта 1933-го по январь 1934 г. из школ были уволены около 4 тысяч учителей-«националистов», причем «чистка» коснулась в первую очередь польских и немецких учебных заведений⁸⁵...

* * *

Так распался союз коммунистов и «украинцев». Вряд ли стоит этому удивляться. Мог ли вообще быть долгосрочным союз убежденных «интернационалистов», стремившихся к уничтожению всяческих «наций» и *сепаратистов*, фанатично навязывавших Малороссии «этнические ценности» никогда не существовавшей виртуальной «нации»? Конечно же, никакой перспективы подобное содружество не могло иметь. И та, и другая сила надеялись просто использовать друг друга, каждая в своих собственных интересах. У коммунистов это получилось лучше, ибо на тот момент именно они были *властью* в России. «Украинцы» в очередной раз оказались всего лишь в роли подручного материала для достижения чужих целей. Большевики максимально использовали их для превращения России в коммунистический СССР, а когда достигли этого, выкинули «украинцев» из политического поля страны за ненадобностью.

С другой стороны, при всей кажущейся странности подобного симбиоза двух внешне полярных сил нельзя не признать, что до определенного момента он был естественен и неизбежен. Цель-то и у тех и у других была одна: **уничтожение русского национального самосознания малороссов**, превращение их в *этнических мутантов*, идеальный объект для манипуляции, хоть с целью создания нового «советского человека», *совка*, хоть на пути превращения его в «украинца», с вымышленной «украинской» историей и искусственно придуманным «украинским языком». И не только цель была едина, но и *методы* в достижении ее — совершенно одинаковы: тотальная *ложь* и грубое, циничное *насилие*.

Но при всем том, это был союз политических антиподов, потому что коммунисты, отказавшись от бредней «мировой революции», к середине 30-х годов стали *государственниками*, а «украинцы» с их утопической разрушительной идеологией как были *антигосударственниками*, так ими и остались. В условиях надвигающейся войны их сепаратистские устремления не могли долее быть терпимы — и их безжалостное уничтожение явилось исторически обусловленным государственным актом. Что само по себе несколько не ослабило русофобской составляющей коммунистической политики.

Расправа со Скрыпником и другими оголтелыми украинизаторами вовсе не означала конец украинизации как таковой. По ней, конечно, был нанесен серьезный удар, но она отнюдь *не была отменена*. Из нее просто выхолостили «национальную» составляющую (которой в ней и не было *изначально*), еще более выпятив единственную ее функцию: вытравливание из Малороссии всего русского. То есть, опять же, задача вполне *украинская*. На что же «украинцам» обижаться?.. А они, тем не менее, до сих пор обижены. Если вы сегодня почитаете украинскую прессу, книги украинских «историков», то у вас сложится твердое убеждение, что за всю историю украинского движения не было у «украинцев» злее врагов, чем коммунисты. Ушаты грязи выливаются на коммунистических вождей, миллионы проклятий сыплются по адресу КПСС и «советской оккупации»... Какая черная неблагодарность! Разве не коммунисты нарезали «украинцам» на исконных русских землях их «украинскую республику»? И не они ли ввели «украинскую национальность» как таковую?.. Разве не при Ленине и Сталине расплодился украинские

писатели, академики, украинские школы и институты? И не при Сталине ли обрела «украинская республика» международный статус в качестве равноправного члена ООН? Сталин же наделил «украинцев» «государственными границами», которые включили в себя территории, о которых они не смели мечтать даже в самых безумных своих фантазиях, и которые, тем не менее, сегодня без всяких колебаний объявили своими «дэжэвными кордонами». За что же такая ненависть к «вождю всех народов»?..

Да что там говорить! Выше мы видели, как душа в душу жили «украинцы» с коммунистами, как верою и правдою служили коммунистическим идеалам, и дружно душили и терроризировали население Малороссии, без всяких угрызений совести беря за это свои тридцать серебряников. Даже будущие бандеровцы, галичане, — и те без стеснения пользовались коммунистическими щедротами. А теперь с пеной у рта проклинаят и шельмуют. Да так дружно и единогласно, что диву даешься: сотню лет работали рука об руку, а теперь, смотри-ка, наотрез отказываются от столь очевидного «родства». Украинский «президент» Ющенко даже предложил открыть в Киеве «Музей советской оккупации». Тот самый Ющенко, который за годы «оккупации» совершил головокружительную карьеру, достигнув к декабрю 1989 г. поста заместителя председателя республиканской конторы Агропромбанка СССР, которому «оккупанты» дали бесплатное образование вначале в школе, а затем в Тернопольском финансово-экономическом институте, что и позволило ему успешно продвигаться по «оккупационной» служебной лестнице. Тот самый Ющенко, который уже в возрасте 23 (!) лет вступил в «передовой авангард» «оккупационного режима» — КПСС, и не просто вступил, а при этом еще и закончил с *отличием* (видно, старался не за страх, а за совесть!) Высшую партийную школу — Университет марксизма-ленинизма для идеологических кадров. Т.е. не просто был в рядах *авангарда* «оккупантов», но в рядах тех из них, кто теоретически обосновывал необходимость и правильность «советской оккупации»! Такой вот «борец» с «оккупационным режимом». И соратники его, все эти драчи, павлычки и мовчань, ему под стать. Бездарные украиномовные писаки и рифмоплеты, которых абсолютно никто не читал, а «оккупационный режим», вопреки всему, содержал и щедро оплачивал штампующую ими макулатуру. И даже представлял к правительственным наградам! За что они слезно благодарили и клялись в нерушимой верности. А теперь...

Какая черная неблагодарность! Да кто же, в конце концов, провозгласил Украину в 1991 году «самостийной» и «незалежной»? Не коммунисты ли? Ведь все 100% депутатов тогдашней Верховной Рады являлись членами КПСС и все единогласно проголосовали за «самостийность»! А теперь они клянут компартию и «советскую оккупацию». Неблагодарная все-таки публика эти «украинцы».

Впрочем, благодарность *лакея* явление достаточно редкое. Сколько, казалось бы, сделали для «украинцев» **поляки**, которых смело можно назвать *крестными отцами* украинского движения как такового, а чем отблагодарили их «украинцы»? Волынской резней 1942—1943 гг.! Такой же монетой платят они сегодня и коммунистам, обвиняя их в жестоком подавлении «украинского возрождения», хотя, как мы могли убедиться, само это «возрождение» стало возможным только благодаря коммунистам.

И 1933 г., несмотря на определенный поворот, никаких *принципиальных изменений* в коммунистическую политику украинизации не внес. Курс оставался прежним. «Исправляя перегибы украинизации, мы должны одновременно продвинуть вперед саму украинизацию, которая является неотъемлемой частью нашего социалистического строительства», — подчеркивалось на ноябрьском 1933 года пленуме ЦК Компартии Украины.

Вот ведь как: «**неотъемлемой частью нашего социалистического строительства**». Почему и двигали украинизацию с прежней энергией и «после Скрыпника». Весьма показательно в этом плане развитие ситуации в Донбассе как раз в эти годы. До революции здесь было 7 украинских школ. В 1923 г. Наркомпрос Украины приказал в течение трех лет украинизировать 680 школ региона. Но пик украинизации Донбасса пришелся именно на 1932—1933 гг. На 1 декабря 1932 г. из 2239 школ региона 1760 (или 78,6%) были украинскими, еще 207 (9,2%) — смешанными русско-украинскими. К 1933 г. закрылись последние русскоязычные педагогические техникумы. Однако достигнутые успехи несколько не охладили пыла украинизаторов. Вот цитата из решения 4-го пленума Донецкого обкома КП(б)У (октябрь 1934 г.): «Строго соблюдать украинизацию советских органов, решительно борясь со всякими попытками *врагов* ослабить украинизацию». А за полгода до этого (апрель 1934 г., самый разгар борьбы с «перегибами украинизации»), тот же обком принял волевое решение «О языке городских и районных газет Донбасса», которым предписывал полностью перевести на украинский язык 23 из 36 местных газет, еще 8 должны были печатать как минимум

две трети информации по-украински, 3 — на греко-эллинистком и лишь две газеты (!) области решено было оставить на русском языке⁸⁶. Точно такая же политика проводилась и в остальных областях УССР.

К 1937 г. в республике практически не осталось газет на русском языке. Зав. Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. Мехлис писал секретарям ЦК ВКП(б) Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Ежову (30 октября 1937):

«Ни в одной союзной и автономной республике русская печать не находится в таком захудалом состоянии, как на Украине. В республиканских центрах всех союзных республик, столицах автономных республик, наряду с национальными газетами, выходят руководящие газеты на русском языке. Тбилиси, Баку, Алма-Ата имеют даже по две-три газеты на русском языке. В Тбилиси, например, газета «Заря Востока», выходящая на русском языке, является органом ЦК КП(б) Грузии. В Баку выходит на русском языке газета «Бакинский рабочий». В Алма-Ате — русская газета «Казахстанская правда». В Ташкенте — «Правда Востока». Эти русские газеты являются очень влиятельными в местных организациях.

Ничего подобного нет на Украине. Там буржуазные националисты, по сути дела, ликвидировали русские газеты, несмотря на то, что русского населения на Украине немало. Да и украинское население охотно читает русские газеты.

В Киеве выходит 11 республиканских и областных газет. Основные газеты — «Коммунист» (орган ЦК КП(б)У), «Вісті» (орган ВУЦИК), комсомольская, пионерская, областная «Пролетарская правда» и даже киевская вечерняя газета — выходят на украинском языке. Кроме того, в Киеве издаются газеты на немецком, польском, еврейском, болгарском языках. Нет только ни одной газеты на русском языке, если не считать русского издания армейской газеты «Червона армія».

Спрашивается: неужели Украина нуждается больше в немецкой газете, чем в русской? Действительно ли польский и болгарский языки распространены на Украине больше, чем русский? Отсутствие в Киеве руководящей русской газеты свидетельствует о политической близорукости ЦК КП(б) У.

Ни в одной из 12 областей УССР, кроме Донбасса, не выходит ни одна областная газета на русском языке. В частности, такой крупнейший город, как Одесса, не имеет русской газеты. Не приходится доказывать, что огромнейшая часть населения Одессы говорит на русском языке.

В Донбассе издается на русском языке областная газета «Социалистический Донбасс». Все остальные газеты выходят преимущественно смешанными — часть материала на русском языке, другая на украинском. Эти газеты какие-то убудочные»⁸⁷...

Нет, с этим нужно было что-то делать. Слишком уж очевидной была нелепость происходящего. Даже для партийных вожаков.

1937 год оказался судьбоносным для украинизации. Уже и коммунисты смекнули, что дальнейшее поощрение этого совершенно *безумного* проекта может привести к непредсказуемым последствиям для самого режима. А это в условиях надвигающейся войны с гитлеровской Германией могло привести просто к фатальным последствиям. В очередной раз внешняя угроза вынудила коммунистов несколько притормозить в деле дерусификации Малороссии. Беспрецедентный разгул русофобии, длившийся в крае почти полтора десятилетия, завершился довольно неожиданно: наиболее оголтелые фанатики украинства, ранее всемерно поощряемые коммунистической властью, вдруг, к своему удивлению, в ранге «*национал-уклонистов*» были причислены к числу прочих «врагов народа» и тысячами отправлены в советские концлагеря. Украинизацию слегка притормозили. В 1938 году вновь разрешили открыть всеукраинскую газету на русском языке. В крупных городах родителям теперь предоставляли возможность выбирать язык обучения для своих детей (и, естественно, выбор был *всегда* в пользу русского языка). Впрочем, в селах большинства областей УССР родители такого права выбора были *по-прежнему лишены*. Невзирая на некоторые послабления, в целом существо коммунистической политики в деле украинизации осталось прежним: Но, хотя официально украинизация не была отменена, ей, ввиду надвигающейся войны, перестали уделять прежнее внимание и ввели в более спокойное русло.

Затишье, впрочем, было не долгим. Военные успехи Гитлера, оккупировавшего к концу 1942 г. всю Малороссию, на короткий срок возродили самые смелые чаяния украинизаторов. Взятие немцами каждого города сопровождалось незамедлительным закрытием любых русских газет, вместо которых начинали печатать исключительно украинские. Той же метаморфозе подвергалась сфера образования. И во всех учреждениях, созданных для работы с местным населением, обязательным опять же

объявлялся украинский. Лица, не владевшие «мовою», из них изгонялись. Причем все эти мероприятия проводились за немецкие деньги и при самом активном участии немецких специалистов.

Гитлер не задавался вопросом: почему подавляющее большинство «украинцев» не владеют укромовою. Ему было важно одно: *любой ценой уменьшить численность Русского народа*, чтобы максимально ослабить его сопротивление оккупационному режиму. Украинизация являлась весьма удобной формой этнического геноцида: чем больше «украинцев», тем меньше Русских — и наоборот. Фюрер хорошо усвоил предостережение Бисмарка: «Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах Русских... Эти последние, даже если их расчленишь международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртуты». Следовательно, необходимо было не только нанести Русским военное поражение, но и дополнительно расколоть их на несколько частей, враждебных друг другу, что гарантировало прочность владычества над ними. «Украинцы» в этом деле оказались незаменимым подспорьем. Отсюда и полное тождество политики в «украинском вопросе» немецкого национал-социализма и советского коммунизма: цель-то была одна — *раскол Русской нации...*

Увы, планам Гитлера и его украинских друзей не суждено было сбыться: освобождение Малороссии частями Красной Армии положило конец мечтаниям о создании самостоятельного украинского бантустана под протекторатом «тысячелетнего рейха». Но помощь неожиданно последовала с противоположной стороны. В 1945 г. по настоянию Советского правительства УССР была признана членом ООН и, таким образом, искусственно созданная коммунистическим режимом «нация» приобрела **международный статус**. Украинизация Малороссии получила дополнительный политический импульс, но выводить ее на уровень 20-х годов уже опасались, удерживая в рамках вялотекущего процесса. Впрочем, и при минимальном напряжении она в любой момент готова была выйти из-под контроля. Так, летом 1965 г. по настоянию тогдашнего первого секретаря ЦК КПУ Петра Шелеста (руководил республикой в 1963—1972 гг.) была предпринята попытка реанимировать украинизацию в полном объеме: вновь последовало решение о повсеместном переходе

преподавания в вузах УССР на украинском языке. Вслед за тем на «мову» начали в спешном порядке переводить делопроизводство в министерствах и ведомствах, на предприятиях и учреждениях. Разумеется, от жертв бессмысленного эксперимента снова последовал поток жалоб на «перегибы в области национальной политики». В Москве не сразу, но отреагировали: П.Шелеста убрали с Украины, и все вернулось на круги своя, т.е. опять в стадию *вялотекущего процесса*. Наступила эпоха Брежнева, когда, в связи с общей либерализацией режима, дело было пущено на самотек, планов расширить применение украинского новояза уже не составляли, а без государственной поддержки он стал умирать естественной смертью...

* * *

И вот очередная украинизаторская конвульсия. Снова насилие, запугивание, шантаж — и все те же проблемы, что и восемьдесят лет назад: подвластное «украинцам» население не желает изучать изобретенный для него новояз. Председатель общества «Просвіта» и по совместительству зампред комитета Верховной Рады по вопросам «культуры и духовного возрождения» Павло Мовчан на специально созванной пресс-конференции в Киеве (июнь 2002) назвал положение украинского языка на Украине «постыдным» и в доказательство этой самой постыдности привел следующий показательный факт: среди молодых людей в возрасте до 21 года только 20% разговаривают исключительно на украинском, тогда как *исключительно русский* используют 60% молодежи⁸⁸. При этом следует иметь в виду, что речь идет о молодых людях, языковая культура которых формировалась уже в условиях украинской «нэзалэжности», когда самостийники получили в свои руки все государственные рычаги давления для «исправления» языковой ситуации в нужном для них направлении. И — совершенно никчемный практический результат. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...» Как тут не сорваться в истерику...

И срываются на вой и визг, кипят нешуточную злобою, извергают страшные угрозы и совершенно безумные прожекты. Разрушить, уничтожить, *распылить* живую действительность... В стенах Верховной Рады идут слушания о функционировании украинского языка в самостийной украинской «державе». Снова наводит страху Павло Мовчан: «Денационализируются целые отрасли и все госструктуры сверху вниз, как это происходит в налоговой администрации, МВД, не говоря уже о Министер-

стве промышленности и Минобороны. Только глухой не услышит, какой господствует язык у власти на Банковой или какой язык недавно воцарился в Кабмине». Никаких изменений в лучшую сторону. Поневоле взвоешь. «Украинских школ у нас больше, но *на переменах* и учителя, и ученики общаются исключительно по-русски», — причитает ему в унисон ярая гонительница православных нардеп Лилия Григорович. Как тут не возмутиться: понуждаемые официальными приказами использовать на уроках исключительно «мову», учитель и ученики вдруг расслабляются на переменах (вдуматься только, какая вольность!) и в течение нескольких минут позволяют себе общение на родном русском языке. Действительно, неслыханное преступление!.. А города — эти явные очаги «антиукраинства», средоточие вызывающей русскости! «Наша урбанистическая среда, среда больших городов, русифицирована, — взывает с трибуны профессор Киево-Могилянской Академии Лариса Масенко. — И это требует специальной программы деколонизации». Наверное, придется по примеру «красных кхмеров» Кампучии все города в Малороссии разрушить, — тогда и осуществится в полной мере программа их «деколонизации»...

Глава парламентского комитета по культуре и духовности Лесь Танюк неожиданно стал расхваливать Советские времена, когда в Донецке, например, 68% газет издавалось на украинском языке, а вот в 2000 году (после десяти-то лет самостийности!) их число составило всего 35%. «Украинец» Танюк не может смириться с этой реальностью. Почему и ссылается на опыт так же никак с ней не связанный, ведь весь «расцвет» украинской периодики в СССР обуславливался лишь тем, что издавалась она исключительно за *государственный* кошт, хотя в том же Донбассе ее, как и сегодня, абсолютно *никто не читал*, используя на все те же пресловутые *хозяйственные нужды*. Сегодня в условиях рынка такая схема уже не проходит: никто не будет издавать литературу, у которой совершенно нет читателей! Да и сам глава «украинской духовности» выбрасывать на ветер деньги не станет, тем более что у «дэжавы», которую он представляет, их и нет. Вот и мечутся громы и молнии по адресу живой действительности, которая никак не желает покоряться «украинцам» и их искусственно мутированной «мове». Потому и приходится объявлять объективную реальность *вне закона*.

Именно так и сделал основной докладчик по теме академик Иван Дзюба. «Украинский язык не является повноп-

рысутним (!) в общественной жизни, — заявил он. — Но не всякая реальность разумна и морально легитимна. Не говорю уже о том, что **эта реальность противоречит самой идее украинского государства**. И когда использование родного (?) языка становится делом патриотизма и его признаком, это свидетельствует об очень небезопасном уровне вырождения общества»...

Лучше не скажешь: откровенно и по существу. А главное, последовательно и логично. Сама реальность противоречит идее украинского государства, поэтому она, (реальность) неразумна и морально нелегитимна, почему и следует ее уничтожить или, по крайней мере, изуродовать и мутировать до такой степени, чтобы никто и никогда не смог бы догадаться, что когда-то она была иной...

И сыпались от выступавших проекты и предложения, способные повести к достижению этой недостижимой цели, проекты столь же безумные, как и они сами. И чего здесь только не было: и необходимость введения языкового налога, и создание специального языкового комитета, который отслеживал бы использование дэержмовы во всех сферах жизни, и введение в Генпрокуратуре должности «заместителя Генерального прокурора Украины по языку» с неограниченными полномочиями для привлечения мовопреступников к ответственности, и немедленное изгнание ректора Одесского и других университетов, где еще сохранилось преподавание на русском. А еще: предлагалось «отправиться в поход» против городов, являющихся рассадником русского, и поставить заслон европейской Хартии о языках, и ввести санкции и карательные статьи за использование русского в быту — разгул ненависти был нешуточным⁸⁹.

Но за всеми этими воплями и истерическими стенаниями слышались неуверенность и горькое разочарование, ведь основной факт жизни и после двенадцати лет самостоятельного существования остается неизменным: **«70% украинцев отреклись от родного языка»**. И это при том, что в предыдущую эпоху, как мы видели, был заложен прочный фундамент для повсеместного внедрения «мовы»: «Украинский язык уже как-то составлен, на нем пишут разные произведения литературного и научного характера... Введено принудительное обучение на нем в школах, в средних учебных заведениях и в университетах, а также принудительная публикация всех видов научного и литературного творчества»⁹⁰. И, невзирая на столь солидный задел, **«украинский язык, имея бумажно-государственный статус, таковым не является на двух третях своей территории»...**

Загадка. Неразрешимый парадокс. Что за странное сообщество представляет собой «украинский народ»? Откуда в нем это совершенно дикое и противоестественное неприятие «ридной мовы»? Можно ли представить себе, например, французский народ, *три четверти* которого изъясняются исключительно *на иностранном языке*, ну, хотя бы том же немецком? Полный абсурд. А вот три четверти «украинцев» способны думать, писать и говорить лишь на «иностранном» русском. Положение дикое: вопреки многочисленным кампаниям по украинизации, проведенным за последние сто лет, «украинцы» упорно отказываются... украинизироваться! Какое же заклятие довлеет над «мовою»? Довлеет не год, не два, а многие десятилетия...

ПРИМЕЧАНИЕ

⁷¹ Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. — Київ: 1990, с. 293

⁷² Устрялов Н.В. Германский национал-социализм. — М.: «Вузовская книга», 1999, с. 108

⁷³ Там же, с. 109

⁷⁴ Гитлер А. Моя борьба. — М.: «Витязь», 2000, с. 551

⁷⁵ Там же, с. 116

⁷⁶ Там же, с. 118

⁷⁷ Там же

⁷⁸ Там же, с. 556

⁷⁹ Там же, с. 554

⁸⁰ Борисёнок Е. Феномен советской украинизации... С. 221

⁸¹ Там же, с. 218

⁸² Там же, с. 227—228

⁸³ Хвиля А. Про одну спробу ревізії ленінізму. — «Більшовик України», 1929, №19, с. 33—34

⁸⁴ Борисёнок Е. Феномен советской украинизации... С. 222—223

⁸⁵ Там же, с. 228—229

⁸⁶ Корнилов В. Праздник голодомора. — Еженедельник «2000», №48; 1—7 декабря 2006

⁸⁷ Мехлис Л. Письмо секретарям ЦК «О русских газетах на Украине»; 30 октября 1937. — «2000»; 12—18 мая 2006

⁸⁸ Селижаров Г. Измолчался Мовчан. — «Донецкий кряж-плюс»; 27 июня — 3 июля 2002

⁸⁹ Гордеева Л. Языческий шабаш в Верхраде. — «Донецкий кряж-плюс», №11; 21—27 марта 2003

⁹⁰ Яворский В. Украина — русская земля. Украина — это Русь. Литературно-публицистический сборник под ред. М.И.Туляницы. СПб.: «ЛИО-Редактор», 2000, с. 29

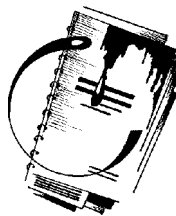
Татьяна МИРОНОВА

КВАЧКОВ ДОПРОСИЛ ЧУБАЙСА

Дело о покушении на Чубайса, пожалуй, самый засекреченный сегодня процесс в России. Двери судебного зала наглухо закрыты для прессы. В напряженной тишине лишь присяжные заседатели слушают допрос потерпевшего. Вопросы Чубайсу задает полковник Квачков, обвиняемый по 277-й статье УК РФ — «посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности или из мести за такую деятельность...». Уголовно-процессуальное законодательство дает подсудимому такое право.

Мы добиваемся одного, чтобы с процесса спала незаконная, противоестественная, дичайшая завеса секретности, чтобы ограбленный Чубайсом народ знал, за что и как вот уже второй год судят полковника ГРУ Владимира Квачкова, разведчиков-десантников капитанов Роберта Яшина и Александра Найденова.

После первого вопроса Владимира Квачкова: «Гражданин Чубайс, проведенная вами приватизация может являться основанием для мести?» судья оторопело уставился на потерпевшего, но тут же, увидев растерянно вытянувшееся лицо Чубайса,

ДОСЬЕ "МГ"

поспешил ему на помощь: «Вопрос снимается!» Квачков настаивает: «Гражданин Чубайс, преступление, которое здесь рассматривается, называется «покушение на государственного деятеля с целью прекращения такой деятельности или из мести за такую деятельность». Проведенная вами приватизация является основанием для таких действий?» Чубайс в смятении, он пытается уклониться от вопроса: «Это, наверное, лучше надо спрашивать у того, кто обвинен, а не у меня». Но Квачков стоит на своем: «Я у вас спрашиваю, вы — потерпевший по этому делу». Весь напряжвшись, покраснев до синевы, Чубайс злобно выпаливает: «Да. А вы — обвиняемый!». На что Квачков, спокойно улыбаясь, отвечает: «Так точно. Пока...» Чубайс выразительно смотрит на судью А. Козлова, тот, беспомощно мигнув, нехотя мямлит: «Еще вопросы».

Ясно с самого начала, что Квачков основательно подготовился к встрече с Чубайсом. Больше двух лет находясь в тюрьме, он провел свое собственное расследование по опубликованным документам деятельности А. Чубайса на всех государственных постах. По итогам расследования Владимир Квачков сформулировал шестьдесят шесть вопросов к Чубайсу, чтобы выяснить возможные мотивы покушения на главу РАО ЕЭС как на бывшего государственного деятеля.

«Является ли ваша деятельность на посту председателя Госкомимущества основанием для мести вплоть до вашей ликвидации?». Чубайс уже не может скрыть раздражения и злости. Судья суетливо встречает: «Вопрос снимается, он не имеет отношения к делу» и с театральным пафосом обращается к присяжным: « Уважаемые господа присяжные, мы оценкой деятельности не занимаемся, мы не будем здесь политические дискуссии разводить, на данном суде не дается оценка действиям потерпевшего. Здесь будет даваться оценка тому, как другие лица воспринимали его деятельность. Поэтому — вопросы задавать по существу».

Другие лица? Пожалуйста! «Гражданин Чубайс, есть ли повод для мести у вашего предшественника на посту председателя Госкомимущества Михаила Малая, который был смещен со своей должности, поскольку категорически возражал против обезличенных ваучеров и предлагал открыть именной банковский приватизационный счет на каждого гражданина России? Является ли поводом для

мести нарушение вами принятого Верховным Советом РСФСР закона «О приватизации государственных и муниципальных предприятий РСФСР?». Является ли поводом для мести нарушение вами действовавшего тогда закона об именных приватизационных счетах и вкладах?». Попад впросак с «другими лицами», судья судорожно дернулся: «Вопрос снимается».

Квачков продолжает: «Могли ли возникнуть поводы для мести у людей из Контрольно-бюджетного комитета Верховного Совета РСФСР после проверки возглавляемого вами Госкомимущества в июле-августе 1992 года, определившей, что «вся структура органов приватизации, созданная Чубайсом по иностранным проектам, способствовала хищническому разграблению России» и что «нарушена правовая база приватизации, цели и задачи Государственной программы не выполнены, выявлены массовые нарушения финансовой дисциплины?»».

Под пристальным взглядом потерпевшего судья привычно бормочет: «Снимается вопрос». Вспомнив про свои судейские обязанности, нехотя добавляет: «Еще вопросы». Квачков невозмутим: «Существуют ли поводы для мести у доктора экономических наук, бывшего депутата Государственной думы В.А.Лисичкина, входившего в комиссию Госдумы по анализу итогов приватизации, который назвал документы комиссии свидетельством целенаправленного разрушения единого народнохозяйственного комплекса, свидетельством преступной сущности ограбления России, превращения народов нашей страны в рабов. Ведь Лисичкин прямо утверждает, что «приватизация «по Чубайсу» явилась главным источником социально-экономической катастрофы в России и криминализации общества?»»

Судья реагирует панически: «Конкретно вопросы задавайте!»

Полковник Квачков: «Ваша честь, меня интересует: кто мог покушаться на Чубайса? Существуют ли поводы для мести у инспектора Счетной палаты Российской Федерации Олега Хохлова, который утверждал в своем фундаментальном исследовании: «Команда Чубайса под демократическими лозунгами скрывала целевую установку на уничтожение российской оборонной промышленности и производителей стратегически важной, конкурентоспособной на западном рынке отечественной продукции гражданского назначения»? Есть ли поводы для мести у дру-

гих лиц Счетной палаты, проводивших ревизию в Госкомимуществе и оценивших деятельность Чубайса как преступление против нации и государства, утверждавших, что Госкомимущество поставлено Чубайсом на службу конкурентам и врагам России, что целенаправленно разрушается оборонный комплекс страны, а крупнейшие предприятия, конструкторские бюро, научно-исследовательские институты умышленно подводятся под банкротство и продаются за бесценок? Есть ли поводы для мести у депутатов Государственной думы, оценивших проводимую Чубайсом приватизацию как предательство национальных интересов и направивших Ельцину доклад с постановлением №378-1 от 9.12.1994 года: «Признать итоги первого (чекового) этапа приватизации неудовлетворительными и приостановить действие указа о послечековой приватизации до принятия федерального закона» и получивших отказ»? Уже не глядя в сторону потерпевшего, судья обреченно роняет: «Вопрос снимается».

А подсудимый Квачков упорно продолжает свой поединок с потерпевшим: «Есть ли повод для мести у В.П. Полеванова, бывшего губернатора Амурской области, сменившего вас, гражданин Чубайс, на посту председателя Госкомимущества и представившего председателю правительства В.С. Черномырдину «Анализ первого этапа приватизации и предложения по его совершенствованию» за № ВП-424 от 18.01.1995 года, в котором раскрыл антинациональную сущность проводимой приватизации, механизм передачи общенародной собственности новым частным владельцам фактически за бесценок? Так есть ли повод для мести у В.П. Полеванова, который изъяс у 35 иностранцев, в основном американцев, пропуска, выданные по вашему указанию, господин Чубайс, перекрыв им свободный доступ в компьютерную систему, содержащую секретные сведения, и который был уволен со своего поста по вашему требованию? Есть ли повод для мести у сотрудника Службы безопасности президента полковника В. Стрелецкого, впоследствии не без вашего участия уволенного со службы, который раскрыл перед общественностью подноготную вашего нового ставленника на пост председателя Госкомимущества взамен уволенного В.П. Полеванова того самого Максима Бойко, что прожил в США 16 лет под фамилией Шамберг, имевшего гражданство Израиля и отца — преподавателя из специального вуза ЦРУ, который через вас получил неограни-

ченный доступ к информации, в том числе секретной, совершенно секретной и особой важности об оборонных заводах и технологиях производства, конструкторских бюро, испытательных полигонах и лабораториях с юридическим правом принимать решения по их имуществу, а значит, распоряжаться их судьбой?»

Судье совсем нехорошо. Он стремится оградить потерпевшего от неприятных вопросов, но как сберечь от них Чубайса, если следствие в тупом раже обвинило спецназовцев Квачкова, Яшина и Найденова по очень невыгодной для такого сбережения статье — терроризм. Обвинение в терроризме требует исследования мотивов мести за государственную деятельность. Следовательно, неизбежно разбирательство: за какую государственную деятельность могли мстить неизвестные террористы Чубайсу и у кого в нашей стране имеются такие мотивы? И вот теперь, хочешь не хочешь, а мотивы эти и вся бурная уголовно-политическая жизнь г-на главного приватизатора, главного финансиста и главного электрика должны обсуждаться в суде. Как, скажите на милость, избавить от них сильно нервничавшего потерпевшего, напрягшегося так, что красные пятна расползлись не только по его физиономии, но и, кажется, проступили через рубашку и пиджак. Только одним способом, и судья, тяжело вздыхая, раз за разом прикрывает Чубайса: «Вопрос снимается».

Но и оставшись безответными, вопросы мятежного полковника звучат громоподобным обвинением: «Есть ли поводы для мести у депутатов Госдумы после непринятия мер по их докладу, в котором утверждалось, что «с экономической точки зрения разгосударствление собственности равнозначно беспрецедентной диверсии, так как экономические потери за один только 1996 год в суммарном виде в 2,5 раза превысили потери в Великой Отечественной войне? Является ли поводом для мести продажа в рамках приватизации государственной собственности частным структурам за 7 миллиардов 200 миллионов долларов, хотя реальная стоимость проданных предприятий по самым минимальным оценкам превышала триллион долларов, то есть была искусственно занижена более чем в 140 раз? У кого могли возникнуть мотивы для восстановления справедливости?»

Судья видит, как у потерпевшего на лбу выступает нервная испарина, но что он может поделать? Понятно ведь, для чего Генпрокуратура применила 277-ю статью Уго-

ловного Кодекса (пожизненный срок), — чтобы Квачкову до конца своих дней не встретиться больше с Чубайсом, и другим наука: только вякните чего насчет оккупационного режима — судьба полковника перед глазами. Но 277-я — обоюдоострая статья, равно опасная и для «потерпевшего». Неминуем допрос о делах и заслугах «потерпевшего». И под злобным взглядом Чубайса только и остается судье — раздраженно цедить сквозь зубы: «Вопрос снимается».

Но все меньше и меньше происходящее на суде напоминает допрос. У тех, кто, затаив дыхание, слышит гулко звучащий в тишине голос подсудимого, поневоле появляется осознание того, что это уже не суд над героическим полковником, где Чубайс — потерпевший, это уже вершится народный трибунал над самим ненавистным всей стране Чубайсом. Здесь обвинитель — полковник спецназа ГРУ Владимир Квачков, бросающий в лицо Чубайсу бесспорные факты тягчайших его преступлений. Захватывающее зрелище — воплощение чаяний миллионов. Растерянные, трусящие, дрогнувшие судья, прокурор, охранники, сам Чубайс зримо увидели в смелом обличении полковника предтечу того часа, когда им придется отвечать по предъявленному здесь счету. Одна только афера с залоговым аукционом, когда народ разом лишился нефти, газа, самых дорогих, сверхприбыльных предприятий, тянет на троекратную высшую меру.

«Является ли поводом для мести у миллионов российских граждан преступный сговор правительства Российской Федерации с консорциумом коммерческих банков в составе «Инкомбанка», «Онэксимбанка», банка «Империял», «Столичного банка сбережений», акционерного коммерческого банка «Международная финансовая компания», — набатом звучит обвинение Квачкова, — а именно первоначальное размещение в указанных банках Министерством финансов Российской Федерации так называемых «свободных валютных средств федерального бюджета» в размере 600 миллионов долларов; последующая выдача консорциумом банков так называемого «кредита» правительству Российской Федерации на сумму 650 миллионов долларов под залог одиннадцати крупнейших предприятий: «ЮКОС», «Норильский никель», «Сибнефть», «Лукойл» и других; а также преднамеренный отказ правительства Российской Федерации вернуть «кредит» и переход в собственность банков находившихся в залоге

акций государственных нефтяных, газовых и иных стратегических предприятий?»

Видимо, грядущий народный трибунал так явственно представился судье, что он не выдержал, взорвался: «Вопрос снимается, так как не имеет отношения... Вы должны, вы должны задавать вопросы по конкретным обстоятельствам дела!» Квачков резонно возражает: «Я ищу лиц, которые могли...» Судья срывается почти в молящий крик: «Не надо искать лиц, которые могли, здесь решается вопрос о том, могли ли вы или не могли ли вы... Решается, да! Присяжные будут решать вопрос: могли ли вы или не могли и не участвовали. А это следственные органы расследуют. Решается вопрос в отношении вас троих и мы за рамки этих трех не выходим. Версии проверяет следствие, у нас здесь одна версия, которую мы рассматриваем. Вопрос конкретный задавайте!» Но куда уж конкретнее: «Есть ли основания для мести...» Однако досказать Квачков не успел. «Вопрос снимается! Я прерываю допрос!» — взвизгнул судья.

Так завершился этот памятный допрос, который показал, что суд не интересуют мотивы возможной мести «государственному деятелю» Чубайсу, суд исполняет директиву на вынесение обвинительного приговора именно полковнику Квачкову с его товарищами. Все. Точка. Да и что мог ответить Чубайс на вопросы о наличии мотивов для мести ему у самых разных, боровшихся с его преступлениями в разные годы людей — у Хохлова, Лисичкина, Малёя, Полеванова, Стрелецкого и многих, многих других? Если Чубайс сказал бы «да», то признал бы необходимость нового расследования дела о покушении, а фактически необходимость привлечения миллионов подозреваемых, для которых он стал символом крушения и разграбления Родины. А если бы Чубайс ответил «нет», то он бы засвидетельствовал отсутствие мотива для мести у полковника Квачкова, который так же, как и все названные им люди, жестко критиковал деятельность Чубайса. Судья Козлов оградил Чубайса от необходимости отвечать на вопросы о своих преступлениях. Но впервые в истории современной России они прозвучали в суде, как начало народного трибунала над Чубайсом, которого жаждут миллионы граждан России.

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук, академик РАЕН

РУССКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

В условиях всеобщей сумятицы и затуманенности сознания русских людей наглой ложью либералов о благодатной роли рынка в нашей жизни, вышла из печати уникальная энциклопедия «Русское хозяйство»*. Этот фундаментальный труд представляет собой системный свод энциклопедических сведений о русском хозяйстве с древнейших времен до конца XX века. Мысли, идеи, учения и конкретные дела русских экономистов, предпринимателей, купцов, сельских хозяев создали в России эффективную, самодостаточную и конкурентоспособную экономику, ставшую одной из главных составляющих роста мировой экономики.

В подтверждение этой оценки приведу расчеты, которые выполнил известный русский экономист-статистик профессор Василий Михайлович Симчера. За 1901—1990 гг. объем национального богатства страны возрос в 80 раз,

---

* Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское хозяйство. Главный редактор, составитель О.А.Платонов — М.: Институт русской цивилизации, 2006.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

в том числе объем промышленности в 160 раз, сельского хозяйства в 4,2 раза при росте численности населения за этот период в 2,2 раза. Принципиально важно отметить, что соответственно в США за этот же период национальное богатство увеличилось в 17 раз, в том числе промышленное производство в 18 раз. Особо подчеркну, что этот гигантский рост в экономике России не могли затормозить даже такие разрушительные события, как Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная войны, навязанные русскому народу его извечными врагами. Такова созидательная мощь механизма русского хозяйствования.

Современные враги и ненавистники России увидели в этом динамичном созидании смертельную угрозу своему грабительскому хозяйничанью и стремлению к мировому господству. Не надеясь победить Советский Союз в качестве преемника исторической России, мировые хищники в лице иудейского финансово-банковского и промышленного капитала США, Израиля и Западной Европы приняли решение взорвать его изнутри, используя для этого свою «пятую колонну» из прогнившего руководства КПСС и продажных еврейских средств массовой информации. Используя свои неограниченные финансовые ресурсы, алчность и предательскую суть этой прослойки российского общества, была организована так называемая перестройка во главе со слабовольным и неграмотным Горбачевым, а затем лживое «реформирование» планово развивающейся советской экономики под пьяным руководством больного самодура и карьериста Ельцина. Но это были мнимые руководители деятельности по разрушению России. Они — лишь исправные исполнители указаний истинных инициаторов и руководителей этого зловещего процесса, среди которых — М.Тэтчер, Р.Рейган, Г.Коль, Б.Клинтон, Г.Киссинджер, З.Бжезинский и их «духовный» покровитель глава католической церкви папа Иоанн Павел Второй.

Оценку их враждебной деятельности дал митрополит Виталий (в миру Устинов Ростислав Петрович), первоиерарх Русской Зарубежной Церкви в 1986—2001 гг. Вот его слова из обращения к русской молодежи, сделанное в 1989 г.: «Будут брошены все силы, миллиарды долларов, лишь бы погасить пламя русского возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это похлеще Наполеона и Гитлера».

Мудрое предсказание митрополита Виталия было реализовано вышеперечисленными западными лидерами и

их пособниками из иудейского племени в самой России с поразительной точностью. Разрушение нашей страны проводится под иезуитским предлогом перевода российской экономики на рыночные отношения.

Приведу по этому поводу конкретный пример. При обсуждении подготовленного правительством проекта бюджета РФ на 2007 год главному президентскому счетоводу Кудрину депутаты Госдумы задали вопрос: «Почему на реализацию объявленных властью «приоритетных национальных проектов» (здравоохранение, образование, АПК и доступное жилье) предусматривается ничтожная сумма финансирования, составляющая лишь **одну тридцатую часть** Стабилизационного фонда, хранимого в США и используемого на инвестирование американской экономики и агрессивного Пентагона?» И что же «народные избранники» услышали в ответ? «Таковы законы рынка» — заявил главный «финансист» страны. Но ведь это одно из двух: или его непроходимое невежество, или сознательная наглая ложь.

Институт рынка действует в мире на протяжении тысячелетий во всех странах мира независимо от их государственного устройства, но он в зависимости от форм хозяйствования используется либо в интересах всех людей той или иной страны, либо в интересах узкой их прослойки, так называемых «избранных».

В рассматриваемой нами энциклопедии «Русское хозяйство» убедительно доказывается, что в западноевропейских странах и в США получил распространение и утвердился механизм хозяйствования, основанный на учении Талмуда, согласно которому хорошо и богато могут жить только «избранные», и это действительно происходит в мире.

Вторая половина XX века и начало текущего столетия характеризуются опасным расширением и углублением коммерциализации жизни общества, неуклонно ведущей его к духовной деградации и физической гибели. «Коммерция» в переводе с латинского — торговля. Но ныне мы наблюдаем не просто развитие традиционной торговли, а наступление агрессивного всеохватного торжища с целью безмерного получения денег. В так называемой «западной» цивилизации достижением этой абсурдной цели и служит пресловутый «рынок», на котором продается и покупается все, включая не только материальные блага, но и достоинство, свобода, честь, совесть, и сама жизнь — как отдельного человека, так и целых стран и народов.

Такая сатанинская практика жизни возникла и утвердилась не на пустом месте. Ее генетическими корнями явились активно пропагандируемые идеи главной книги иудаизма — Талмуда о том, что основной целью экономической (хозяйственной) жизни является материальное обогащение, нажива, накопление денег и капитала **любыми средствами**, прежде всего, за счет обмана «неизбранных» — гоев.

В противоположность этому в русской православной цивилизации экономическая (хозяйственная) деятельность была лишь частью духовно-нравственной жизни людей. Но так было прежде. Ныне либеральные «реформаторы» активно разрушают эту веками соблюдаемую благодатную традицию, насаждая взамен ее дикий капитализм с его бесчеловечным «рынком», организуемым по талмудистскому образцу.

Всего лишь один самый свежий, но достаточно типичный пример. 7 сентября 2006 года на шахте «Центральная» Дарасунского рудника в Читинской области возник пожар. Дарасунский рудник принадлежит ООО «Русдрагмет» — дочернему предприятию британского холдинга Highland Gold Mining Ltd. На руднике занимаются добычей и производством золота. Объем переработки руды — 450 тыс. тонн в год, а объем производства золота — около 3,5 тонны в год. Пожара на Читинской шахте можно было избежать, если бы там не отключили водоснабжение. Воду перекрыли в целях экономии. Кроме того, даже при появлении дыма в шахте горнякам было приказано продолжать работу.

В результате 25 шахтеров погибли, другие получили серьезное отравление. Шахтерам платили по 7 тыс. рублей в месяц, за каждого же мертвеца фирма готова заплатить по 100 тыс. рублей, поскольку это дешевле, чем тратиться на внедрение и соблюдение техники безопасности. Такова коммерция! В современной РФ (не поворачивается язык сказать России) власть дошла до распродажи дарованных нам Богом и хранимых в веках природных благ — земли, лесов, заповедных территорий, водных и рекреационных объектов. Какая уж здесь экология! «Экология» в переводе с греческого — это дом, жилище, Родина. Россия — наш родной и богатый дом. Но, глядя на происходящий рыночный пир во время чумы, уместно вспомнить русскую пословицу: «Дом хорош, да хозяин не гош».

О духовности как условии сохранения нашего дома и ведется обстоятельный разговор в рассматриваемом энциклопедическом труде. В нем сформулированы следующие характерные черты русского хозяйствования.

1. Хозяйство есть преимущественно духовно-нравственная категория, ориентированная на справедливый миропорядок, учитывающий интересы всех и каждого участника хозяйственной деятельности — труженика.

2. Автаркия — функционирование хозяйственных единиц и системы в целом, основанное на использовании собственных ресурсов, обеспечивающих их самодостаточность и относительную замкнутость.

3. Способность к самоограничению — разумному потреблению материальных благ.

4. Труд есть добродетель, а не бремя и проклятие, не принуждение, а добровольная естественная потребность человека.

5. Собственность есть результат труда, а не капитала. Капитал является производительной частью собственности, а не ростовщичества.

Основательность и достоверность идеологии русского хозяйства в энциклопедии подтверждается трудами выдающихся русских мыслителей, каждому из которых уделено большое внимание. Их список исчерпывающе обширен и составляет более полусотни. При этом наибольшее место отводится таким гигантам русской мысли, как Аксаковы, Болотов, С.Булгаков, Иосиф Волоцкий, Киреевские, Ключевский, Ломоносов, Менделеев, Погодин, Посошков, Самарин, Соловьевы, Татищев, Тихомиров, Щербатов. Приводятся также обстоятельные сведения о сотнях других специалистов, трудившихся в области русской экономической мысли, статистики, народонаселения, трудовой деятельности, народного богатства, сельского и лесного хозяйства, промышленности, транспорта, торговли, финансов, предпринимательской и благотворительной деятельности.

В заключение следует сказать, что уникальная информация, содержащаяся в книге «Русское хозяйство» — это подлинная путеводная нить к познанию не только прошлого экономического и социального развития русского народа и государства, но и научно-практическая основа определения стратегии России на будущее. Внимательное изучение этого труда приводит к однозначному выводу о том, что возрождение России возможно только при условии решительного и безотлагательного преодоления либерально-демократической вакханалии, погружающей страну в пропасть глобализации, и возвращения ее на исторический путь развития посредством воссоздания Русского православного государства.

Дмитрий МЕЩАНИНОВ

УИК-ЭНД

Издательский дом «Новый взгляд» продолжает рассказывать о том, как «социально значимые» персонажи проводят выходные (праздники, гастроли, отпуска).

Марина Хлебникова:

— Совсем недавно вернулась из Франции. Там я приобрела несколько потрясающих туалетов: брючный костюм черного цвета, окантованный норкой; многослойное платье, состоящее фактически из двух платьев: нижний непрозрачный чехол и прозрачный верх, надеваются друг на друга, а также платье с глубоким декольте спереди и необычным низом в виде красного кринолина. Все туалеты довольно откровенные, благо это позволяет моя фигура.

Одиннадцатилетняя Катя вот уже несколько лет после смерти родителей обитала в детском доме в ближайшем Подмосковье. Была одета, обута, накормлена. Ходила в школу и хорошо училась.

Нормальная вроде бы жизнь. Но ее размеренность, обыденность смертельно надоели девочке. Она все чаще мечтала сбежать на свободу. Нет, не за романтикой, не «за запахом тайги».

Просто Катя поняла, что гораздо веселее, красивее, обеспеченнее можно существовать не только где-то далеко, за границей, но и совсем рядом, в нескольких десятках километров от детдома, в столице.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Окончательно ее в этом убедило, как она позже рассказала врачам в больнице, телеинтервью с отечественной поп-дивой. В числе прочих откровений та поведала миру о своем интимном гардеробе, где самые дешевые трусики стоили 300 долларов.

План побега созрел мгновенно и неотвратимо. Срочно в Москву, в Москву, в Москву!

Крис Кельми:

— В пятницу мы с Додолевым вылетели рейсом «Дельты» в Нью-Йорк. Все выходные там протусовались, а вечером в воскресенье разлетелись: Додолев с женой отправились в Калифорнию, а я (тоже с семьей, соответственно) — в Доминиканскую Республику. Договорились через пару недель пересечься в Майами, куда должен прилететь наш товарищ Марк Рудинштейн.

Игорь Крутой:

— В минувший уик-энд я отдыхал с семьей на Лазурном берегу, во Франции. Что может быть приятнее пассивного отдыха в кругу близких людей на берегу моря?

На свет вокзальных фонарей Москвы, словно мотыльки, слетаются со всей страны малолетние беспризорники. Большинство оказывается в разных уголках огромного города. Некоторые надолго остаются на вокзалах и осваивают нужные там «специальности».

Одни специализируются на подсобках — подмести, принести, вымыть или еще чего. Вторые — в доставании провианта из мусорных баков. Третьи попрошайничают на улице, в подземных переходах, в метро. Четвертые воруют где попало. Многие девчонки занимаются древнейшей профессией — проституцией.

Моются на задворках Казанского вокзала. Рядом с баней бесплатная столовая для бомжей. Тут же пункт выдачи одежды. Но ни еды, ни шмоток на всех, ясное дело, не хватает.

Летом ночуют в подвалах близлежащих домов или в трущобах привокзальных строений. Зимой — на теплотрассах. Или отправляются в отстойники для товарняка и электричек. Клея нанюхаются, «мультики в цвете» посмотрят и укладываются рядами, чтобы теплее было.

Все беспризорники чем-то болеют. Педикулез или чесотка еще не самое страшное. Многие читать-писать не умеют. У некоторых — синдром бродяги. Не хотят ни домой (если он есть), ни в приют или детский дом.

По мнению милиционеров-ветеранов, средний срок пребывания детей на вокзале — года два. Потом они либо совершают преступления, либо умирают от болезней или переохлаждения зимой... Находят работу и выживают единицы.

Борис Моисеев:

— Мне подарили «Кадиллак». Имя человека, который подарил мне машину темной ночи (черного цвета), сами понимаете, раскрыть я не могу. Но это еще не все обновления. Недавно я купил себе изысканное меховое манто, а также костюмы от Гальяно и Жан-Поля Готье, меховую шапку с хвостом и красивые лакированные ботинки.

В уик-энд 20 воспитанников Новосибирской воспитательной колонии попытались симитировать массовое самоубийство, перерезав себе вены... Все они остались живы-здоровы.

Никого даже не пришлось отправлять в санчасть. Поскольку все легкие порезы на запястьях ребят, нанесенные лезвием, были обработаны на месте.

Содержащиеся в этой колонии подростки соблюдают тюремные законы строже, чем взрослые заключенные. Все воспитанники делятся на четыре слоя: «борзые», «приборзевшие», «чушки» и «опущенные».

Денис Кочнев, отказавшийся мыть полы и устроивший бузу, на вершине иерархии. К тому же на днях ему исполнится 18 лет и его этапируют в исправительное учреждение для взрослых.

Вот он и решил, в чем уверены тюремные знатоки, набрать себе очки перед переездом. К тому же Кочнев, осужденный на 5 лет за грабеж, просто нахватался блатной «романтики», когда находился под следствием в камере с бывалыми зэками.

Лада Дэнс:

— Мне сейчас не до отдыха, у меня полным ходом идет ремонт, поэтому все прошедшие выходные я занималась дизайном своей новой квартиры. Я хочу сделать маленький элемент янтарной комнаты, и вот мы с художником разрабатывали дизайн этого янтарного витража. Рисовали, выкладывали разные варианты мозаики, смотрели, что получается. У нас в квартире все будет эксклюзивное, вплоть до ковров. Художник нарисует, а потом все это будет заказано. Ремонт уже близится к завершению, поэтому сейчас самая ответственная работа.

Радистка Кэт:

— Мы (группа «Стрелки») снимались в программе «В постели с...». Ой, чего мы там только не наболтали! Все-все рассказали. Хотите узнать подробности нашей личной жизни, наши пристрастия и еще кое-какие секреты, — смотрите по телевизору, вот только не знаю когда.

МХАТ имени Горького на Тверском бульваре. Неподалеку от театра, в подвале соседнего дома, вот уже несколько лет живут гастарбайтеры из Пакистана и Турции.

Часть своего пристанища они «сдают» беспризорникам. Те обязаны зарабатывать на еду и крышу над головой. Кто и как может. Это личное дело каждого.

Девятилетняя Таня и семилетняя Оля пока способны заниматься лишь попрошайничеством. Для убедительности иностранные дяди выдали русским беспризорницам картонные таблички: «Мама раком болеет», «Хочу есть», «Помогите — мама умерла».

Почти все полученные от сердобольных москвичей деньги девчонки ежедневно отдают гастарбайтерам. Те, в свою очередь, устраивают им более или менее приличный быт.

Тетя Валя каждый вечер приносит им еду. Очень невкусную. Неизвестно где и как приготовленную... Гастарбайтеры есть ее пойло категорически отказываются.

У престарелой тети Вали испитое, опухшее лицо. Воспаленные глаза. Она уверяет, что сама бездомная. Поскольку несколько лет назад лишилась квартиры на Тверской-Ямской...

Вячеслав Добрынин:

— *На прошлой неделе я успел побывать в Израиле и Греции. Почти как Афанасий Никитин, я побывал не на семи, правда, но на четырех морях: Средиземное, Эгейское, Мертвое и Красное. В Греции навестил своего друга Яниса — выступал в Салониках на открытии его ресторана. А подтанцовывали замечательные девушки-гречанки.*

В Израиле побывал на свадьбе. Вместе с моей супругой мы подарили молодоженам (женился сын моего друга) очень красивую вазу. Народу было... Полторы тысячи человек.

В подземном переходе рядом со станцией метро «Китай-город» во второй половине дня всегда вертится многочисленная стая мальчишек. Они хорошо и модно одеты. Громко смеются. Курят и пьют пиво.

Им от 10 до 15 лет. Но любой скажет, что им не меньше четырнадцати. Ведь именно с этого возраста нынешние законы позволяют вступать в половые отношения кому угодно с кем угодно.

Здесь, в трехстах метрах от Спасской башни, продают свои тела мальчики-проститутки. Судьбы у них разные. Общее одно — все они беспризорники. Большинство из дальних и близких уголков России. Есть и коренные москвичи.

Клиенты у них тоже разные. Есть богатые, есть бедные.

— Зачем ты этим занимаешься?

Любой мальчик-проститутка ответит стандартно. Нужны деньги, чтобы поесть. Попить пивка. Купить курево или шмотки. Чтобы где-нибудь переночевать, если остался без клиента.

— Какое у тебя будущее?

— Ответы тут разные. Один собирается вернуться к воровскому промыслу. Другой мечтает когда-нибудь купить паспорт и аттестат, чтобы устроиться на более или менее приличную работу.

Третий ничего менять в жизни не будет. Как только повзрослеет, переберется на новое «рабочее место». Оно неподалеку. У памятника героям Плевны, где тусуются проститутки-мужчины...

Лена Белоусова:

— *В минувшие выходные я была в Монако. Когда я решила искупаться, то, естественно, не знала, что сейчас опасный период, когда у берега плавает много ядовитых медуз. Я решила отплыть подальше и в этот момент на меня напала медуза и обожгла мне руку. Я тут же поплыла к берегу. Самое смешное, что после того, как я вышла из воды, то увидела на пляже большую вывеску-предупреждение «Осторожно! Ядовитые медузы!»*

Мне не хватило ума обратиться к пляжному врачу. И лишь на второй день, когда я ужинала, подошедший официант увидел мою руку и охнул: «Ой, что-то у вас такое? Вы обратились к бич-бою?» Я сказала, что, конечно, нет. «Ах, почему? Это очень опасно!» — прокричал он, и все вокруг меня начали бегать и меня лечить. Так что теперь у меня на запястье, скорее всего, останется шрам, и всем будет казаться, что я перерезала себе вены.

Сначала неожиданно умер Маринин отец. Потом ее маму Галину Викторовну после неудачного падения с лестницы практически парализовало.

С тех пор она постоянно сидела в старом кресле, беспомощно скрестив худые руки... Пришлось 13-летнюю девочку отдавать в детский дом, что находился неподалеку.

Но там она никак не могла привыкнуть к новой обстановке, строгим правилам. Прожив не больше месяца, убежала домой. Возвращаться назад ни за что не хотела. Не помог даже визит самой заведующей.

В тот роковой день к ней пришли в гости подружки. Попробовали еще раз уговорить Марину Малиновкину вернуться вместе с ними в детский дом.

Та твердо сказала:

— В окно выброшусь, но никуда не пойду.

— Ну, прыгни! — демонстративно распахнула оконную раму одна из ее подружек.

Марина разбежалась и выпрыгнула с пятого этажа на глазах ошарашенных девчонок и мамы. Долго и очумело смотрели они на пустое место, где только что стояла она.

Судьба выпускников детских домов незавидна и трагична. 30 процентов ребят становятся бомжами, 20 — преступника-

ми, 10 — страшно подумать — заканчивают жизнь самоубийством. Такова статистика...

Игорь Саруханов:

— В субботу я отметил свой день рождения. По традиции, праздник получился очень веселым и шумным. На шикарной даче, где с недавних пор я живу вместе с женой Екатериной, собралось порядка 30 друзей.

Специально для торжества я пригласил шеф-повара одного известного ресторана, который потчевал нас изысканными яствами: шашлыками, разнообразными рыбными блюдами, фуа-гра, морепродуктами... Я и сам прекрасно готовлю, но в свой день рождения эту почетную обязанность возложил на профессионала, молодого французского повара, который уже около четырех лет живет в Москве...

А дело было так. Как-то, будучи в Марселе, мы с женой заехали в один из многочисленных ресторанов, расположенных в этом портовом городе, и нам очень понравилось, как нас накормили. Случилось так, что мы познакомились с шеф-поваром, сумевшим удовлетворить наш вкус. С тех пор мы дружились. Франсуа вскоре приехал работать в Москву, и в дни особенных торжеств мы приглашаем мастера-француза продемонстрировать свое поварское искусство. Он с удовольствием готовит для нас и наших гостей...

Что касается подарков... Мне всегда дарят необычные презенты: картины, часы, предметы антиквариата.

В два часа ночи в подземный переход на Пушкинской площади с трудом спустился 60-летний выпивший плотник. К нему подошел маленький щуплый мальчик и попросил сигарету. В кулере ему было «грубо отказано»... Тогда мальчик с братками набросились на пьяного.

Из их показаний следует, что, сбив свою жертву с ног, они начали его бить обломками плит, которыми перестилали переход. Мальчишки вспоминали, как «шелкнула челюсть», как «сравнили нос, и все лицо превратилось в кровавое месиво».

— Когда он перестал двигаться, — рассказывал младший, — я подошел и пощупал пульс. Его не было. Тогда обыскали карманы. Так мы всегда делаем.

Старшему из братьев-убийц Володе 14 лет, Вите — 13, Саше — 11. Двенадцатилетний Дима на все это «просто смотрел». Никто из них не отпирался. Не оправдывался. Не мучился угрызениями совести.

Они вспоминали о деталях даже с каким-то садистским удовольствием. Заодно сознались, что на Курском вокзале кончили мужика, потому что он помогал администрации и милиции выгонять из помещений на улицу других бомжей.

В России ежегодно регистрируется примерно три тысячи убийств, совершенных детьми. Судить их нельзя — Уголовный Кодекс предусматривает уголовную ответственность только с 14 лет.

Что делать с детьми-убийцами, никто не знает. Очередная программа борьбы с беспризорностью, выдвинутая властями, реальных результатов не приносит. Во всяком случае, уровень детской преступности пока не снижается...

Сытые депутаты, пахнувшие изысканными духами чиновники, болтливые без меры общественные деятели по-прежнему регулярно произносят жалостливые словеса о печальной судьбе никому не нужных детей. Страстно обличают наипозорнейшее явление наших дней — социальное сиротство.

Неподалеку от Кремля есть вентиляционный колодец. В морозные дни из него исходят белые пары теплого метрополитеновского воздуха.

На днях трое беспризорников ухитрились снять одну из квадратных металлических решеток. Залезли внутрь. И устроили себе более или менее приличную ночлежку.

Она находится прямо под тротуаром. Размером примерно три на три метра. Очень низкий потолок. Пол устлан толстым слоем картона и грязными тряпками.

Посередине стоит деревянный ящик. На нем — бутылка водки, одноразовые стаканчики и незамысловатая закуска.

В углу красуется миниатюрная елочка, уворованная с ближайшего базара. От нее по-настоящему пахнет Новым годом.

Серега из Саратова высунулся из колодца. Взглянул на кремлевские куранты. Сказал, что уже почти одиннадцать. Пора начинать.

Беспризорники разлили водку. Поровну поделили хлеб и прочие съестные запасы.

— Ну, с наступающим! — поздравил товарищей чумазый Колька из Воронежа.

— Чтоб спать зимой было где!.. И пожрать вдоволь! — добавил Максим из Коломны.

Ребята чуть слышно чокнулись стаканчиками. Выпили по глотку. И начали праздновать.

Вскоре они отправятся на Красную площадь. Там в новогоднюю ночь всегда толпится много народа. Все добрые. Никто не сторонится. Даже менты не трогают.

Можно будет на халяву попить шампанского. Полакомиться дорогими конфетами. Поклянчить или вытащить, если повезет, из карманов подвыпивших хорошие деньжата...